

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель 2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир РЫБИН — «Голубой цветок» . . .	2
Глеб ГОЛУБЕВ — «Пасть дьявола»	16
Жорж СИМЕНОН — А Фелиси-то здесь! .	80
Вольфганг С. ЛАНГЕ — Пустая голова . .	129

№ 98

С Е М Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д И З Д А Н И Я

ГОЛУБОИ ЦВЕТOK

Фантастический рассказ

Командир корабля Олег Петрович Кубиков не любил стихи. Это было, пожалуй, единственное, что, по общему убеждению, отличало его от других членов экипажа. Он, собственно, не назвал бы это нелюбовью. И у него, бывало, щемило душу, когда ни с того ни с сего вспоминалась вдруг старая песня или давно позабытый детский стишок: «Однажды в студеную зимнюю пору...» Или что-то подобное. Просто он не писал стихи, как все на корабле. Слова казались ему слишком убогими в сравнении с водопадами чувств, которые временами хотелось выразить.

Но Кубиков сам дал повод думать о себе как о человеке, равнодушном к поэзии. Было это еще на Плутоне, где экипаж проходил предполетную подготовку и проверку на совместимость. Им предстояло уйти в многолетний рейс — ГЗК, как

писала вся межпланетная пресса, — Глубокий зондаж космоса. Еще тогда Кубикова поразило, что все балуются стихами. Ладно бы вчерашний студент «радио-, электро- и прочий техник», как говорили про него на корабле, Дима Снегирев — Димочка, пусть бы психолог Маша Комарова — она женщина, в ней повышенная чувствительность от рождения. А то ведь и «корабельный патриарх» историк и астроном с огромным космическим стажем Иван Сергеевич Родин и тот пописывал стишки в «стенгазету».

Более того, именно с него-то и началась сама «стенгазета». Как-то еще на Плутоне командир шел по коридору и у входа в кают-компанию, там, где в полукруглой нише стояли четыре кресла для отдыха, увидел на стене розоватый листочек фольги со стихами. Было там что-то о тоске по неизведанным далям неба, в которые убегает звездный поток, словно пенный след за кормом на морской дороге. Кубиков подивился такому порядку, но листок не снял. Наверное, потому, что под ним стояла подпись всеми уважаемого Ивана Сергеевича.

Лучше бы он тогда снял его. Потому что на другой же день рядом появились стихи Димочки и Маши. И у Кубикова уже язык не повернулся призвать экипаж к порядку. Потому что Маша — это была Маша, единственный член экипажа, обладавший особой властью над командиром. Властью никому, кроме него, не известной.

Так, по крайней мере, думал сам командир. Но он усомнился в этом, когда увидел в «стенгазете» стишок без подписи:

Олег, скажи на милость,
Ни слова не тая,
Неужто обленилась
Поэзия твоя?..

Он метнул глаза в конец стишка и обомлел, прочитав последние строчки:

...И нашей милой Маше
Ты песню не споешь?

Кубиков ушел, не тронув и этого листка. Но листок исчез сам собой. И Кубикову стало грустно. В тот день он ни на кого не глядел и, погруженный в себя, не замечал, что кают-компания непривычно тиха.

Именно в тот самый день, отвечая на многочисленные вопросы ПАНа — корабельного автомата-психоанализатора, перед отлетом особенно строго проверявшего экипаж, Кубиков и сказал, что он не любит стихи, но относится к ним терпимо.

Не думал он, что уже через год увлечение стишками, ослабляющими земными романсами и прочими недостойными космонавта штучками примет форму всеобщего поветрия.

С каждой секундой корабль все глубже уходил в бездны космоса. Уже и Солнце, родное солнышко превратилось в точку, не отличимую от всех прочих далеких и холодных звезд, уже ни в какой телескоп нельзя было увидеть его в форме привычного диска. Космос дышал отдаленным радиоэхом, и в нем все слабее звучала знакомая нотка солнечного излучения, единственная ниточка, связывающая космонавтов с Землей. На нее, эту вот-вот готовую порваться ниточку, крохотными

бусинками были нанизаны предназначенные им сигналы с Родины.

Корабль мчался со скоростью, превышающей скорость Солнца по галактической орбите, каждую секунду проскакивая почти триста километров. Но казалось, что он стоит на месте. Не менялся даже знакомый рисунок созвездий. Все так же неподвижно висел в черном пространстве ковш Большой Медведицы, все так же, изящно изогнувшись, стояла в иллюминаторах красавица Кассиопея. Только дотошный автоштурман, пошевеливая хоботами антенн, улавливал угловые смещения и чередой цифр, бегущих по экрану, доказывал, что вид созвездий все же меняется.

Там, на стапелях Плутона, конструкторы сделали все, чтобы оградить космонавтов от будущих опасностей. Мощные силовые поля и нубиевые сплавы тройной обшивки надежно защищали корабль. Даже крупный метеорит сгорел бы и распался в пыль, еще не достигнув обшивки. Но не было метеоритов. Была пустота, оглушенная отдаленным эхом хохочущих галактик — радиотрескотней пульсаров, вздохами взрывающихся звезд, неведомыми стонами умирающей и рождающейся материи.

Это и было главной задачей экспедиции — послушать космос из пустоты. И бесстрастные автоматы непрерывно фиксировали все, что потом могло бы заинтересовать ученых Земли. Но сами космонавты не могли долго работать с завидной бесстрастностью приборов. Они жаждали нового и уставали без открытий. И все чаще мучили себя воспоминаниями о Земле — в долгих разговорах в кают-компани, в стихах, в песнях, увезенных с Родины. И все чаще ПАН докладывал командиру об опасности, от которой не было защиты, — о переменах в психическом состоянии членов экипажа. Нужна была новая интересная информация, неведомая опасность, борьба. В крайнем случае могла выручить какая-либо аварийная ситуация. Но не было предусмотрено таких ситуаций, а учебные тревоги мало что давали. И командир все чаще вспоминал старую истину, что человек навечно прикован к обществу себе подобных, что он не способен существовать в одиночестве. И все думал, чем бы взбудоражить людей.

Перед отлетом Кубиков мечтал о том, что корабль обойдут опасности. Теперь он жаждал риска и борьбы. Но космос оставался монотонно одинаковым, точно таким, каким его наблюдают с планетных орбит.

Пустота окружала корабль, опустошала людей.

Первой не выдержала Маша. Однажды командира оторвал от дум тревожный зуммер. Привычно белый глазок на табло психоанализатора на этот раз тревожно пульсировал багровым отсветом. Это был черный стресс — неведомая болезнь, по-видимому родственная земной ностальгии, но стократ усиленная безнадежностью, порожденной пустотой космоса. Черный стресс изредка поражал космонавтов в дальних рейсах. Он парализовал волю человека, целиком отдавал его во власть безысходной тоски. От этой болезни нельзя было вылечиться, только спастись бегством, погрузившись в глубокий и долгий гипнотический сон.

Командир включил разговорное устройство ПАНа и, еще до того как услышал ответ, уже понял, что беда случилась с Машей Комаровой. Вспомнил, что последние дни он слишком часто видел ее в комнате иллюзий, где с помощью хитроумных световых, звуковых и ароматических эффектов воссоздавались земные условия и можно было хоть часок посидеть «в поле», «в лесу» или «на берегу моря».

— Что ж ты, Машенька?! — бодро сказал Кубиков, входя в каюту корабельного психолога. И осекся. Маша стояла у стены, обеими руками торопливо и нервно терла себе виски и страдальчески улыбалась. По ее щекам одна за другой непрерывно катились слезы.

— Извини, — сказала она прерывающимся голосом. — Я сама... должна... Это... пройдет.

— Конечно, пройдет, все пройдет. Ты только успокойся.

Но он знал: не пройдет, как не проходило ни у кого и никогда прежде. Ему не хотелось расставаться с Машей, на месяцы, может, и на годы укладывать ее в камеру сна. Только теперь, страдая за нее, он понял, что значила она для него все это время. И кто знает, что будет с ним самим без обыкновенного ее присутствия на корабле.

— Я... знаю... как вылечить, — сказала Маша, мучительно ломая пальцы и почему-то бледнея. — Нужен... ребенок.

— Какой ребенок?

— Нужен... ребенок, — повторила она. — Нельзя... в дальнем полете... без полного общества. Нужны семьи... и дети... Человеческая воля не может... долго опираться на один только разум... Нужна... поддержка чувств... Любовь вечна потому... что без нее нет человека... Человек не может... как робот...

Она махнула рукой и, обессиленная, упала в кресло.

— Что ты, Маша, успокойся, что ты?!

Он подошел, погладил мягкий и теплый пластик тонкой курточки на ее плече. И усмехнулся иронически, представив себе корабль, превращенный в семейное общежитие, в детский сад. Вместе со всем, что неизбежно сопровождает такого рода сообщества, вынужденные долго жить в замкнутом мире, — ревностью, безотчетной завистью, слепым недоброжелательством. Каким бы строгим ни был отбор на совместимость, все равно трудно предусмотреть развитие человеческой психики на годы вперед.

Маша сидела перед ним прямая, замеревшая. Она словно бы не замечала своих слез, продолжавших катиться по щекам. И он как будто привык к ним, смотрел на короткую — «под шлем» — прическу Маши и боролся с острым желанием потрогать упругие спирали завитков на ее виске.

Тишина, тяжелая, ощутимая, висела за переборками, за оставшейся приоткрытой дверью. Только зуммер психоанализатора все плакал и плакал на Машинном индивидуальном пульте, почему-то напоминавшем туалетный столик.

— Это пройдет, поспишь немного и пройдет, — сказал Кубиков.

— Я не о себе. — Она подняла к нему заплаканные глаза. — Я психолог, знаю: всем нелегко. Знаю. Только я... слабей оказалась...

— Не о себе? — машинально переспросил он и покраснел.

Она не ответила. Медленно встала, как-то странно улыбаясь ему и пошла к двери. И Кубиков понял, куда она направлялась — в камеру сна.

В последующие полгода черный стресс уложил еще несколько членов экипажа. Кубиков ждал, что болезнь отпустит хоть кого-нибудь, но педантичный ПАН все не давал положительно-го заключения. И наступил момент, когда остались бодрствовать только трое — самый молодой Димочка, самый старый Иван Сергеевич да он, командир.

Еще более пусто стало на корабле. Именно в то время и случилось то, чего все давно ждали: в тяжелом радиophone космоса совсем потонула зыбкая пульсация земной связи. Напрасно до предела выдвигались параболические антенны, напрасно автоматическая радиостанция, гудя от напряжения, шарилась по диапазонам, экраны осциллографов были пусты, как снега на Плутоне, а из динамиков доносилось только пугающее разноголосо-хриплое пение космоса.

Пустота словно бы еще углубилась, ощутимой тяжестью ложилась на душу. Кубиков все чаще вспоминал слова Маши о необходимости присутствия детей на корабле, и эта мысль уже не казалась ему столь парадоксальной. От тягостных, словно бегающих по кольцу мыслей он уходил в кают-компанию, устраивал там головоломные дискуссии о легендарных летающих тарелках, о гипотетических встречах с иными цивилизациями. В ход шла любая небывальщина. Но командир сам чувствовал, что все его усилия словно бы попадали в мягкое, как распушенная вата, облака Венеры.

— Ничего, — бодрился Иван Сергеевич. — Все проходит, придет и это.

И пытался развивать ни на чем не основанную, по-видимому, специально по случаю выдуманную философскую концепцию:

— Космос неравномерен. В нем все концентрируется в точки или в полосы. Недаром с одной стороны — крайняя плотность материи, с другой — крайняя пустота. Сейчас у нас полоса невезения, то есть полоса пустоты. Но пересечем же мы ее. И тогда услышим Землю, может, даже лучше, чем с Плутона...

Он успокаивал других. А себя не мог успокоить.

Однажды Кубиков, зайдя к нему в каюту, увидел на столе раскрытый блокнот со стихами. Одно было неокончено:

...Полета четкую программу
Поломал слепой метеорит.
Отказали тормозные дюзы,
Сеть антенн осколки унесли...
Облака, как белые медузы,
Ползают по глобусу Земли,
..... синеют океаны,
Светятся большие города...
Не бродить по улицам туманным
..... никогда...

— Если бы хоть метеорит! — усмехнулся Кубиков. И понял вдруг, откуда такие стихи, и ужаснулся от мысли, что это вовсе не печальные стихи, что это так старый космонавт борется с

ничем, с ужасающей пустотой. Метеорит и в самом деле выручил бы их, пробудил бы в душах уснувшую готовность сопротивляться, создал бы реального противника, с которым надо бороться.

В тот момент, стоя над поразившим его стихотворением, Кубиков впервые всерьез подумал, что, может, не говоря никому, и в самом деле устроить аварию на корабле? И разбудить всех. Для борьбы. Для спасения экспедиции.

Он еще не знал, что как раз в это самое мгновение автоматы, зондирующие дальний космос, нащупывают странную аномалию пустоты.

Равномерный гравитационный фон космоса искажало неизвестное небесное тело. Для того чтобы сблизиться с ним, пришлось снизить скорость корабля и изменить курс. Но командир пошел на это. Ибо лучше было пожертвовать временем и частью горючего, чем потерять в пустоте самих себя.

В командирской рубке они стояли втроем перед черным пульсирующим экраном и молча наблюдали, как радиолучи рисуют на нем неровное, странно бесформенное пятно.

— Чужой корабль! — взволнованно говорил Димочка, поминутно вороша и без того взъерошенные короткие волосы на голове. — Летит, как и мы, обалдев от пустоты...

Кубиков не возражал. Ему нравилась давно не слышанная страсть в голосе Димочки.

— Чего же он курса не меняет? — ворчливо сказал Иван Сергеевич. И Кубиков понял, что ворчливость эта тоже от волнения, что обращена она не к Димочке, а скорее к тем возможным инопланетянам, которые никак не проявляют себя.

Щелкнул переключателем динамик над экраном, и голос Главного мозга корабля бесстрастно принялся перечислять выявленные параметры небесного тела:

— Средний диаметр — сто сорок километров...

— Ничего себе корабль. Не корабль, а целая планета! — тотчас прокомментировал Димочка.

— ...Плотность — один и семь десятых. Курс... Время обращения...

— Какое время обращения?!

Иван Сергеевич ласково пригладил Димочке волосы и сказал с явной иронией в голосе:

— Это же вечные скитальцы. Надоело лететь в никуда, вот они и решили по кругу. Один круг, два круга, хоть считать можно. Все-таки цель.

Что-то роднило этих двух людей, старого и молодого. Еще на Плутоне они спорили по каждому пустяку, бесцеремонно подтрунивая друг над другом, и еще тогда было видно, что споры для них в радость. Но в последнее время они словно бы забыли о живущем в них духе доброго противоречия, и теперь команди радовался его пробуждению.

— Если есть орбита обращения, значит, есть и ее центр? — испуганно спросил Димочка.

Кубиков переглянулся с Иваном Сергеевичем. И как раз в это время снова щелкнул динамик, и Главный мозг сообщил результат только что произведенных расчетов:

— Орбита эллиптическая. Центр — солнечная система.

— Дорогие мои! Это же планета! — воскликнул Иван Сергеевич.

— Единственная планета в такой дали?

— Значит, не единственная, значит, космос не так уж и пуст. — Он повернулся к динамику и сказал с нетерпением: — Ну-ка, друг, пошевели мозгами, если есть планета такой большой массы, то нет ли и других?

Динамик запульсировал странными звуками. Словно кто-то большой и сердитый засопел за стенкой.

— Я и без расчетов скажу, — по-молодому блеснул глазами Иван Сергеевич. — Солнечная система не кончается Плутоном. Она вообще нигде не кончается. Космос пронизан материей от звезды до звезды...

— Почему же мы ничего не встречали? — нетерпеливо перебил Димочка.

— Потому, что ее мало в отдаленных пространствах. И эти планетки, кометки, астероиды — называйте как хотите — бесконечно далеки друг от друга. Земля и Марс совсем рядом, а в своем беге по орбитам они так редко сближаются. Что же здесь?!

Кубиков, не отрываясь от экрана, на котором росло блеклое пятно неведомой планеты, слушал восторженный голос Ивана Сергеевича и чувствовал, как в нем полнится, подступает к самому горлу что-то давно позабытое, радостное. Ведь если все так, то миры вовсе не безнадежно далеки. Пусть редки в пространстве эти материальные тела, но они есть, они как ступени к другим мирам, к другим цивилизациям. Они — плацдармы для веры человека в победу над безмерностью пустоты.

— Я считаю необходимым, — сказал Кубиков, повернувшись к своим товарищам, — теперь же передать ПАНу полученную информацию. Пусть он введет ее в подкорку спящим. Это может помочь им быстрее излечиться от черного стресса...

Планетка оказалась настолько похожей на обычный замарсианский астероид, что просто не хотелось верить в ее страшную отдаленность от Солнца. Корабль выстрелил причальный линь, и тот накрепко вплавился в плотную породу. В лучах прожекторов лежала исполосованная резкими тенями серо-коричневая поверхность. Неглубокие воронки с еле заметными лучиками разбросанной породы говорили о давних столкновениях с метеоритами. Все было как всегда, как на всех небольших небесных телах, с какими когда-либо приходилось встречаться. Это даже разочаровывало, и когда они втроем, округлившись от толстой тепловой защиты скафандров, ступили на ее поверхность, то Димочка так и предложил назвать планетку — Обыкновенная.

— Нет, — поколебавшись, сказал Иван Сергеевич. — Она все же необыкновенная. Она дала нам надежду.

— Пусть будет Надежда, — легко согласился Димочка. — Даже лучше.

Оставив Ивана Сергеевича возле корабля, Кубиков и Димочка облетели ближайшую гряду возвышенностей. После привычного «земного» притяжения в корабле странно было стоять на каменной тверди и знать, что достаточно лишь подпрыгнуть,

чтобы достичь первой космической скорости и превратиться в спутник.

Издали, из черной ночи, освещенный корабль казался целым городом. Светились цепочки иллюминаторов, сверкали большие, как солнца, глаза прожекторов, и освещенные ими острые обрывы сияли так, точно сами были источниками света.

— Похоже, что единственное, чем удивит нас планетка, это самим фактом своего существования, — сказал Кубиков. — Похоже, что здешние породы ничем не отличаются от тех, что есть повсюду в солнечной системе.

Он обвел фонарем вокруг себя, словно желая удостовериться в этой обыкновенности и показать ее Димочке. И обмер, и едва не выронил фонарь: на склоне холма, явно искусственно оплавленного, был вырезан, точнее, выплавлен мощным лучом ровный треугольник.

— Вот тебе и «обыкновенная», — почему-то шепотом сказал Кубиков, обходя знак со всех сторон.

В этот раз они нашли еще несколько оплавленностей. Кое-где на них были знаки — окружности, прямоугольники, странные изображения, похожие на головастиков. Знаки были разбросаны на большой площади без какой-либо системы, и казалось, что неведомое существо, оставившее их, просто забавлялось, резало камни мощным лучом, рисовало что придется.

— Вот те на! — неизвестно чему радовался Димочка. — Искали следы могущественной цивилизации, а нашли наскальную живопись.

Кубикову не было так весело. Он подумывал о том, не стоит ли укрыться за силовыми полями корабля и не поручить ли роботам дальнейшее обследование планетки. Именно это требовала инструкция — крайней осторожности при встрече с иным разумом или со следами его...

Из командирской рубки они видели на экране, как расходились во все стороны черные роботы, похожие на пауков, как расставляли светящиеся маяки на вершинах скал. Роботы осторожно прощупывали грунт острыми наконечниками всех своих шести ног, заботясь о том, чтобы не делать резких движений, не оттолкнуться ненароком от поверхности и не взлететь. Они переползали расщелины, распластавшись на скалах, далеко в стороны выдвинув телескопические лапы. А если срывались, то мгновенно втягивали лапы, включали двигатели и зависали над камнями, сметая ракетными струями быструю пыль.

Шел час за часом. Роботы уже обследовали другую сторону планетки, но ничего нового не нашли, кроме еще нескольких разбросанных в разных местах наскальных рисунков.

Сигнал «Внимание!» прозвучал неожиданно для всех. Главный мозг корабля, непрерывно следивший за роботами и обрабатывавший информацию, тотчас показал на экране неглубокую ложину и двух «пауков», быстро бежавших к вертикальной скале, возвышавшейся над местностью. Прожекторы рисовали черно-белую мозаику теней и световых пятен. Скала топорщилась множественными острыми разломами, похожими на колючую шкуру неведомого чудовища. И вдруг лучи выхватили из

тмы оплавленные края камней и чуть выше — большую гладкую стену, сверху донизу испещренную непонятными знаками.

Космонавты молча смотрели на заполнившую весь экран странную таблицу и не знали, что и подумать. Было очевидно — это письма. Но зачем они здесь, на затерянной планетке? Почему разумные существа несомненно могучей цивилизации прибегли к такому примитивному способу передачи информации?..

Кубиков почувствовал вдруг, что дверь за его спиной тихо отворилась и в рубку вошел еще кто-то.

— Как вам не стыдно! — послышался хриловатый после долгого сна голос Маши. — Это не по-товарищески. Такое открытие, а я сплю.

Все трое посмотрели на нее, словно не узнавая.

— Свершилось! — громко сказал Иван Сергеевич. — Теперь мы знаем: они есть, братья по разуму.

— Или были, — задумчиво добавил Димочка. — Может, надписи миллиард лет.

— А что тут написано? — спросила Маша.

Снова все трое посмотрели на нее и улыбнулись, снисходительно прощая ей такую наивность. И эта снисходительность, это простое человеческое чувство помогло сделать им еще одно открытие.

— Ты... проснулась?..

— А что говорит ПАН?

— ПАН, видно, сломался. Все просыпаются.

— Не сломался, — сказал Кубиков. — Это я велел ему сообщить вам, спящим, новую информацию.

Он встал, бесшумно прошелся по мягкому пластику пола и, остановившись посередине рубки, махнул рукой.

— Была не была! Пусть думает, на то он и мозг. Ты слышишь меня?

— Я слушаю, — зазвенел в динамике спокойный голос.

— Попробуй все же. Может, удастся разгадать эту... клинопись. Отключись от всего. Думай. — И повернулся к Димочке: — Передай на Землю. Все передай.

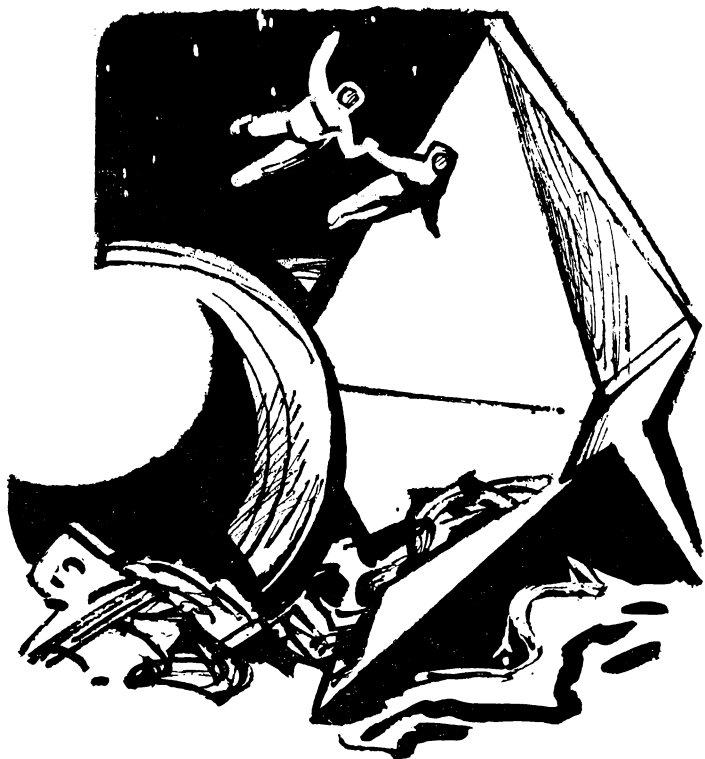
Димочка удивленно посмотрел на командира.

— Так нет же связи.

— Все равно передай. На всякий случай...

Еще некоторое время они сидели у экрана, наблюдая, как ходят по камням колченогие роботы. Потом, не сговариваясь, поднялись и разошлись по своим каютам. Новость была слишком велика. К ней следовало привыкнуть после нескольких лет парализующей пустоты.

Но и сидеть в уединении никто уже не мог. Гипотезы одна другой фантастичнее роились в голове у каждого. Кубикову было и радостно и тяжело. Как после сдачи последнего экзамена в институте, когда им, группе будущих космонавтов, сказали, что не все трудности позади, что предстоит еще один экзамен — на умение пользоваться своими знаниями. В тот раз они — уже не студенты, но еще и не специалисты — собрались было отдохнуть в своем узком кругу, как они говорили, «отпустить вожжи». Но вместо этого пришлось снова готовиться к экзаменам, запереться в одиночной комнате само-

Рисунки Н. ГРИШИНА

образования и думать, думать, и отвечать на бесчисленные вопросы электронных экзаменаторов.

Кубиков прошел в «прихожую», как на корабле называли герметический блок выхода в открытый космос, и увидел там Машу, уже одетую в скафандр.

— Я не буду отвязываться, — виновато сказала Маша. По инструкции никто не мог покидать корабль без разрешения командира.

Кубиков ничего не ответил. Он знал, что Маша его подождет, что они вместе пойдут по пыльному бездорожью планеты, пойдут далеко, чтобы намолчаться под черным пологом бездны, в полной мере насладиться одиночеством. Великолепным одиночеством вдвоем.

Держась за руки, они перелетали через глубокие черные провалы, подпрыгивая, словно танцуя, шли по мягкой пыли низин. Позади и чуть в стороне следовал за ними верный страж космонавтов — светящийся в темноте серебристый робот.

Они не собирались уходить далеко. Но скоро поняли, что не смогут вернуться, не посмотрев таинственной надписи на скале, не потрогав оплавленных камней.

Двигаясь от маяка к маяку, они наконец взлетели на острый гребень скалы, с которой, казалось, можно было обозреть всю планету, горбившуюся серыми неровными боками, чуть заметно вырисовывавшимися при свете звезд, и увидели впереди ярко освещенное пятно. Включив индивидуальные ракетные двигатели, Кубиков и Маша устремились к этому пятну, проскочили по инерции и, сделав резкий поворот через головы, опустились у подножия освещенной скалы. Закрепленные по бокам прожекторы рельефно высвечивали каждый знак. Знаки были четкими, словно неведомый резчик только вчера закончил свою работу. Но похожая на шрам глубокая борозда с краю, вырвавшая часть таблицы, свидетельствовала о древности надписи. Ведь метеориты в этой части вселенной так редки.

Они стояли перед скалой, как перед огромной раскрытой книгой, и думали о глубочайшей мудрости, возможно, заложенной в этой таблице.

— Командир! — послышался в наушниках голос Ивана Сергеевича. — Кажется, получается.

— Что?

— Расшифровка. Только странное что-то получается.

— Читай.

— Читать? — почему-то переспросил Иван Сергеевич. — Прямо как я понял?

— Давай как понял.

— Ну слушай.

Он откашлялся, словно перед ним была большая аудитория, многозначительно помолчал и начал декламировать с выражением, с паузами:

— Белые чудовища ловили нас
длинными руками протуберанцев.
Черные карлики завораживали
невидящим глазом смерти.
Но мы, обманув пространства,
на зыбкой границе огня и льда
нашли «Голубой цветок»...

— Все? — спросил Кубиков, выждав паузу.

— Продолжения пока нет.

— Опять стихи? — Ему подумалось, что старый космонавт не по возрасту и неуместно дурачится.

— Это я так перебел. Для ясности. Но за точность ручаюсь.

— Сейчас я буду...

Пользуясь своими ракетными двигателями, они с Машей взлетели над планеткой и, описав параболу, опустились неподалеку от корабля. И увидели Димочку с каким-то аппаратом в руках. Димочка оглянулся на них и почему-то торопливо, словно нашкодивший мальчишка, нырнул в ярко освещенный люк «прихожей».

Когда Кубиков с Машей вошли в командирскую рубку, там перед экраном уже сидели Иван Сергеевич, Димочка и еще

один член экипажа, видимо только что освобожденный ПАНом биолог Нина Панкина. Никто не обернулся к ним. И Кубиков, взглянув на экран, тоже оцепенел: по экрану, пульсируя и толкаясь, ползли буквы, сбивались в слова. Главный корабельный мозг уже заканчивал расшифровку, и на экране, тихо гудящем в мертвой тишине, мелькали последние фразы о теплых волнах, о какой-то насмешке и вечно враждующих силах.

— Неужели больше ничего? — удивился Кубиков.

— Расшифровка окончена, — тотчас откликнулся звенящий голос.

Все посмотрели на командира, словно он знал больше других. Только Иван Сергеевич не поднимал головы, сидел и то-ропливо писал что-то.

— Вот! — радостно сказал он, вставая во весь свой большой рост. — Имею честь предложить первый перевод первого образца межгалактической поэзии.

Он откинул голову, сверху вниз посмотрел в поблескивающий розовой фольгой раскрытый блокнот и стал читать уже знакомые Кубикову строки о длинных руках протуберанцев, загораживавших путь к чудному «Голубому цветку». Затем Иван Сергеевич сделал паузу, внимательно посмотрел на командира, словно персонально приглашая его в слушатели, и продолжал:

— ...На «Голубом цветке» —
этом чуде вселенной —
живое не прячется в недра
от мертвых объятий космоса,
не убегает
от всепожирающего огня звезд.
Качают теплые волны
живое на пенных гривах
и пеленают радуги
всеми цветами галактик,
словно в насмешку
над вечно враждующими
слепыми и злыми силами...

Прочитав это, он торжественно оглядел всех. И вдруг глаза его заметались в растерянности от какой-то мысли, которая, по-видимому, только что пришла ему в голову.

— Товарищи, дорогие мои, я-то, старый, думал, что «Голубой цветок» — это некая чудо-планета в далеком космосе, вечная легенда, которую не обошел ни один фантаст. А ведь это... это, наверное, наша... наша Земля?! Чудо вселенной!

— Точно! — вскинулся Димочка. — И живем мы на поверхности планеты, и волны у нас, и радуги...

— Послушать вас... Что же получается?.. — сказала Нина.

Она не договорила, но все поняли, что будет, если развивать эту мысль. Если Земля единственная и неповторимая, то чего искать в космосе? Мысль, вроде бы радующая самолюбие, обернется для землян ослаблением интереса к далеким мирам. Эта идея несла в себе зародыш самопогибели, способность парализовать дерзания, те самые, на которых и вознесся к звездам род человеческий.

— От добра добра не ищут? — то ли спросил, то ли утвердительно заявил Димочка.

— Ищут, — решительно сказал Кубиков. — Не поиски лучшего движут людьми, а поиски разного. Даже если мы убедимся, что нет планеты, равной Земле, все равно надо исследовать космос. Хотя бы для того, чтобы знать, какие опасности могут угрожать нашей... нашему... «Голубому цветку»...

Командир не говорил ничего нового, но его слушали со вниманием. Бывают моменты, когда напоминание общеизвестного важнее новизны, когда оно наводит порядок во взбаламученных чувствах, все расставляя по местам.

— ...Нет, мы не помчимся обратно на крыльях нового сомнения. Мы продолжим экспедицию, даже если пустота будет убивать нас. Это задание Земли, единственной и неповторимой планеты. И я приказываю, — он оглядел своих товарищей, никогда за весь полет не слышавших этого резкого слова, — приказываю в течение ближайших десяти часов закончить исследования на Надежде. Жду докладов. Через десять часов мы стартуем на маршрут.

Никто не возразил, не улыбнулся. Люди молча разошлись по своим местам, и Кубиков остался один в командирской рубке. Перед ним на большом экране суетились роботы, собирая с поверхности планеты расставленные маяки, несли к кораблю приборы, контейнеры с образцами пород.

Кубиков принимал доклады о готовности, отдавал распоряжения, а сам все это время думал о странной надписи на камне. Что побудило неведомых разумных существ к такому поступку? Добро бы какая информация, конкретное сообщение, указание дороги к братьям по разуму. Он говорил себе, что в найденных стихах тоже немало интересного, но не успокаивался: не эмоций ждал он от космических посылок, а цифр, фактов, формул.

Однако было что-то такое, что заставляло снова и снова повторять про себя стихи о «Голубом цветке». Что-то волновало Кубикова, возвращало мысли к тем и радостным и грустным дням, когда они последний раз обнимали на Земле родных и близких, когда стартовали с Плутона...

Через десять часов последний остававшийся на Надежде робот извлек из грунта наконецник причального линия и на нем был втянут внутрь корабля. И поползли в лучах прожекторов острые выступы скал. Видны были многочисленные точки — следы роботов, и овальные вмятины — следы башмаков. Блеснул в пыли какой-то мелкий предмет, видимо, оброненный роботами. И вдруг на весь экран выплыла люминесцентно горящая надпись: «Олег+Маша=». Две черты знака равенства были едва заметны, видно, у того, кто писал, кончилась краска.

Кубиков встал, взволнованный и сердитый, шагнул к экрану. И вспомнил непонятную настороженность Димочки, когда он торопливо нырнул в «прихожую» с каким-то аппаратом в руках. Теперь Кубиков знал, что это был за аппарат, — пистолет для разбрызгивания краски.

— Твоя работа? — спросил он, вызвав Димочку на экран внутренней связи.

Димочка ничуть не растерялся, воодушевленно принялся го-

ворить о том, что это единственное, что он мог придумать за короткое время пребывания на Надежде, что надпись на века, что и через миллион лет планета будет нести на своих камнях это свидетельство любви...

— Какой любви?! — сердито оборвал его Кубиков.

— Все знают, какой...

Он отключился от Димочки, ничего не выговорив ему. Сел и уставился на удаляющуюся, тонущую в черноте космоса надпись. И вдруг неожиданно для самого себя улыбнулся. А что, собственно, случилось? Космос не обидится. А космонавты, которые когда-нибудь попадут сюда?.. Свои, может, поймут. А инопланетяне? Вот поломают головы над решением этого уравнения?! Хотя кто их знает. Может, они все будут понимать, те инопланетяне. Может, они будут знать, что высшая мудрость космоса — жизнь, а высшая мудрость жизни — чувства...

Кубиков с нежностью подумал о Маше, вспомнил ее слова о детях, необходимых в дальних космических экспедициях. Нет, не о детях вообще она тогда говорила. Сказала: «Нужен ребенок». Один. Ее ребенок. И его?

Теплая волна нежности охватила Кубикова. Остро захотелось на Землю. В тихий домик у синей речки где-нибудь в верховьях Волги. Чтобы проснуться на рассвете, поцеловать спящую Машу, сварить кофе. А потом выйти на крыльцо и слушать шорох раннего грибного дождя в листьях осины...

Он закрыл глаза и долго сидел неподвижно, наслаждаясь захлестнувшей его новой печалью. Когда очнулся, первое, что увидел, — светящееся табло психоанализатора. Обычно темное, оно теперь слабо пульсировало, словно где-то в его глубине пробегали первые зарницы приближающейся грозы.

— Но, no! — сказал Кубиков и погрозил ПАНу пальцем. — Со мной этого не выйдет.

Он встал, прошелся по рубке, постоял в задумчивости. И решительно направился к двери. Он уже знал, как бороться с черным стрессом. Пусть роботы делают свое дело, пусть докладывают. Все равно он будет каждый день, по примеру древних капитанов, обходить весь корабль. Осматривать блоки, швы, самих роботов. Каждый день.

«ПАСТЬ ДЬЯВОЛА»

Повесть

Так много удивительных событий произошло всего за месяц, проведенный нами в «Пасти дьявола», что мне порой кажется, будто минуло несколько лет с того тихого, спокойного вечера, когда в холле конференц-зала «Богатыря» началась обычная «оперативка». Но мой дневник подтверждает: все дальнейшие события совершились в самом деле на протяжении пяти недель.

Первая запись: «3 сентября. В 19 часов, после ужина, как обычно, оперативное совещание».

Я прекрасно помню тот вечер. Холл конференц-зала уютный, просторный. Под огромным мозаичным панно, изображающим тропический остров в красочной манере Гогена, за длинным столом собрались все главные ученые мужи нашей экспедиции. Кондиционер работал на совесть. В холле было прохладно, в первый момент даже бросало в дрожь после духоты и жары на палубе.

Начальник рейса профессор Андрей Самсонович Суворов сидел рядом с капитаном, привычным жестом машинально оглаживая холеную бороду. Завел он ее явно для солидности. Все равно борода не могла скрыть, что Суворову только сорок лет. Пока она лишь принесла ему прочно приставшую кличку Черномор.

Немногословно и деловито Суворов напомнил о том, что в международной программе исследований тропической части Атлантики — сокращенно она именуется «Тропэкс» — «Богатырю» достался, пожалуй, самый интересный и важный район. Именно здесь, у тропика Рака, возле Багамских островов, где мы будем работать в тесном контакте с английскими и американскими коллегами, берет начало Гольфстрим — великая «река в океане». Она несет воды в семьдесят раз больше, чем все реки земного шара, вместе взятые. Изучают Гольфстрим уже не одно столетие, но многое еще остается неясным и даже загадочным для науки. Возможно, и у нас будут интересные открытия. Ведь удалось же нашим океанографам обнаружить здесь несколько неизвестных доселе мощных течений — одно из них названо Антильско-Гвианским, другое получило имя великого Ломоносова.

— Послезавтра мы прибываем в отведенный нам район и начинаем исследования. Как готовы отделы, прошу доложить.

Печатается с сокращениями.

Первым Суворов предоставил слово «небесному кудеснику» — начальнику метеослужбы профессору Лунину.

— Именно здесь зарождаются тропические ураганы и циклоны, — сказал Лунин. — Один из них, кстати, только что начал создаваться, назвали его Луизой. Двигается к Антильским островам.

Все оживились, но «небесный кудесник», усмехнувшись, добавил:

— Боюсь, что разочарую вас, коллеги. Нам с этой Луизой познакомиться поближе вряд ли удастся. В нашу сторону она, пожалуй, не повернет. Хотя все возможно.

Лунин сел и, поглаживая бритую голову, стал изучать свежую синоптическую карту, положенную перед ним на стол одним из его сотрудников. О готовности своих отрядов и лабораторий начали коротко докладывать другие ученые.

Наш «Богатырь» — настоящий плавучий институт с двадцатью шестью лабораториями. На борту собственный вычислительный центр, три вертолета и даже небольшой разборный дирижабль. Есть мезоскаф, способный погружаться на глубину до километра и брать со дна пробы грунта стальными клешнями. Есть великое множество всяких хитроумных приборов. Они позволяют ученым сорока разных специальностей изучать одновременно и глубины океана, и волны на его поверхности, и течения, и все, что творится в атмосфере.

Руководить таким сложным хозяйством нелегко. Но совещание шло в хорошем рабочем темпе. Начальник рейса уже хотел закрывать «оперативку», как вдруг попросил слова Сергей Сергеевич Волошин и неожиданно подкинул этукую «психологическую бомбу»...

Я застенографировал его выступление и теперь привожу его дословно по дневнику.

«Уголок Атлантики, где нам предстоит работать, действительно интереснейший. Но меня удивляет, что никто из присутствующих не упомянул о главной его загадке. Этот район между побережьем Америки, Бермудскими и Багамскими островами — так называемый «Бермудский треугольник» — давно пользуется у летчиков и моряков такой дурной и зловещей славой, что они окрестили его «Пастью дьявола». Здесь при загадочных и порой совершенно непонятных обстоятельствах нередко бесследно пропадают самолеты и даже довольно крупные суда. Приведу лишь несколько случаев, — Сергей Сергеевич раскрыл блокнот. — В декабре сорок пятого года пять американских бомбардировщиков-торпедоносцев «Эвенджер» вылетели с аэродрома в штате Флорида для выполнения обычного учебного полета над океаном. Погода была превосходной. Однако через два часа командир звена вдруг неожиданно сообщил: «Мы сбились с пути и не знаем, где находимся». После этого радиосвязь с самолетами прервалась, ни один из них на вызовы не ответил. На поиски их послали гидросамолет. И он пропал бесследно со всеми тринадцатью членами экипажа, успев лишь передать, что на высоте около двух километров сильный ветер. Была срочно организована одна из крупнейших поисковых операций, какие когда-либо проводились. По сообщениям газет, в ней приняло участие более

трехсот кораблей, подводные лодки, несколько десятков самолетов. Неделию они тщательно обследовали весь «Бермудский треугольник», но не смогли обнаружить никаких следов пропавших самолетов».

Я только успевал записывать:

«Некоторые самолеты пропадали мгновенно. Другие успевали передать короткие сообщения, впрочем лишь усугублявшие загадочность исчезновений. С одного самолета передали в ясный, солнечный день, будто море под ними вдруг «стало желтым» и приняло «какой-то странный вид». После этого рация замолчала.

При столь же загадочных обстоятельствах здесь исчезают бесследно и суда. Причем нередко происходит это при хорошей погоде. Радиосвязь прерывается на полуслове, и отправляющиеся на поиски самолеты и спасательные суда не находят никаких следов пропавших.

По самым приблизительным подсчетам, при таких загадочных обстоятельствах в «Пасти дьявола» лишь за последние тридцать лет исчезло около сотни кораблей и самолетов...

В холле поднялся шум. Но Волошин, повысив голос, продолжал, помахивая над головой блокнотом:

— Я не собираюсь морочить вам головы, уважаемые коллеги. Все эти факты приводились в печати, они широко известны. Последним совсем недавно, в марте семьдесят третьего, здесь пропало без вести транспортное судно «Анита» водоизмещением в двадцать тысяч тонн, с командой из тридцати двух человек...

— Сергей Сергеевич! — укоризненно качая головой и стуча карандашом по стакану, заменявшему ему председательский колокольчик, попытался остановить Волошина начальник рейса.

— Нам никакая опасность не угрожает, я не хочу никого пугать, — сказал Сергей Сергеевич. — Но считаю: мы должны уделить должное внимание этой загадке. Должны учесть дурную славу этого района и быть начеку. Верно, Аркадий Платонович?

— Ну район действительно довольно сложный для плавания, — уклончиво протянул капитан, чувствуя себя весьма неуютно в центре общего внимания. — Сильные течения, сложный рельеф дна, неустойчивая погода, внезапные шквалы, частые туманы...

— Одним словом, ничего таинственного, — недовольно сказал профессор Суворов. — Зачем забивать нам головы досужими вымыслами газетчиков? Не будем отвлекаться, во всех отделах еще много недоделанной работы.

— Ну, Андрей Самсонович, я думаю, загадки тут все же есть, — покачал головой Волошин. — Думаю, не стоит от них отмахиваться лишь потому, что они не включены в план работ. Загадки должны манить к себе ученого, а не отпугивать. Как хорошо сказал Паскаль: «Неважно, что ищешь, важно, что находишь...»

— Паскаль был, конечно, голова. Но такая метода нас может далеко завести, — насмешливо сказал профессор Лунин. — Говорят, существует еще загадочный «шестиугольник Хаттераса». Может, похерим вообще план научных работ?.. Будем гоняться за газетными «утками»?

Сергей Сергеевич весьма выразительно развел руками и сел.

Когда «оперативка» закончилась, я поспешно вышел из холла следом за Волошиным и решил не отставать от него ни на шаг. Постепенно ко мне присоединялись другие любопытствующие, и вскоре за Сергеем Сергеевичем шагало уже не меньше десятка людей. Волошин зашел на метеонаблюдательную площадку и задержался возле будочки, где обитал ИПШ — инфразвуковой предсказатель шторма. Этим прибором, созданным в его лаборатории новой техники, Сергей Сергеевич очень гордился.

— Вот верный сторож, — произнес Волошин, постукивая пальцем по шкале прибора. — Пока спокоен. Значит, штормик нам не грозит, ураган колобродит еще где-то далеко. Между прочим, очень любопытный прибор, Николаевич, — повернулся он ко мне. — Вы как представитель прессы должны непременно заинтересоваться.

— Сергей Сергеевич, побойтесь бога! — взмолился я. — Сто раз вы уже мне объясняли, что устроен он по образцу «уха медузы», улавливает «голос моря», неслышимые, инфразвуковые волны и способен предупреждать о приближении шторма за пятнадцать-двадцать часов.

Волошин рассмеялся.

— Лучше расскажите о таинственной «Пасти дьявола». Смотрите, сколько любопытных собралось.

Сергей Сергеевич весьма ненатурально сделал вид, будто лишь теперь заметил толпу.

— Предлагаю посвятить этим загадкам очередное заседание «Клуба рассказчиков на полубаке».

Вскоре все собрались на корме под вертолетной площадкой. Кто-то аккуратно прикрепил кнопками на доске карту Атлантики. На ней красным фламастером был отмечен большой треугольник с вершинами у Бермудских островов, у острова Пуэрто-Рико и у южной оконечности полуострова Флорида.

Мы расселись поудобнее, закурили, и Сергей Сергеевич не спеша, с удовольствием снова рассказал то, о чем говорил на «оперативке». Тут его никто не сдерживал, не останавливал — наоборот, поддерживали и дополнили. Конечно, многие слышали и читали о загадках «Бермудского треугольника», прекрасно знали о самых фантастических гипотезах насчет них, но только стеснялись обсуждать их на серьезном научном совещании, считали это несолидным. Но теперь все заговорили наперебой.

Кандидат биологических наук Бой-Жилинский пересказал статью из какого-то польского журнала. В ней сообщалось, что в «Пасти дьявола», оказывается, бесследно пропал даже линкор «Сан-Пауло»!

— Настоящий линкор? — недоверчиво переспросил кто-то из моряков, невидимый в быстро сгущавшейся темноте.

В тропиках вечера наступают рано, часов в шесть. И сумерек тут не бывает. Закат угасает так быстро, словно кто-то там, в небесах, поворачивает выключатель. Мгновение — и вот уже над головами сияют звезды.

Кто-то присвистнул наверху, на вертолетной площадке. Там, оказывается, тоже собрались любопытные, словно в литерной ложе:

— Вот это да! И никто не спасся? Никого не нашли?!

— Нет. Ни одного человека. И никаких обломков не обнаружили.

— А «Циклоп»? На нем триста девять человек было.

— Ого!

— А в 1963 году тут танкер «Мэрин Сольфер Куин» пропал. Американский.

Вихрастый лаборант-метеоролог Олег Никаноренко, заикаясь от волнения, рассказал о загадочной пропаже в сорок восьмом году самолета ДС-3 с тридцатью шестью пассажирами.

— Они у-уже приближались к Майами, в-видели городские огни. И тут же связь прервалась. Самолет в аэропорт не прибыл, п-пропал бесследно.

Олегу все привыкли верить. Он был прямо ходячей энциклопедией, особенно по вопросам метеорологии.

— Тут, в «Бермудском треугольнике», бывало, находили вполне исправные суда, почему-то покинутые моряками, — подал голос другой лаборант, океанограф Гриша Матвеев. — В 1881 году обнаружили американскую шхуну «Эллен Остин» без единого человека на борту. А в двадцатых годах, не помню, когда точно, встретили в открытом океане шхуну «Кэрролл Дириг». Паруса подняты, а на борту ни души, только две кошки. На камбузе плита еще горячая, бобы с мясом. Видно, команда собиралась завтракать. Но все куда-то исчезли, и шлюпка была на месте.

— Может, тут гости с другой планеты ловушку устроили? — засмеявшись и тут же смутившись, сказал молодой морячок.

— Этакую человеколовку? — подхватил Волошин. — Мне лично больше нравится другая гипотеза: а что, если тут существуют своего рода ворота в другой мир, в соседнюю вселенную, и через них по неосторожности туда и проскакивают некоторые самолеты и корабли?

— Ну это уж полная фантастика.

— Почему? Такую гипотезу — о существовании множества параллельных вселенных, возможно, сообщающихся между собой, высказал отнюдь не фантаст, вполне солидный ученый академик Марков.

— Гипотез хоть отбавляй, — помолчав, сказал Сергей Сергеевич. — Кто во всем винит гигантские волны, якобы возникающие тут при внезапных подводных землетрясениях. Другие считают причиной гибели судов нападение морских чудовищ, будто бы скрывающихся в глубинах океана...

— А о гипотезе Баркера слышали, Сергей Сергеевич? — спросил Олег Никаноренко.

— Что за гипотеза? — спросил боцман.

— Баркер написал целую книгу «Великая мистерия в воздухе», — начал рассказывать Олег. — Он ссылается на последние открытия физиков, вроде бы подтверждающие существование антигравитационных частиц материи. И вот, считает Баркер, эта материя, не подчиняющаяся нашим законам тяготения, проникает внутрь земной коры и скапливается под морским дном, порождая сильные гравитационные и магнитные аномалии...

Так мы болтали еще довольно долго.

— Гипотез немало, — сказал, вставая, Сергей Сергеевич, — но ни одна не поможет нам сегодня разобраться в тайнах «Пасти дьявола». Пора спать, братцы, завтра работы много.

Все начали подниматься и расходиться по каютам. Мы с Волошиным еще постояли у поручней на самой корме, возле спущенного на ночь флага. Отсюда хорошо смотреть, как убегает вдаль клокочущая вода. Особенно вечером, когда она сверкает и переливается в ярком свете гакабортного фонаря. Этим зрелищем можно наслаждаться часами. И мы, зачарованные, простояли довольно долго.

— Надо все-таки идти спать, — произнес Волошин, тряхнув головой. — Наваждение какое-то. Зайдем к Володе?

Я кивнул. Это тоже стало у нас своего рода ритуалом: заглядывать перед сном в ходовую рубку, если к этому времени уже заступал на вахту наш друг Володя Кушнеренко.

Свет в рубке был уже потушен, в темноте смутно вырисовывалась фигура рулевого, замершего возле своего пульта. На больших судах, таких, как «Богатырь», никаких «штурвалов» не увидишь. Их заменяют рулевые колонки с рычажками и клавишами. Моряки прозвали их «пианино». Так и говорят рулевые, сменяясь с вахты и помахивая кистью уставшей руки:

— Ну отыграл на пианино...

— А где Владимир Васильевич? — спросил Волошин.

Рулевой молча показал взглядом на неплотно прикрытую дверь, которая вела в штурманскую рубку.

— Это мы, — сказал Сергей Сергеевич, открывая дверь. — Зашли пожелать спокойной вахты.

Володя молчал, ожидая, когда мы войдем. Потом хмуро ответил:

— Боюсь, не поможет.

— Ожидается шторм? — удивился Волошин. — Мой «ипшик» молчит.

— Нет, пока все тихо, — покачал головой штурман и, помолчав, добавил: — Принята радиogramма из Гамбурга. Прервалась связь с яхтой «Прекрасная Галатея» какого-то Хейно фон Зоммера. Вторые сутки не отвечает на вызовы. Официально просят все суда и самолеты, находящиеся поблизости, принять участие в ее поисках.

Мы с Волошиным переглянулись.

— А что за яхта? — спросил Сергей Сергеевич.

— Прогулочная. Катала богачей по океану. Двенадцать человек команды да прислуга. И гостей этого фон Зоммера человек пять-шесть, а может, больше, точно неизвестно.

— А где была эта красотка, когда ее последний раз слышали?

— Последний раз выходила на связь позавчера в шестнадцать тридцать. Находилась примерно вот здесь. — Володя ткнул пальцем в большую карту, разложенную на широком штурманском столе.

— Далеко от урагана. И закрыта от него Багамскими островами. Погода там, наверное, хорошая.

— Полный штиль. Яхта новенькая, только в прошлом году построена. Капитан и команда — опытные моряки. Навигационное оборудование самое совершенное: система «Дакка», локаторы, радиопеленгаторы. Кроме судовой радиации, работавшей во всех диапазонах, имела и аварийную. Был на ней установлен даже автомат, подающий сигнал бедствия. Бывают такие случаи, что радист не может добраться до своей рубки: ну пожар там силь-

Рисунки Ю. МАКАРОВА

ный, взрыв. Тогда автомат сам подает сигнал, сообщает позывные судна и координаты.

— И несмотря на все это, яхта молчит?

— Молчит.

— Надо зайти в радиорубку, — сказал Волошин.

Мы вышли на палубу. Волнующее ощущение полета над ночным океаном на сей раз меня не захватило. Что-то неуловимо изменилось. Ночная тьма вдруг стала иной, тревожной, враждебной.

Радиостанция на «Богатыре» размещалась в трубе, установленной лишь по традиции, для красоты. Рядом с вахтенным радиистом сидел начальник радиостанции Вася Дюжиков. Они даже не заметили нас. Оба не отрывали глаз от мерцающих огоньками приборов.

Дюжиков снял наушники. Из них слышались неразборчивые озабоченные голоса.

— Ну как? — спросил Володя.

— Пока ничего.

Дюжиков посмотрел на часы, висевшие над столом. Два сектора на циферблате выделены красным цветом — по три минуты, от пятнадцатой до восемнадцатой и от сорок пятой до сорок восьмой. Международные периоды молчания, как принято называть это время. В эти шесть минут каждого часа радиостанции на всех судах и береговые, поддерживающие с ними связь, обязаны только слушать, не раздастся ли откуда зов о помощи.

Сейчас было сорок четыре минуты первого. Стрелка приближалась к сектору бедствия.

Бахтенный радист менял настройку, и в рубку врывались тревожные голоса.

— «Галатhea», «Галатhea»! — зывал женский голос и что-то сказал по-немецки.

Я вопрошающе посмотрел на Володю.

— «Галатhea», где ты, отвечай. Твое положение! — перевел он.

— Проклятая «Пасть дьявола», — мрачно пробасил по-английски бесконечно усталый голос.

И тотчас же в эфире воцарилось молчание. Я взглянул на часы: стрелка вступила на красное поле.

Она двигалась страшно медленно, еле ползла. И все это время, вдруг словно ставшее бесконечным, из динамика доносились только шорохи и треск атмосферных разрядов.

И это гробовое молчание показалось мне тревожней самых громких призывов о помощи...

Стрелка с явным облегчением соскочила с красного сектора. В динамике снова начали перекликаться голоса на разных языках.

Мы вышли на палубу и остановились у поручней. Некоторые иллюминаторы еще светились, бросая на мчащуюся вниз за бортом черную воду теплые золотистые блики.

— Техника совершенствуется, а плавать все так же нелегко, — сказал Володя. — По статистике Ллойда, число кораблекрушений не уменьшается.

Мы помолчали. Потом Сергей Сергеевич сказал:

— Гостеприимно встречает нас «Пасть дьявола», ничего не скажешь. Ладно, я отправляюсь спать. Завтра надо закончить подготовку техники. Возможно, и нам придется принять участие в поисках пропавшей красотки.

Ночью волнения на море не было, но все равно она прошла беспокойно. Было душно, и я дважды вставал, проверял кондиционер. Он работал нормально. Ощущение духоты не проходило. Почему-то слегка поташнивало и было противное чувство непонятного страха.

Утром выяснилось, что плохо спал не я один. Многих донимало подавленное настроение. И качка уже началась — правда, легкая, чуть заметная. С юго-запада неторопливо и размеренно набегали волны зыби — посланцы бушующей где-то далеко Луизы.

Встал я рано, но, когда поднялся на шлюпочную палубу, увидел, что работа уже идет вовсю. На специальной площадке шустрые техники из лаборатории Волошина, которых Сергей Сергеевич иронически называл «эдисонами», собирали дирижабль.

Сергей Сергеевич тоже был тут, веселый, бодрый, безукоризненно выбритый, в какой-то новой щегольской курточке с бесчисленными карманами на «молниях». Он стоял в сторонке и ни во что не вмешивался, но насмешливые, прищуренные глаза его не упускали ни одной мелочи.

Дирижабль был его любимым детищем. Сергей Сергеевич не только разработал его конструкцию, но и сам руководил постройкой. И гордился им вполне заслуженно. Это была настоящая

летающая лаборатория. Притом разборная, не загромождавшая палубу. Мягкая оболочка извлекалась из трюма, быстро укреплялась на жестком прочном каркасе и наполнялась газом за полчаса.

В передней части гондолы располагался командный пункт, все остальное место занимала лаборатория. Здесь можно было сделать необходимые анализы воды или воздуха, исследовать всякую живность, выхваченную из океана буквально на лету. Ученые могли не только наблюдать за состоянием моря и атмосферы, но и опускать приборы в глубины океана. Остроумное автоматическое устройство, которым Волошин любил похвастать, позволяло воздушному кораблю швартоваться где угодно без помощи наземной стартовой команды. И управлял дирижаблем один пилот.

Жесткий каркас придавал дирижаблю такую форму, что издали он очень походил на «летающее блюдо». У дирижабля были своего рода крылья, придававшие ему некоторые полезные качества самолета. Четыре реактивных двигателя позволяли при желании развивать скорость до трехсот километров в час, давая возможность за короткое время облететь значительный район.

Над волнами кружились за кормой две небольшие птички. Они отличались от чаек острыми серповидными крыльями, как у ласточек, и кричали по-иному, как-то особенно жалобно.

— Качурки, — сказал подошедший и остановившийся рядом со мной Андриян Петрович. — Куда более верные предвестницы шторма, чем «золотой петушок» Сергея Сергеевича.

— Значит, будет шторм, Андриян Петрович? — спросил я.

— Нет, стороной пройдет. Зыбь разве немного качнет. Вот магнитологи нынче именинники. Магнитная буря разыгралась вовсю. А Луиза уже ушла в Мексиканский залив, задела только самую западную оконечность Кубы. Там места болотистые, пустынные, обошлось, к счастью, без жертв. А на острове Доминика около сотни погибших. Нас от Луизы теперь заслонит Флоридский полуостров, так что большой волны не будет. Вот в Новом Орлеане готовятся к ее визиту... Но мы все же полетим в ту сторону, где прошел ураган. Хоть полюбуемся, что он там натворил.

— А разве «Галатею» мы искать не полетим?

— Заглянем и туда, где она предположительно пропала.

На «Богатыре» между тем шла подготовка к исследованиям. Из открытой двери радиорубки доносился разноголосый шум. Это перекликались многочисленные суда нашей международной экспедиции, сверяя приборы перед началом работ. И дирижабль обретал уже форму и рвался в небо.

Однако новое неожиданное происшествие нарушило мирную работу...

Наблюдая за океанографами, готовившими приборы, я увидел, как в ходовую рубку прошел капитан. Одно это уже было не совсем обычным. Капитан вахты не стоит и без особой нужды в рубке не появляется, тем более в открытом море, вдали от рифов и мелей. К тому же Аркадий Платонович был явно чем-то озабочен.

Еще больше я насторожился, когда через некоторое время он с таким же озабоченным видом прошел из ходовой в радиорубку. Затем туда же поспешно поднялся по трапу начальник экспедиции. А когда в радиорубку вызвали Сергея Сергеевича и

профессора Луннина, я понял: происходят какие-то весьма важные события.

Узнал я о них, только когда Волошин наконец вышел из радиорубки.

— Что случилось, Сергей Сергеевич?

— Пропал самолет. Английский, легкий, марки «Остер». Какой-то делец Ленард Гроу, отдыхавший у своего приятеля на острове Андрос, решил полюбоваться с высоты бушующим океаном. Летел нормально, потом вдруг связь стала прерываться, и он понес какую-то околесицу.

Волошин замолчал, глядя куда-то в небо. Я тоже посмотрел в том направлении, но небо было пустынным. Только с печальным криком носились над волнами качурки.

— Что же он передал? — нетерпеливо спросил я.

— Будто океан приобретает необычный желтоватый цвет... Последняя фраза была: «Я слепну, слепну! Я ничего не вижу!» Наши радисты тоже поймали ее и записали на пленку. И тут связь прервалась окончательно. Его все же успели запеленговать. Послали туда два самолета, катер, но ничего не нашли.

— Вы меня не разыгрываете, Сергей Сергеевич? — недоверчиво спросил я.

— Что вы, Николаевич. Разве такими вещами шутят?

— Он был один в самолете?

— Да. Один. Но вроде пилот опытный, хотя и любитель.

— Будем его искать?

Сергей Сергеевич неопределенно пожал плечами:

— Вообще-то шеф говорит, что отправляет нас в обычный рабочий полет. Но коль скоро мы будем в том районе, конечно, и поищем тоже.

— Меня возьмете, Сергей Сергеевич?!

— А вы не боитесь? Ведь полетим в сторону урагана, там ветерок.

— Меня не укачивает...

Устроившись в дальнем углу гондолы, я сделал запись в дневнике: «Четвертое сентября. В 11.10 вылетели на поиски яхты «Прекрасная Галатей» и пропавшего самолета «Остер».

Лаборант Гриша Матвеев проверял бесчисленные океанографические приборы. У него солидная, тщательно ухоженная борода, как у голландских старых шкиперов, но парень он молодой, веселый, отлично играет на гитаре и превосходно исполняет песни времен Отечественной войны двенадцатого года. Однако за работой Гриша совершенно меняется. Все делает неторопливо и аккуратно.

Костя Синий тоже был занят делом, возился у своей рации. Он одессит, много плавал на разных судах, был радистом и на самолетах, свое дело знает прекрасно. Костя любит поговорить, но пока, в присутствии начальства, непривычно тих.

Командир дирижабля Борис Николаевич Локтев, ближайший помощник Волошина, молчаливый и спокойный, всегда занятый лишь своей техникой, устроился за пультом управления и подал команду:

— Дать свободу!

— Есть дать свободу!

Я уже много раз летал на дирижабле, но все никак не могу

привыкнуть к необычным ощущениям при взлете. Вдруг наваливается на плечи небольшая тяжесть. И, только выглянув в окно гондолы, замечаешь, как стремительно возносишься в небо.

Подъем прекратился. Мы на миг неподвижно повисли над «Богатырем». А затем взрвели двигатели, и наш воздушный корабль полетел над океаном. Андриян Петрович с явным удовольствием окинул взглядом океанский простор, где один за другим катились водяные валы, увенчанные белыми гребнями пены.

— Все-таки величественное зрелище. А знаете ли вы, друзья, что как раз в этих водах один ураган едва не изменил весь ход истории? — спросил он, поворачиваясь к нам. — Первый тропический ураган, с которым познакомились европейцы, едва не погубил эскадру Христофора Колумба, возвращавшуюся домой с радостной вестью об открытии Нового Света. Если бы это случилось, неизвестно, когда бы снова открыли Америку. По преданию, именно тогда это явление и получило свое название. Индейцы, которых великий адмирал вез в Испанию, начали в ужасе кричать: «Хуракан! Хуракан!» В чуть измененном виде это индейское слово и закрепилось за местными бурями в отличие от тихоокеанских тайфунов. Хотя природа и механика образования у них одинакова.

— Андриян Петрович, а почему им дают женские имена, ураганам? — спросил Костя.

— Такая традиция. И как у всякой традиции, истинную причину ее возникновения установить нелегко. Она уже окружена массой легенд. Пожалуй, лучше всего ответил на этот вопрос один мой знакомый английский метеоролог, — Андриян Петрович засмеялся. — «А как бы вы еще назвали, — сказал он, — бешеную бурю, неожиданно налетающую на вас неизвестно откуда, а потом, нежно воркуя, исчезающую неизвестно куда?»

Все посмеялись. Прижимая к голове огромные наушники, Костя слушал переключку разноязычных голосов в эфире.

Время от времени Сергей Сергеевич спрашивал его:

— Ничего нового?

Костя лишь качал головой.

— Вот и острова, — оживился Волошин. — Будем смотреть в оба. Но их тут примерно семьсот, а обитаемы только тридцать. Да свыше двух тысяч рифов протянулось на тысячу с лишним километров. Это тоже примерно, никто их точно не считал. Можно просидеть на каком-нибудь всю жизнь, и тебя не найдут.

Впереди, за грядой рифов, отмеченных кипением бурунов, появились первые островки. Их было много, больших и маленьких, едва выступавших из воды. На крупных островах по склонам гор курчавились леса, на берегу в тени пальм и апельсиновых рощ белели домики.

Мы полетели на запад над Большой Багамской отмелью, протянувшейся между этим архипелагом и Кубой. Это была южная граница «Бермудского треугольника»...

— Где-то здесь с самолетом прервалась связь, — сказал Сергей Сергеевич. — На всякий случай его приметы: бортовой номер 4390, опознавательные знаки британские: красно-белый крест и диагональные полосы на темно-синем фоне.

Теперь мы летели совсем низко, тщательно рассматривая проплывавшие внизу островки, рифы, взбаламученное штормом море.

Вода была мутной, волны несли множество всякого мусора: обломки досок, крышу, сорванную с какой-то хижины, вырванные прямо с корнями длинные стволы пальм. На них сидели чайки, отдыхали после бури.

— Да, порезвилась все же Луиза, — сказал Андриян Петрович. — В таком мусоре обломки самолета можно и проглядеть.

Облака становились все гуще, плотнее и поневоле заставляли нас снижаться. Было видно, какого труда стоило Локтеву удерживать сотрясаемый ветром дирижабль.

— Острова тут кругом. А «Остер» такой самолет, что на песчаном пляже сесть может, — подал голос командир.

— Да, — согласился Волошин. — Вон сколько катеров снует между островами. Наверное, его ищут. Что там слышно, Костя?

— Ничего пока, — ответил радист. — Никаких следов.

— Смотрите, островок вроде необитаемый, никакого селения не видно, а возле него три суденышка, вон там, за мыском, четвертое, — оживился Волошин. — Что они тут делают? Может, обнаружили самолет? Или с «Галатен» кто спасся?

— Там у них палатки разбиты, видите? — сказал Лунин. — Целый лагерь. Похоже, они тут уже давно находятся.

— Может, спустимся, узнаем новости? Экспедиция у нас международная, работаем вместе с англичанами и есть разрешение местных властей садиться на любой здешний островок. Как, Борис Николаевич? Давайте вон к той пальмочке.

Локтев кивнул и начал разворачивать дирижабль. Мы плавно подлетели к стройной кокосовой пальме, стоявшей одиноко, в некотором отдалении от других, на самом берегу.

Автоматическое устройство надежно притянуло нас к стволу пальмы. Через минуту спустились штормтрап.

Было приятно ощутить под ногами прочную, некачающуюся землю. Во главе с Волошиным мы направились в ту сторону, где над вершинами песчаных бугров торчали мачты стоявших в лагуне суденышек.

Увязая чуть не по колени в ослепительно белом горячем песке, мы поднимались по склону холма. Из глубины острова ветер доносил резкий и пряный запах сухой травы, аромат каких-то незнакомых цветов. Из-под ног разбегались юркие ящерицы и довольно крупные крабы пурпурного цвета.

С вершины песчаного бугра открылась вся лагуна, и сразу бросилось в глаза то, что было незаметно с воздуха: каждое суденышко держалось обособленно. Нет, это была не рыбацья флотилия, зашедшая в лагуну на время шторма. Тут каждый явно не желал замечать соседа.

— Братцы, а ведь это, похоже, искатели сокровищ, — произнес Сергей Сергеевич. — За последние годы их столько тут развелось, скоро и островов не хватит. Создают акционерные компании, выпускают целые атласы карт с указанием мест, где якобы затонули корабли, специально строят суда для поисков сокровищ. Форменный бум разгорелся, к ужасу археологов. Смотрите, только тут, на одном островке, обосновалось сразу не меньше трех явно соперничающих между собой компаний авантюристов. Копаются в песке, рыщут под водой среди рифов и делают вид,

будто друг друга не замечают. А ведь если кому из них повезет, пожалуй, дело до драки дойдет.

— Повезет ли? — насмешливо сказал профессор Лунин. — Наверное, современных долларов куда больше попадает в карманы мошенников, чем добывается старинных пиастров со дна моря.

— Это бесспорно, — засмеялся Сергей Сергеевич, рассматривая суда в бинокль. — Но раз уж сели, может, все же с ними побеседовать? Да и неплохо бы вон ту яхточку посмотреть поближе. «Стелла Марис» — «Звезда моря»! Правда, хороша? «Мария» и, кажется, «Сонни». А у четвертой совсем стерлось название, сто лет, видать, не ремонтировалась.

В самом деле, эта яхточка и своими изящными очертаниями, и нарядной окраской — белоснежные надстройки и рубка, алые поручни, надраенные до блеска и сверкающие на солнце медные рамы иллюминаторов — разительно отличалась от неказистых и давно не отремонтированных соседок и сразу привлекала взор.

Мы начали спускаться по склону холма к двум палаткам, напротив которых стояла на якоре красавица яхта.

Возле одной из палаток, засунув кулаки в карманы оранжевых шортов и покачиваясь с носков на пятки, нас поджидал высокий плечистый человек в пестрой расписной рубашке и тропическом шлеме. Глаза его закрывали огромные очки с темными зеркальными стеклами. Но даже они не могли скрыть, что рассматривает он нас весьма недружелюбно.

Однако Сергей Сергеевич, словно не замечая этого, приветствовал его так радушно, словно лучшего друга, которого давно не видал. Человек в шлеме проворчал в ответ что-то неразборчивое, больше похожее на угрозу, чем на приветствие.

Сергей Сергеевич назвал себя, представил нас, рассказал, что мы советские ученые, участники международной экспедиции и сейчас ведем поиски членов экипажа «Галатеи» и пропавшего самолета.

Человек в очках так же неприветливо пробурчал, что о пропаже самолета они тоже слышали, но его не видели. Здесь он не пролетал.

— А о пропавшей «Галатее»?

— Нам некогда слушать радио, — буркнул незнакомец.

Но все же ему пришлось представиться тоже. Дональд Сеймур — назвал он себя и нехотя добавил, что они тоже занимаются исследованиями, не уточнив, однако, какими именно.

Но Сергей Сергеевич не сдавался. Он так восхищался «Звездой моря», что Дональд Сеймур начал постепенно оттаивать.

Оказалось, Сеймур был разбогатевшим инженером-строителем. Он похвастал, что сам разработал проект яхты. На ней все предусмотрено для поисков затонувших сокровищ. Есть особый колодец, позволяющий рассматривать дно прямо на ходу. Яхта снабжена специальными насадками, их он тоже придумал сам. Они направляют вниз сильные водяные струи, размывая донный ил и песок и обнажая скрытые под ними обломки галеонов.

В прошлом году им повезло. Они отыскиали среди обломков разбившегося о рифы галеона золотой брусок, два золотых слитка, два обломка золотых брусков и золотой слиток поменьше,

много серебряных монет и украшенные жемчугом пуговицы — наверное, от капитанского камзола, всего на шестьсот пятьдесят тысяч долларов...

Сеймур перечислял находки и называл цифры, словно речь шла не о бесценных предметах старины, а просто о каких-то выгодных товарах, потом добавил:

— И вот эти часы, — вынимая из кармана и покачивая на ладони тяжелые золотые часы с выпирающими, как стенки бочонка, крышками. Искатель сокровищ нажал на головку, крышка с мелодичным звоном открылась. Циферблат был покрыт небесно-голубой эмалью, не потускневшей за века под водой. Римские цифры были составлены из крошечных серебряных шпенок. — Конечно, механизм пришлось заменить, — сказал Сеймур. — Все начисто съела коррозия. Но от растворившихся стрелок остался отпечаток на циферблате, ставший заметным на рентгеновском снимке. По нему мы узнали, когда именно пошел ко дну галеон: часы остановились в одиннадцать сорок. А на крышке — видите? — выгравировано имя часовщика — Жан Клондель. Оно помогло нам выяснить, когда были сделаны часы — в конце семнадцатого века, в Амстердаме.

Искатель сокровищ становился все разговорчивее и уже начал хвастать, что они надеются найти здесь адмиральский корабль «Дон Педро», затонувший во время шторма 16 марта 1668 года.

— Мы это точно выяснили, раскопали секретные документы в архиве...

Но тут его остановило громкое предостерегающее покашливание. Мы оглянулись и увидели, что к нам незаметно подошел еще один искатель сокровищ — багроволицый толстяк в смокинге и галстук бабочкой, словно он был не на безымянном острове, затерянном в океане, а собирался куда-то на званный вечер или прием с коктейлями. Впрочем, на голове у него красовалось сомbrero с широкими полями, никак не вязавшееся с изысканным костюмом.

— Мой компаньон Арчибальд Крейс, — сразу помрачнев, представил его Сеймур. — Врач-стоматолог.

Увлекательная беседа оборвалась. Сеймур замолчал, насупившись и поспешно спрятав часы. Молчал и его компаньон, мрачно рассматривая нас маленькими свинными глазками и помаргивая белесыми ресницами.

Сергей Сергеевич сделал еще одну попытку восстановить наладившиеся было хорошие отношения и попросил у искателей сокровищ позволения сфотографировать на память их чудесную яхту. Толстяк промолчал, только посопел в ответ. Но Сеймур не устоял и милостиво разрешил:

— Пожалуйста, если она вам действительно так понравилась.

Сергей Сергеевич начал приплясывать с фотоаппаратом, перебегая с места на место в поисках самой выигрышной точки. Я последовал его примеру.

Но тут к нам с угрожающим рычанием двинулся еще один неведомо откуда появившийся тип — плотный, приземистый, длиннорукий, как горилла. Рожа у него была прямо-таки пиратская, грязная рубашка растягнута чуть не до пояса.

Сергей Сергеевич, уже сделавший несколько снимков, остано-

вился и, опустив фотоаппарат, вопросительно посмотрел на Сеймура.

— Убирайся! — сказал тот громиле. — Он фотографирует мою яхту. Кому нужна твоя облезлая «Мария».

Человек остановился, озадаченно оглянулся на стоявшие у берега суда, поскреб когтями в лохматой шевелюре и, что-то ворча, медленно, вразвалку удалился.

— Он думал, будто вы фотографируете их «Марию», — засмеялся Сеймур. — Вон ту облезлую посудину. Идиот.

Мы посмеялись, сделали еще несколько снимков, Сергей Сергеевич поблагодарил Сеймура и его по-прежнему мрачно молчавшего компаньона. Попрощавшись с искателями сокровищ и пожелав им удачи, мы пошли к дирижаблю.

— Ну и публичка, — покачал головой профессор Лунин, когда мы остановились на вершине бугра, чтобы передохнуть и бросить прощальный взгляд на лагерь «честных авантюристов». — Инженер-строитель и врач-стоматолог!

— А громиле с пиратской рожей?! — сказал я.

— Да, хорош, — засмеялся Лунин. — И как вырядились все...

— Ничего в них забавного нет, — вдруг горячо воскликнул Гриша Матвеев. — Пираты они, хищники! Представляете, что после них от предметов древности остается?! Паразиты! Неужели на них никакой управы нет?

— Думаю, в здешних пустынных краях никакие законы вообще недействительны. Сплошное беззаконие. Надо нам скорее убираться отсюда подобру-поздорову, — с напускным испугом произнес Андриян Петрович и, засмеявшись, зашагал по раскаленному песку к дирижаблю.

— А мы вас заждались. Я даже выкупаться успел, — встретил нас Костя. — Хороша водичка, только тепловата. А вы что-нибудь узнали?

— На пиратов нарвались, — ответил Лунин.

— Ну да? — Костя недоверчиво посмотрел на каждого из нас. — Разыгрываете?

— Давайте взлетать, потом все расскажем, — распорядился Сергей Сергеевич. — Времени у нас мало.

Мы еще пролетели на запад. Вода внизу была все такой же мутной и полной всякого мусора. Над обломками снесенных ураганом хижин и сломанных пальм с жалобным криком сновали качурки. Безлюдны и пустыньны были берега проплывавших под нами островков.

— Надо, пожалуй, возвращаться, — озабоченно посмотрев на часы, произнес Сергей Сергеевич.

Командир начал нажимать одну за другой кнопки на пульте. Воздушный корабль стал стремительно набирать высоту. Нас окутали плотные облака, скрыв из глаз острова и взбаламученное штормом море. Стало темно, пришлось зажечь свет.

Пробив слой облаков, мы вырвались к солнцу. Оно сияло здесь ярко и безмятежно, словно и не было никакого урагана.

Двигатели взревели. Набирая скорость, мы полетели на северо-восток, где нас ожидал «Богатырь».

— Сергей Сергеевич, вы знакомы с гипотезой Макарова, Гончарова и Морозова? — спросил Гриша. — Изучив огромный материал, эти ребята пришли к выводу, что Земля имеет как бы некий «силовой каркас». На нем покоятся плиты правильных геометрических очертаний. Ну вроде футбольного мяча, сшитого из отдельных кусков кожи. «Швы» между плитами, то есть ребра скрытой под ними «силовой решетки», совпадают со многими срединно-океаническими хребтами, разломами земной коры, зонами активных поднятий и опусканий...

— Ты собираешься прочитать целую лекцию? — перебил Гришу Сергей Сергеевич.

— Авторы этой гипотезы считают, что как раз на стыках плит, в точках пересечения линий «силового каркаса» происходят всякие непонятные и загадочные вещи, — не обращая внимания на реплику, продолжал Гриша. — Якобы именно здесь располагаются центры минимального и максимального атмосферного давления, зарождаются ураганы. Тут же будто бы находятся основные нефтяные месторождения и даже центры древних цивилизаций. Одним из таких районов является и «Пасть дьявола».

— Универсальная теория, — покачал головой Лунин. — Берется объяснить все загадки на свете. Но почему же исчезают здесь суда и самолеты? В чем все же причина?

— Ну если честно сказать, объясняют они это довольно туманно, — ответил за Гришу Сергей Сергеевич. — Просто неким воздействием гипотетических узлов «силового каркаса», пересекающихся именно в этих местах.

— Да, туманно, — протянул Андриян Петрович. — По-моему, весьма уязвима их оригинальная гипотеза. Во-первых, даже не-

математику ясно, что скроить земной шар, как и футбольный мяч, можно тысяча одним способом из разных наборов правильных геометрических кусочков. Так что каждый может рисовать «силовой каркас» по своему желанию.

— Ну, ребята выбирали рисунок «силовой решетки» не произвольно, а исходя из реальных данных различных наук, — пробовал возразить Гриша. — Они обнаружили закономерность в кажемся хаосе.

— Или просто начали подтягивать к узлам «силовой решетки» все любопытное из самых разных наук? — наседал на него Лунин. — Не буду касаться других наук, но метеорологию-то уж вы, ради бога, не трогайте. Центры атмосферного давления непрерывно перемещаются, вся атмосфера подвижна, а вы хотите ее привязать к жесткой решетке! Ураганы зарождаются в точках соединения плит! Ну как вы, океанограф, можете повторять подобную чепуху? Ведь эти точки располагаются и на суше, некоторые в центре материков, в Арктике и в Антарктиде. А ураганы возникают лишь над океанами, да и то в узкой, строго локализованной полосе — у экватора. И причины этого нам давно известны, ничего общего не имеют с каким-то мистическим воздействием таинственных «силовых линий».

— Что, Гриша, трещит по швам гипотеза? — засмеялся Волошин.

— Ну что, в самом деле! — не унимался Андриян Петрович. — Ведь в своей области, как и полагается ученым, вроде относятся к разным скороспелым гипотезам скептически. А расскажи им сказочку о космических пришельцах или таинственной «Пасти дьявола», тут же готовы рты разинуть от восторга и всему верят...

Что произошло в этот момент, я не смогу толком рассказать.

Дирижабль вдруг резко провалился куда-то вниз, так что на какой-то миг мне показалось, будто пол гондолы ускользнул из-под моих ног и я парю в воздухе. А потом нас стало швырять из стороны в сторону с такой силой, что все мы повалились на пол, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Только Локтев не потерялся, намертво вцепился в рукоятки управления, и это нас спасло.

Двигатели натужно, дико взревели. Потом один из них заглох, за ним второй...

Вскочивший Волошин кинулся на подмогу к Локтеву.

А нас все швыряло, крутило, бросало то вниз, то вверх.

Двигатели загудели снова...

И вдруг так же внезапно все успокоилось. Дирижабль летел плавно, словно с ним ничего и не было. А мы еще сидели на полу и погрязенно переглядывались: профессор Лунин, Гриша и я.

И фигура Бориса Николаевича, застывшего у пульта управления, все еще была словно скована неимоверным напряжением...

— Что это было, Сергей Сергеевич? — срывающимся голосом спросил я.

— Локальный ураган. Скрывался вон под тем облаком, — ответил вместо него Андриян Петрович. — Мы в него случайно залетели. Уникальное явление, редкостное.

Он вскочил и кинулся к приборам:

— Только бы самописцы все зафиксировали! Неужели отказали?! Нет, вроде работают нормально. Крепко нам повезло!

— Спасибо Борису Николаевичу, — сказал Волошин.

— Что? Ах вы в этом смысле... Да, конечно, молодец, он действовал блестяще. А ведь мы на какой-то миг даже невесомость испытали, когда проваливались, а? — покачал головой Лунин.

— Да, — засмеялся Сергей Сергеевич. — Как в падающем лифте. — И повернулся ко мне: — Понравилось?

— Не очень, — честно ответил я.

— Зато теперь сможете правдиво описывать ощущения, какие при этом возникают. Даже такие мощные нисходящие потоки воздуха для нашего кораблика не страшны, не то что для дирижаблей старых конструкций! — не удержался он, чтобы не похвастать. Но сейчас Волошин имел на это полное право.

— Какой интереснейший район! — снова начал восхищаться Лунин. — Но тут нужно держать ухо востро, дорогие мои воздухоплаватели. Несколько лет назад в здешних местах исчез двухмоторный самолет. Его долго искали. И только через год обнаружили обломок крыла. Исследование показало, что самолет попал в турбулентный поток необычной интенсивности. Видимо, наткнулся на такой же ураганчик.

— Да, ловушка опасная, — кивнул Сергей Сергеевич. — Но, оказывается, и вы, Андриян Петрович, следите за сообщениями о загадках «Бермудского треугольника»?

— Небось грамотный, — слегка смутившись, отшутился Лунин. — Только в отличие от вас не уверяю, будто самолет пропал бесследно. И объясняю его гибель вполне естественными причинами. Воздушный океан не безопасней обычного. Сами только что убедились.

— А «Прекрасная Галатhea»? Где она или хотя бы люди с нее?

— Оставьте, Сергей Сергеевич! — отмахнулся Лунин. — Неужели вы всерьез верите в эти сказки? Я же понимаю, вы поддерживаете их лишь для того, чтобы людям скучать не давать, такой уж у нас характер. И прекрасно! Но ведь некоторые начинают о «загадках» «Пасти дьявола» всерьез рассуждать, даже, видите, теоретическую базу пытаются под них подвести. Сколько стыков, узлов насчитали у своей «силовой решетки» создатели универсальной гипотезы? — повернулся он к Грише.

— Кажется, шестьдесят.

— Значит, шестьдесят, а то и больше критических «горячих точек» на планете, где должны происходить всякие невероятные события, так? Почему же прославилась одна «Пасть дьявола»? Отчего лишь она одна заслужила столь зловещую славу?

— Не только она. Есть еще «Море дьявола» в другом полушарии, в районе Филиппинских островов. Там тоже пропадают при загадочных обстоятельствах суда и самолеты. А Ив Сандерсон насчитал таких точек даже десять...

— Вот как! Тогда получается, вся Земля одинаково загадочна, С этим я согласен.

Тут и Сергей Сергеевич со смехом поддержал Лунина:

— Нет, Гриша, сдавайтесь. Гипотеза, конечно, оригинальная, но весьма сырая. И Андриян Петрович сразу нащупал ее ахил-

лесову пята: аналогичные явления должны повторяться во всех без исключения узлах предполагаемой «силовой решетки».

— А какой центр древней цивилизации вы обнаружили в этих волнах? — не мог успокоиться Андриян Петрович. — Затонувшую Атлантиду?..

Тут Костя снял наушники, отключил аппаратуру и мрачно объявил:

— Крепко сердится шеф. Будет нам тот компот...

И мы замолчали, думая о самом реальном, что нас ожидало, — о разное за долгую задержку.

К утру океан совершенно успокоился, и ученые смогли наконец заняться исследованиями.

Сергей Сергеевич попросил начальника рации снова дать послушать обрывки последних переговоров по радио с пилотом пропавшего самолета, которые вчера удалось записать на магнитофон. Я, конечно, отправился с ним и попросил пойти и Володю Кушнеренко, чтобы он мне перевел все в подробностях. Сам я, к сожалению, не настолько хорошо знаю английский.

Пристроившись на чем попало в разных углах радиорубки, мы молча следили, как Вася Дюжиков перематывал ленту.

— Качество, конечно, неважное, — предупредил он. — Сплошные разряды.

— «Остер»! «Остер»! — перебивая Васю, вдруг раздался встревоженный крик из динамика, и кто-то быстро заговорил по-английски.

— «Гроу, сообщите, где вы находитесь!» — перевел Володя.

— «Я не знаю, где нахожусь», — ответил другой голос, немножко гнусавый и хрипловатый.

— «Я потерял ориентировку и ничего не понимаю... Земля, вы слышите? Гирокомпас тоже вышел из строя... Все приборы отказали. Земля, земля, вы слышите?» — едва успевал переводить Володя.

Голос летчика вдруг прервался на полуслове, заглох в диких свистах и треске атмосферных разрядов.

Потом вдруг на миг прорезался совсем другой голос.

— «Мы потеряли ориентировку, — проговорил он тоже по-английски медленно и тягуче, словно диктуя. — Мы потеряли ориентировку. Возможно, придется садиться на воду».

— Это другой самолет, американский. Попал в густую облачность. Но это гораздо дальше, у берегов Флориды, — торопливо пояснил Дюжиков.

— «Прошу курс для посадки на воду».

— «Курс ноль-один-ноль, — ответил голос Земли. — Повторяю: курс ноль-один-ноль».

И вдруг мы услышали снова голос Ленарда Гроу:

— «Земля, я на грани катастрофы... Похоже, окончательно сбился с курса... Не вижу ни одного острова... Повторяю, не вижу ни одного острова», — переводил Володя.

— «Ваши координаты? Хотя бы примерно...»

— «Определиться не могу. Я не знаю, где нахожусь. Сбился с курса, сбился с курса. Господи, со мной еще никогда не бы-

вало ничего подобного... Все небо затянули сплошные тучи... В них зияют какие-то черные дыры!»

Женский голос вдруг неожиданно что-то быстро произнес по-испански и тут же по-английски.

— «Развернитесь в сторону запада», — перевел Волюдя и пояснил: — Это кубинская станция его пеленгует.

— «Я не знаю, где запад... Я не знаю...»

Долгая пауза, потом из динамика опять донесся заглушаемый свистом, прерывающийся голос Ленарда Гроу.

— «Все смешалось... Земля, я... Странно... Я не могу определить направление...»

— «Гроу, Гроу, отвечайте, отвечайте!»

— «У меня осталось мало горючего... Осталось мало горючего... Я отклонился от курса куда-то в сторону... Я не вижу ни одного...»

Молчание. Только свист и разряды.

Потом голос Земли:

— «Остер!» «Остер!» Гроу! Отвечайте! Говорите что-нибудь. Мы стараемся вас запеленговать. Говорите хоть что-нибудь».

— «Что?»

— «Пойте, черт возьми!»

Мне послышался вроде легкий смешок — и вдруг погибающий летчик начал читать монолог Гамлета!

— «Быть или не быть? — вот в чем вопрос...»

Но он тут же прервался и вскрикнул:

— «Море выглядит как-то необычно... Оно желтое или серое. Боже! Я, кажется, слепну! Нет, я вижу, вижу... О господи! Только не это! Нет! Нет!»

Молчание. Свист и разряды.

Напрасно зовет Земля:

— «Остер!» «Остер!» Мы вас запеленговали! Высылаем два самолета. Держитесь! Держитесь! Вы слышите нас? Отвечайте! Мы вас запеленговали».

Нет ответа. Молчание. Только бушует магнитная буря, грохочет в динамике, свистит по-разбойничьи.

Начальник радиации выключает магнитофон и тихо произносит:

— Все.

Мы долго молчим.

— Какой-то у него тон странный, — говорю я. — Моментами вроде ликующий.

— Выпил для храбрости перед полетом. У них это принято, — хмуро отвечает Дюжиков. — Но все-таки какой крепкий мужик, — он восхищенно качает головой. — В таком положении Шекспира читать!

— Что же с ним произошло? Почему он стал слепнуть? Что он там увидел такое ужасное? — допытываюсь я.

Мне никто не отвечает. Сергей Сергеевич задумчиво просит:

— Василий Петрович, прокрутите, пожалуйста, еще раз последний кусок. С того места, где он говорит, будто море выглядит как-то странно.

Снова звучат надрывающие душу голоса.

А на палубе мир, покой, тишина, все заняты будничной работой. Заканчивается очередная станция. Океанографы достают из глубины океана тросы с батометрами и осторожно, словно свя-

щеннодействуя, разливают воду по колбам и пробиркам. За ними придирчиво наблюдает начальник экспедиции.

— Все же волнение перемешало верхние слои, обогатило воду кислородом, — удовлетворенно говорит Черномор, рассматривая одну из колб. И добавляет уже для меня: — Без штормов океан давно превратился бы в безжизненную водяную пустыню.

В гидрохимической лаборатории воду, добытую с разных глубин, переливают из пробирки в пробирку, окрашивают всякими реактивами и монотонно диктуют бесконечные унылые цифры:

— Двадцать три — одиннадцать... Двадцать пять — ноль...

Из своей лаборатории им вторят синоптики:

— Три — пять — ноль — девять. Направление ветра семьдесят, скорость полметра в секунду...

Метеорологи снова и снова часами изучают бесчисленные фотографии, полученные с метеоспутников, и разрисовывают синоптические карты таинственными условными значками.

Андрей Петрович тоже доволен, сияет как именинник:

— Общими усилиями удалось прозондировать атмосферу в ближайших окрестностях Луизы. Пригодились и наши наблюдения, проведенные во время полета. Вот примерный подсчет энергии скрытой теплоты, измеренной лишь в одной из облачных полос урагана за десять часов. Ну, я вижу, цифры вам ничего не говорят. Вам, журналистам, все подавай сравнения. Хорошо, пожалуйста, — на минуту задумавшись и нахмурив выгоревшие лохматые брови, он добавляет: — Можете записать: одна только эта часть тропической атмосферы содержит столько же энергии, сколько могли бы выработать сто Братских ГЭС за те же десять часов...

Я записываю.

— А ураганчик какой нам судьба подарила? Это же уникальные наблюдения! Редкостно повезло.

Я тоже думаю, что нам редкостно повезло, но в другом смысле, чем «небесный кудесник»... Хорошо, что благополучно выскочили из этого «ураганчика», как он ласково его называет.

Цифры Андрей Петрович привел, конечно, любопытные. Но, признаться, сейчас меня больше волнует судьба пропавшего самолета. И никаких следов «Галатеи» до сих пор не обнаружено, не найден никто из ее команды.

«В семнадцать часов было принято официальное заявление правительства Содружества Багам о том, что все поиски, проведенные по его распоряжению, к сожалению, не дали результатов, — записал я вечером в дневнике. — Ни на одном из осмотренных островов не обнаружено ни пилота, ни обломков пропавшего самолета или каких-либо предметов с него.

Принято решение: пропавший самолет считать погибшим и поиски его прекратить. Благодарим за помощь всех, кто принимал в них участие».

А яхту все еще искали. Несколько раз над нами пролетали самолеты с английскими и американскими опознавательными знаками.

Вечером мы, как всегда, собираемся в «клубе на полубаке».

— Как раз в этом районе с помощью спутников было обнаружено, что уровень воды на целых двадцать пять метров ниже среднего в Мировом океане, — задумчиво говорит Володя.

— Ну и что? — отвечает Гриша Матвеев. — Ничего загадочного нет. Возникает эта впадина за счет усиленной круговой циркуляции течений в этом месте. И заметна она лишь при измерении точными локаторами с большой высоты. А так... Ты ощущаешь ее, когда ведешь судно по курсу?

— Нет.

— В том-то и дело. Сколько судов пересекает эту впадину, и никто из них ничего решительно не ощущает, как не замечают пассажиры поезда, идущего в Астрахань, что спускаются в Прикаспийскую низменность, лежащую на целых двадцать шесть метров ниже уровня моря.

— Тем более, на самолеты-то какое воздействие эта впадина может оказывать? — подает кто-то голос.

— С самолетом действительно загадочно, — задумчиво произносит Гриша. — Может, он попал в «антисмерч»? Вы ведь слышали о гипотезе Позднякова, Сергей Сергеевич? — поворачивается он к Волошину.

— Слышал, — без особого интереса отвечает тот.

— А что за гипотеза такая?

— Бывший опытный летчик и штурман, Герой Советского Союза Поздняков считает, будто причиной гибели самолетов в этом районе могут быть своего рода гигантские «антисмерчи», — ответил Гриша. — Нисходящие вихревые потоки огромной мощности. А водная часть такого «антисмерча» — мощный водоворот в океане, способный затянуть в пучину не только упавший самолет, но и оказавшееся тут судно. Вы не согласны, Сергей Сергеевич?

— Честно говоря, нет. Против этой гипотезы есть весьма серьезные возражения с точки зрения элементарной физики. Вы представляете, какой силы должен быть этот вихрь, если даже суда, попавшие в самый ад циклона, не затягиваются под воду, а просто тонут, разламываясь под ударами волн? И самолеты-разведчики специально залетают внутрь циклонов и остаются целы.

— Верно!

— А главное, — продолжал Волошин, — никто на свете пока не видел таких смерчей. Это весьма подозрительно.

— С-с-с-сергей С-с-с-сергеевич прав, — чуть заикаясь, поддерживал его Олег Никаноренко. — Циклоны мы уже достаточно изучили, а подобные вихри еще никто не наблюдал.

— Вообще любопытно, что все высказывают гипотезы не по своей специальности, — засмеялся Волошин. — Если речь касается океанографии — скажем, этой впадины среди океана, Гриша проявляет должную трезвость и скептицизм. А в проблемы метеорологии смело вторгается, как и летчик Поздняков. И время, подходящее для высказывания таких гипотез, выбирает, — добавил Сергей Сергеевич под общий смех. — При профессоре Луине вы, Гриша, о мифическом «антисмерче» небось рассуждать не решились. И так Андриян Петрович вас уже раздраковил за гипотезу «силовой решетки». Кстати, ее тоже не случайно высказали не специалисты, а любознательные дилетанты, Андриян Петрович прав в своем скептицизме.

— А это что за гипотеза?

— Потом расскажу, — хмуро ответил Гриша.

— Давайте искать все-таки естественные объяснения загадок, а не сочинять фантастические, — продолжал Сергей Сергеевич. — Все равно жизнь нам не перещеголять. Зачем придумывать «антисмерчи», когда вполне исправное судно, оказывается, могут утопить самые обыкновенные бабочки?

— Не может быть!

— Может. В 1913 году в Персидском заливе на немецкий пароход «Адлер» налетела такая стая бабочек, что закрыла все небо и залепила стекла ходовой рубки. А вокруг было множество рифов. Вахтенный штурман растерялся и не успел остановить машину, судно наскочило на риф, получило пробойну и затонуло.

— И ведь тут летчик ослеп вроде, — задумчиво произнес боцман, когда утих смех.

— Потому, наверно, и врезался в воду.

— А отчего он ослеп?

— Магнитная же буря была, — многозначительно произнес Костя Синий.

Все смотрели на него, ожидая дальнейших объяснений.

— Хотите верить, хотите нет, а у магнетизма огромная сила, — продолжал Костя, подавшись вперед и таинственно понизив голос. — Привез я в прошлом году тетке магнитный браслет из Японии, она давно просила. Давление, понимаете, у нее, в обмороки часто падает и вообще года уже, как говорится, не те. Привез. Надела она тот браслет, и все сразу как рукой сняло: ни давления, ни обмороков. Чтобы вы знали: замуж вышла нынче зимой.

Костя — парень хороший, весельчак и лучший чечеточник на судне, как и полагается быть коренному одесситу, приземистый, кругленький крепыш с походкой вперевалячку и стальными бицепсами, которыми он любит поиграть, с тщательно ухоженными модными бачками, делающими его лицо еще круглее, и с длинными «казацкими» усами. Широкая грудь его и руки щедро разукрашены довольно рискованной татуировкой.

Есть у Кости еще одна забавная и вполне простительная слабость: он любит приврать. Причем каждую невероятную историю непременно начинает словами: «Хотите верить, хотите нет, а был со мной такой случай...»

Одно уже это присловье теперь вызывает смех, приводящий Костю в ярость.

— Не понимаю, с чего такое веселье? — надменно спросил он. — У вас еще зубки не прорезались, а смеетесь. Спросите любого ученого, вот хоть Сергея Сергеевича, не даст соврать.

— В данном случае, к сожалению, не могу вас поддержать, Костя, — покачал головой Волошин. — Хотя земное магнитное поле и оказывает, несомненно, воздействие на все живые организмы, в том числе, конечно, и на человеческие, и может порой, скажем, во время магнитных бурь вызывать некоторые неприятные ощущения — слабость, головную боль, даже учащать пульс, но, насколько известно, никто еще от него не слеп. В принципе оно вовсе не губительно. Все организмы на земле проходили долгий путь эволюции в магнитном поле, привыкли к нему. Ни свести с ума летчиков и моряков, ни погубить их каким-либо

иным способом никакие магнитные аномалии, бури или возмущения не могут.

— А как же у Лема в «Непобедимом»? — не хотел сдаваться Костя. — Там туча из кристалликов, господствующая на планете, куда прилетели космонавты, создает магнитное поле, которое начисто отшибает у них память. Разве нет?

— Я тоже люблю фантастику, но не забываю, что она фантастика, — засмеялся Волошин. — Какой мощности должно быть это фантастическое поле?

— Не знаю, — пожал плечами Костя.

— В миллионы эрстед. А в местах наибольших аномалий или даже во время сильнейших магнитных возмущений мощность земных полей не достигает даже одного эрстеда.

Все помолчали, задумчиво покуривая. Потом боцман сказал:

— А что же никаких обломков-то не нашли? Никаких следов самолета? Ведь его же успели запеленговать и точно знали, где искать. А ничего не нашли.

— А яхта куда подевалась? Тоже ведь без всяких следов.

— Да, все же тут что-то нечисто, в этой «Пасти дьявола».

И снова начинают обсуждаться гипотезы необычные и фантастические. Гриша Матвеев подробно рассказывает о гипотезе трех молодых энтузиастов. Тут его никто не перебивает, выслушивают внимательно. Но многие высказывают те же возражения, что и профессор Лунин, сразу подметивший ее уязвимые места.

— А что это за книга Сандерсона, о которой ты упоминал? — спрашиваю я Гришу.

— Ив Сандерсон давно собирал сведения о пропажах судов и самолетов при загадочных обстоятельствах. Он насчитал, кроме «Бермудского треугольника», еще девять таких районов, только менее известных, — по пять в каждом полушарии — в северном и в южном.

— И чем же объясняет этот Сандерсон пропажу судов и самолетов в отмеченных им десяти точках?

— Большинство этих районов расположено восточнее побережий материков и там, где теплые морские течения сталкиваются с холодными. Тут же существуют и мощные глубинные течения. Взаимодействие всех этих течений и перепады температур, считает Сандерсон, вызывают в таких местах мощные магнитные отклонения. Они как-то изменяют магнитное поле...

— Опять магнетизм. Сергей Сергеевич же объяснил.

— Возможно, меняется также под этим воздействием и сила тяжести. Все эти явления, как предполагает Сандерсон, якобы способны перемещать суда и самолеты в таких местах в какие-то иные точки пространственно-временной протяженности...

— Туманно, туманно...

— Хорошо, шеф тебя сейчас не слышит. Он бы тебя быстро переместил в иную протяженность, — под общий смех зловеще произнес Костя Синий.

Итак, никаких сенсаций ничто не предвещало. Ученые целые дни занимались будничной работой. Я томился от жары, слонялся из лаборатории в лабораторию. Проявил снимки, сделанные

в лагере искателей сокровищ. И у меня, и у Сергея Сергеевича они получились неплохо. На некоторых даже оказалась на переднем плане свирепая рожа громилы.

Рассматривая фотографии, я снова в деталях припоминал наш полет и опять не мог не думать о загадочном исчезновении самолета и яхты. Другие пока вроде о них забыли, занятые работой.

Но «Пасть дьявола» вскоре напомнила, где мы находимся...

«Десятое сентября. В 10.15 приняли сообщения береговой станции о пропаже флоридского тунцелова «Сперри», рыбачившего где-то севернее Багамских островов, и просьбу ко всем судам и самолетам, находящимся в этом районе, помочь в его поисках.

Снова тот же зловещий рефрен!

Дирижабль стали срочно готовить к полету».

— И ведь опять не сами сигнал бедствия подали, не успели. За них уже другие тревогу поднимают, — берясь за наушники, покачал головой Костя Синий, когда мы заняли места в гондоле и приготовились взлетать. — То еще местечко...

На сей раз полетели оба лаборанта — и Гриша Матвеев, и Олег Никаноренко, чтобы было побольше наблюдателей и каждому достался бы сектор обзора поуже. Ради этого взяли без особых просьб и меня.

«В 12.22 вылетели на поиски пропавшего тунцелова».

К сожалению, к этой записи в дневнике мне добавить почти нечего. Мы кружили над безмятежно сверкавшим в лучах солнца океаном весь день, почти до сумерек, но нигде не заметили никаких признаков бедствия. Видели много траулеров, выкрашенных чаще всего почему-то в траурный черный цвет, и тунцеловные боты и сейнеры, больше похожие на изящные прогулочные катера, чем на работяг-рыбачков. В тех местах, где, наверное, было побольше рыбы, они порой собирались даже группами. Но чаще рыбачили вдалеке друг от друга, одинокие среди безбрежного океана. Некоторые из них отвечали на наши вызовы и расспросы, другие отмалчивались, занятые своим делом. Ничего о пропавшем тунцелове мы не узнали и никаких следов его не обнаружили — ни шлюпки с потерпевшими крушение моряками, ни обломков судна, ничего. Повторялась история с «Прекрасной Галатеей».

— В самом деле, этот «Сперри» словно в другой мир канул, — сказал я, отнимая бинокль от уставших глаз.

— А что, — сказал Волошин. — Помните гипотезу Маркова о возможности существования множества параллельных вселенных, общающихся между собой? Дверь в одну из них может оказаться в любом месте, не исключено, что как раз тут, — Сергей Сергеевич показал на океан под нами.

— Вы серьезно? — недоверчиво спросил я.

— Я же говорил вам, эту гипотезу высказал весьма серьезный ученый, академик Марков. Он даже окрестил эти миры, которые могут быть микроскопически малы по сравнению с нашим, но тоже иметь свои звездные системы, галактики, цивилизации — разумеется, соответственных размеров. Марков назвал их Фридмонами в честь замечательного советского ученого Фридмана, чьи труды по теории относительности подсказали возможность их существования. По возвращении напомните мне, я вам дам

почитать статью самого Маркова. А пока нам нельзя отвлекаться. Ложимся на обратный курс, но будем все же высматривать пропавшего «Сперри». Может, от него хоть какие-то обломки остались?

Мы вернулись на «Богатырь», не найдя ничего.

Вечер был тихий, спокойный, прогноз хороший.

— Может, не станем разбирать дирижабль, Андрей Самсонович? — спросил Волошин начальника экспедиции. — Ничего ему не сделается, а утром продолжим поиски тунцелова.

Суворов угрюмо задумался, теребя бороду, потом пробурчал:

— Ладно, давайте обождем до утра. Но вообще мне эти поиски надоели. Мешают нормальной работе.

— Ничего не попишешь, — покачал головой Волошин. — Помощь терпящим бедствие — священный долг.

Вечером, вскоре после ужина, радиостанция Береговой охраны поблагодарила всех, оказавших помощь в поисках исчезнувшего тунцелова, и официально объявила, что считает дальнейшие поиски бесполезными, а «Сперри» погибшим. Предполагалось, что он погиб еще неделю назад, во время шторма, когда загадочно пропал без вести и «Остер».

Оказывается, «Сперри» давно не выходил на связь, но до сих пор никого это не беспокоило, ибо рыбаки во всем мире вообще не очень аккуратно поддерживают связь с берегом. А координаты свои предпочитают не сообщать, особенно если напали на рыбное место.

— Во время того шторма он погибнуть не мог, — покачал головой Костя Синий. — Ведь мы же сами видели: разве то штормик был? Так, небольшая зыбь.

— Они еще днем заявили: нечего, дескать, тратить время и деньги на поиски проржавевшей банки, — угрюмо подал голос Вася Дюжиков. — Мы слышали разговоры катеров Береговой охраны. Дескать, все рыбацьи суда настолько изношены и потрепаны, что их вообще нельзя в море выпускать.

Радист на судне, а тем более старший — лицо важное и всеми уважаемое. Он передает приветы родным и близким, оставшимся на берегу, и весточки от них, так что все перед ним немножечко заискивают. «Маркони» в курсе всех событий в мире, всех новостей, в том числе и таких, о которых нам, простым смертным, знать не положено. Поэтому Вася, человек весьма отзывчивый и добрый, привык говорить солидно, веско, а мы все слушать его почтительно и внимательно.

Мы стояли на палубе возле радиорубки. Из открытой двери ее доносился громкий писк морзянки, потом вдруг вырвались чьи-то хриплые голоса.

— Яхту все продолжают искать, — кивнул в сторону двери Вася, — твердят на всех языках: «Пасть дьявола» да «роковой треугольник». На шведском, на немецком — даже без перевода понятно.

— Ш-ш, — остановил я его, схватив за руку.

Сочный, хорошо поставленный баритон проникновенно произнес по-английски:

— Господи! Прими души погибших в море рыбаков катера «Сперри» — Джона Бенсона, Оливера Кроу, Ганса Гартвига, Роско Санчеса, Бенжамена Маковски, Диего Родригеса. Господи!

Благослови всех, находящихся в открытом океане, и помоги им благополучно вернуться в родной порт...

Голос внезапно оборвался. Полная, глубокая тишина...

Начальник радиостанции взглянул на часы и тихонько пояснил:

— Очередной период молчания.

Мы настороженно вслушивались, но эфир безмолвствовал.

Я прошел на корму, где сегодня было непривычно пусто. На доске рядом с картой, где был обозначен «Бермудский треугольник», профессор Луниин прикреплял кнопками большой лист бумаги.

— По личному распоряжению Андрея Самсоновича, — сказал он. — Приняли по радио из Майами.

На листе было напечатано:

«Из официального заявления для печати Федерального авиационного бюро США (ФАБ).

Снова распространившиеся за последнее время в связи с гибелью самолета «Остер» высказывания о том, будто район так называемого «Бермудского треугольника» опасен для полетов из-за воздействия каких-то таинственных и сверхъестественных сил, являются полнейшей чепухой.

Специалисты из диспетчерской службы и службы безопасности полетов ФАБ допускают наличие специфических проблем, связанных с полетами в этом районе, но они решительно отвергают вымыслы о действии здесь каких-либо таинственных сил. Наши специалисты полагают, что авиационные катастрофы в этих местах можно объяснить чисто земными факторами: погодой, неопытностью в полетах над океаном или неисправностью навигационных приборов.

Погода здесь переменчива. Нередко налетают ураганы. Район также характерен сильными течениями — струями Гольфстрима, которые способны уносить обломки и жертвы с места катастрофы на многие мили, что затрудняет поисково-спасательные операции.

Между тем над этим районом часто летают самолеты, пилотируемые летчиками, не имеющими достаточного опыта. Неопытный же пилот может в пасмурный день потерять ориентировку даже просто из-за того, что серая вода сливается с таким же серым небом и линия горизонта пропадает.

О значении летного опыта свидетельствует, например, работа пилотов компании «Чок эйрлайн», совершающих здесь регулярные пассажирские рейсы на самолетах-амфибиях с 1919 года. И за это время не было ни катастроф, ни аварий, ни таинственных исчезновений. Просто день за днем совершали полеты летчики, прекрасно знающие местные условия...

Единственным самолетом, достоверно потерпевшим аварию в районе «Бермудского треугольника» за последнее десятилетие, мы считаем ДС-9, разбившийся у Виргинских островов, причем все обошлось без человеческих жертв. Как установили наши инспекторы, авария произошла из-за того, что на самолете кончилось горючее. Это еще раз доказывает, что над районом «зловещего треугольника», так же как и над любым кукурузным полем, самолеты не могут летать без горючего — на одном воздухе».

Я очень опасался, что после вчерашнего заявления местных властей, так поспешно объявивших «Сперри» погибшим и поиски его бесполезными, начальник экспедиции отменит полет. Но он приказал, чтобы мы отправились пораньше. Может, именно потому, что местные власти так быстро поставили крест на своих рыбаках.

Перед вылетом Сергей Сергеевич посоветовался с океанографами.

Решили сегодня осмотреть район севернее и восточнее тех мест, где рыбаки обычно ведут промысел тунца. Вылетели мы рано. Но сколько ни кружили над океаном, ничего не нашли.

— Все, окончательно решили больше не искать, — сказал Костя, сдвигая наушники на загорелую крепкую шею. — Сейчас передали: родственники рыбаков требуют продолжать поиски, а им ответили: дескать, рыбаки знают, на что идут. На море, мол, всегда были и будут несчастные случаи. С этим приходится мириться. Так и заявили.

— Да, — сказал Гриша Матвеев. — Можно уже наверняка считать, что и они стали жертвой «Пасти дьявола».

— Не спешите отпевать, — вдруг сказал Сергей Сергеевич, рассматривавший что-то в бинокль.

Он произнес это таким тоном, что мы все схватились за бинокли. И увидели шлюпку.

Нет, это была даже не шлюпка, а целое маленькое непотопляемое суденышко, словно небольшая подводная лодка с иллюминаторами и наглухо задраенными люками. Окрашенная в голубовато-серый цвет, она едва выступала из воды. Ее удалось заметить только потому, что из люка высунулся человек в оранжевой куртке, размахивая красной тряпкой.

— Отличная спасательная шлюпка, — сказал Волошин. — Только какой-то оригинальной конструкции.

Когда мы подлетели ближе, он крикнул в мегафон:

— Вы со «Сперри»?

Человек в люке быстро закивал.

— Сколько вас?

Человек поднял указательный палец и крикнул по-немецки:

— Меня зовут Гартвиг!

Гартвиг! Его имя упоминалось вчера в молитве, которую мы слышали по радио.

— Хм, а из нас никто толком не знает немецкого, — покачал головой Волошин.

Он подал знак Косте. Тот сбросил штормтрап. Гартвиг ловко уцепился за него, закрепил трап и скрылся в люке.

— Костя, спустись. Надо ему помочь.

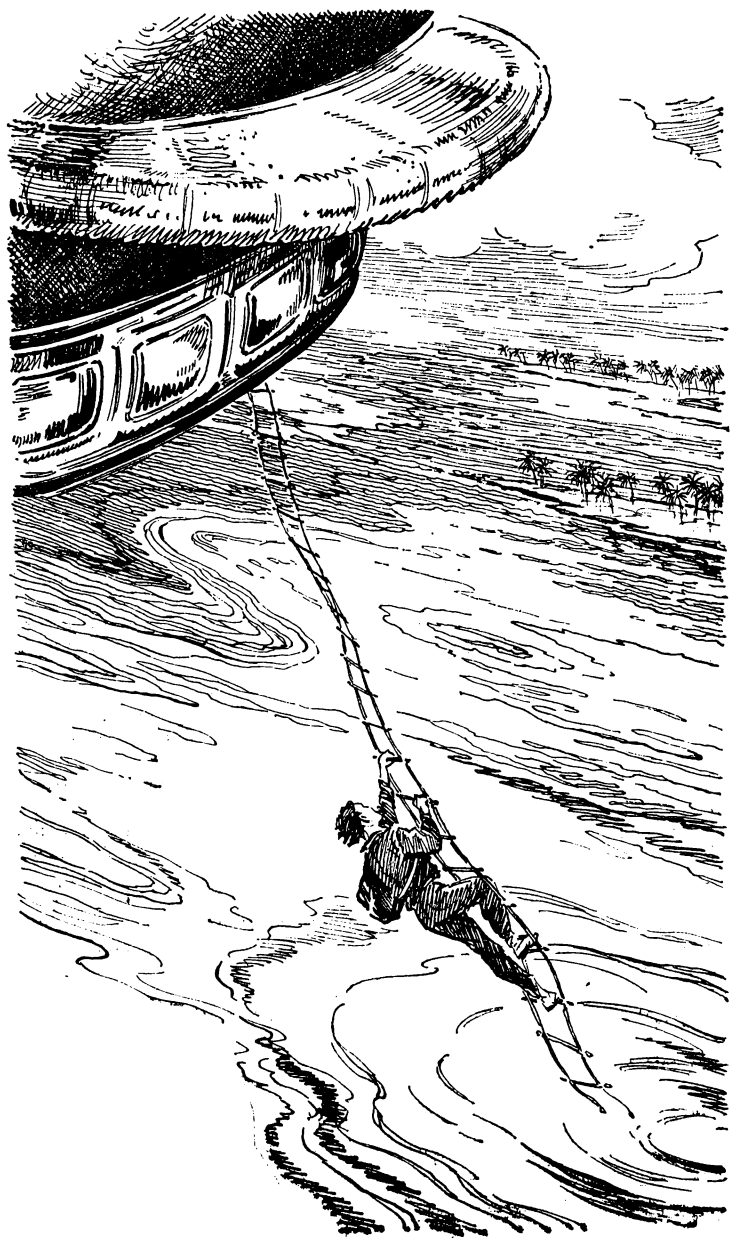
Но помощь не понадобилась. Гартвиг снова показался в люке и, выбравшись из него, начал довольно уверенно подниматься по качающейся лесенке, хотя ему мешала, оттягивая левое плечо, туго набитая сумка.

— Подождите, мы вас поднимем! — крикнул Волошин по-английски.

Гартвиг лишь помотал головой.

В тот же миг мы с удивлением увидели, как его лодочка стремительно скрылась под водой...

— Что за черт. Он ее утопил? — озадаченно произнес Сер-

гей Сергеевич. — Не могло же ее так быстро залить через верхний люк. Волны-то нет никакой. А я только хотел предложить ему поднять и шлюпку, прихватить ее на «Богатырь». Любопытная лодочка, хотел посмотреть ее поближе.

Тем временем Гартвиг уже благополучно поднялся по лестнице. Гриша и Костя дружно подхватили его, втащили в гондолу.

— Добро пожаловать, — не очень, пожалуй, к месту приветствовал Сергей Сергеевич.

— Благодарю! Благодарю! — раскланиваясь со всеми, уже по-английски вскрикивал спасенный.

Был он среднего роста, черноволосый, с глубоко запавшими глазами. Куртка на нем болталась как на вешалке.

— Зачем вы лодку затопили? Мы могли бы захватить и ее, — сказал Сергей Сергеевич.

— О, я не знал... Не надо беспокоиться... На нее мог на-ткнуться какой-нибудь судно, — с сильным акцентом, коверкая слова, по-английски отвечал Гартвиг. — Будет катастрофа.

Сергей Сергеевич усадил спасенного поудобнее, поставил перед ним термос с горячим черным кофе, разложил бутерброды. Тот, благодарно кивая, начал жадно есть. Но уже через несколько минут отодвинул от себя столик:

— Danke! — И добавил на ломаном английском: — Много вредно. Нельзя.

Тем временем штормтрап был уже поднят, двигатели взревели, и мы на полной скорости помчали к «Богатырю». Гартвиг с интересом осматривал гондолу, пульт управления.

Сергей Сергеевич пробовал его расспрашивать по-английски, но узнали мы немного. Гартвиг был на «Сперри» механиком. Вопросы Волошина он понимал плохо, отвечал на них запинаясь, с трудом, часто вставляя немецкие слова.

Мы поняли только, что после шторма Гартвиг вышел на палубу подышать свежим воздухом и вдруг увидел, что с юго-запада стремительно мчится огромная волна.

— О! Водяная гора! До неба! — воздевая руки, с ужасом восклицал он.

По счастью, Гартвиг стоял недалеко от спасательной шлюпки. Крикнув товарищам, чтобы спасались, он успел забраться в шлюпку и захлопнуть за собой люк. Налетевшая волна сорвала шлюпку и швырнула далеко в сторону.

Катер перевернулся и пошел ко дну. Похоже, при этом произошел какой-то взрыв, потому что разлившееся по воде топливо вдруг вспыхнуло.

— А откуда у вас оказалась эта шлюпка? — спросил Сергей Сергеевич. — Ведь такими обычно снабжают танкеры.

Запинаясь и путая немецкие слова с английскими, Гартвиг кое-как объяснил: шлюпку их капитан Джон Бенсон по случаю недорого купил в прошлом году у владельца списанного на лом танкера.

Стыдно признаться, но, слушая сбивчивый рассказ Ганса Гартвига, я чувствовал разочарование. Выходит, в гибели «Сперри» не было ничего загадочного: утлое суденышко погубил обычный шторм, внезапно набежавшая волна. И причина взрыва, наверное, была тоже вполне объяснимой, хотя пока и не очень ясной.

— Странно, что волну эту не зарегистрировала ни одна бере-

говая станция, — изучая карту, сказал Гриша. — Нам бы общили.

Олет вместе с Волошиным расстелил вдоль дальней стенки кабины надувной матрас. Гартвиг поблагодарил их, прижимая руку к сердцу, и улегся на него, подложив под голову свою объемистую сумку. Повздыхав и поворочавшись, он повернулся лицом к стенке и затих — похоже, заснул.

На «Богатыре» нас с нетерпением ждали. Все вышли встречать на палубу, кроме машинной вахты. Еще бы: первый чудом спасшийся из «Пасти дьявола»!

Только вертолетная площадка была пуста, готовая принять дирижабль. Сергей Сергеевич помог Гартвигу спуститься из гондолы. Тот на миг задержался, явно смущенный всеобщим вниманием, крепко придерживая левой рукой свою сумку и словно собираясь юркнуть обратно в гондолу.

— Господин Грюн! — вдруг раздался голос Казимира Павловича Бека. — Как вы очутились на рыбацьем катере?!

Толпа расступилась, пропуская Казимира Павловича. Он прекрасно говорит по-немецки.

— Здравствуйте, господин Грюн! — профессор протянул руку спасенному. — И профессор Бейлер был с вами? Проводили какие-нибудь опыты? Или просто решили отдохнуть, порывачить? Неужели он погиб?! Какой ужас! Что с вами? Вы не узнаете меня? Я доктор Бек. Мы не раз встречались с вами и вашим учителем на семинарах и конференциях.

— Вы ошибаетесь. Я немец, но меня зовут Гартвиг, Ганс Гартвиг, — хрипло ответил спасенный по-английски, отступая на шаг и энергично мотая головой. — Я не знаю вас... И никакого профессора Бейлера тоже... Вы ошибаетесь... Я вас впервые вижу...

— Прошу извинить. Но вы так похожи, — сказал Бек тоже по-английски, неловко опуская протянутую руку. — Прошу меня извинить, мистер Гартвиг.

Гартвиг окружили судовые врачи. Они все были тут: терапевт Егоров, и хирург Березовский, и даже стоматолог, милейшая Ольга Петровна. Врачи подхватили Гартвигу под руки и повлекли к себе в лазарет.

Сергей Сергеевич ушел с капитаном и начальником экспедиции, чтобы рассказать о полете. Техники и вахтенные матросы под руководством Локтева начали возиться с дирижаблем. Толпа любопытствующих окружила Костю и наших лаборантов, чтобы узнать, как мы нашли Гартвигу. А я спросил у Бека, отведя его в сторону:

— Казимир Павлович, с кем это вы его спутали?

— Очень неловко получилось, — покачал он головой. — С одним химиком, учеником и главным помощником известного профессора Бейлера из Западной Германии.

— Чем он прославился?

— У него много работ по гидрохимии, особенно по растворам газов в воде. А последние годы мы с ним занимались, можно сказать, одной проблемой — разумеется, параллельно, самостоятельно: как добиться, чтобы с обычными аквалангами нырять на

большие глубины. Искали, какие газовые смеси для этого нужны...

— Припоминаю, — обрадовался я. — Вроде бы он открыл какую-то смесь и, пользуясь ею, опускался чуть ли не на километр.

— Да, — хмуро кивнул Казимир Павлович. — Бейлер любит рекламу, есть у него такая слабость. И свою смесь он засекретил, чтобы получше заработать на ней, а может, и по каким-то другим причинам. У них ведь особые условия работы. Как же я обознался? Хотя у меня великолепная память на лица. И фамилия у этого ученика Бейлера такая запоминающаяся: Грюн — «зеленый», Питер Грюн.

— Нет, это Ганс Гартвиг, — сказал я. — Он был на «Сперри» механиком. Его среди других рыбаков, считая уже погибшим, вчера по радио поминали в молитве.

— Ну что же, бывают поразительные сходства, — кивнул Бек. — А что случилось с катером?

— Его опрокинула огромная волна и произошел внезапный взрыв. Видимо, спасся один Гартвиг. Мы толком не могли его расспросить, не зная немецкого. Может, вы с ним потом побеседуете?

— С удовольствием. Но только вряд ли медики его быстро выпустят.

Судовые врачи часто ворчат, что мы оставляем их без работы. Теперь они прочно завладели Гартвигом, уложили его в лазарет в отдельный бокс и никого к нему не подпускали. Разрешили только недолго побеседовать с ним капитану и начальнику экспедиции. Переводчиком был наш главный полиглот, второй штурман Володя Кушнеренко, знающий шесть языков. Потом он рассказал нам с Волошиным:

— Говорит, о причине взрыва понятия не имеет. Вокруг по воде разлился и загорелся мазут. Гартвиг поскорее задрал люк, включил систему водяного защитного орошения и двигатель. Отойдя на безопасное расстояние, он якобы снова открыл люк и целый день плавал, не удаляясь от места гибели, кричал и подавал звуковые сигналы сиреной, но безрезультатно.

Ничего нового Гартвиг, в общем, не рассказал.

— В примечаниях к логии указано: только за последние три года в этих водах погибло семьдесят пять тунцеловных катеров, — помолчав, добавил Володя. — И все главным образом из-за плохой остойчивости. Даже в небольшой шторм перекидываются. На это времени немного надо. Две-три минуты — и готов. Крепко повезло этому Гартвику. Из такого переплета выкарабкаться! Неудивительно, что он от пережитого вроде малость рехнулся. Плачет, старушку-мать поминает, крестится.

— Что же с ним решили делать? — спросил Волошин.

— Передадим на первое встречное судно, какое будет направляться в любой ближайший порт. Так решил кэп. Ну а если дня два-три никого не встретим, придется доставить его на берег на дирижабле.

— Не могли на мину случайно напороться?

— Вряд ли, — покачал головой Володя. — Уже лет двадцать в здешних водах подобных случаев не было. Тут море чистое.

— Море чистое, а место нечистое...

На следующий день мы совершили еще один полет в район, где предположительно погиб «Сперри». Вдруг все же чудом спасся еще кто-нибудь, кроме Гартвига? Однако справедливо кто-то сказал: чудеса потому и называются чудесами, что не повторяются... Мы кружили над океаном целый день и ничего не нашли.

Возвратившись, мы уже не застали Гартвига на «Богатыре»: его передали на встретившийся английский лайнер, шедший на Багамы.

Сергей Сергеевич огорчился:

— Жалко, не удалось с ним побеседовать подробнее.

— А по-моему, от расспросов все равно толку было бы мало, — сказал я. — Слишком он потрясен пережитым.

— Точно, — поддержал меня Костя. — Хотите верьте, хотите нет, а был у нас в Одессе такой случай. Идет как-то один старый докер по пирсу, не буду называть его фамилию, и видит: барахтается в воде человек и орет во весь голос по-английски: «Помогите! Помогите!» Оказывается, один разъяря-англичанин со своего шипа за борт свалился и пузыри пускает. Ну докер, конечно, остановился, посмотрел и спокойненько так говорит: «Чего кричишь, дура? Плавать нужно было учиться, а не иностранным языкам». И пошел дальше. Так и с этим Гартвигом.

Когда общий хохот стих, Сергей Сергеевич сказал, сочувственно покачав головой:

— Каких только случаев не бывает в Одессе, — и все захотали снова, а Костя громче всех.

В тот же день начальник экспедиции с явным облегчением распорядился разобрать дирижабль и с утра всем приступить «к нормальной работе по графику»...

Мы втянулись в строго размеренный судовой режим. Каждое утро нас будил голос вахтенного штурмана, зычно раздававшийся из динамиков внутрикорабельной связи, выключить которые, к сожалению, было невозможно:

— Судовое время семь часов, команде вставать. Доброе утро, товарищи! Сегодня понедельник, пятнадцатое сентября. Температура воздуха плюс двадцать шесть градусов, температура воды также двадцать шесть градусов...

Но «Бермудский треугольник» продолжал настойчиво напоминать о своих загадках. В радиопередачах, которые мы слушали, обсуждались причины возникновения гигантской волны, потопившей «Сперри», но не отмеченной береговыми станциями оповещения. Наверное, Гартвиг много нарасказал и репортажам, только газеты до нас не доходили.

Мы вели научные исследования не только с борта «Богатыря». Время от времени в океане устанавливали буи на якорях — настоящие небольшие лаборатории. Целый месяц они автоматически измеряли температуру воды, направление и скорость течений на разных глубинах, вели наблюдения за погодой, регулярно передавая все сведения по радио.

Жизнь наша шла размеренно и спокойно. Но восемнадцатого сентября в эфире опять прозвучал тревожный сигнал — всем, всем, всем. При хорошей погоде пропала яхта «Мария», зани-

мавшаяся поисками затонувших сокровищ возле Багамских островов. Вот уже третий день не выходит на связь, не отвечает на вызовы.

Заканчивалась радиограмма все тем же зловещим рефреном — просьбой ко всем судам и самолетам, находящимся в этом районе, принять участие в поисках пропавшей яхты.

— «Мария», «Мария», — морща лоб, задумчиво проговорил Волошин. — Что-то мне это название кажется знакомым. Надо лететь. Пойду переоденусь по-походному. И вам советую поспешить, если хотите отправиться с нами. Позавтракаем в воздухе.

Я побежал в каюту, захватил блокнот, диктофон, два фотоаппарата и поспешил на палубу. Оболочка дирижабля быстро наполнялась газом.

— А я ведь не ошибся, мы с этой «Марией» уже знакомы, хотя и мимолетно, — сказал Сергей Сергеевич.

Он достал из планшета фотографию.

— Помните? Мы снимали роскошную яхту «Звезда моря» этого Сеймура — разбогатевшего инженера с компаньоном — зубным врачом. А на заднем плане попала случайно в кадр и «Мария». Она мне потому и запомнилась, что носила родное российское имя.

— Значит, это она пропала? Что же с ней могло случиться?

— «Пасть дьявола», — лаконично, но весьма многозначительно ответил Сергей Сергеевич.

— А может, она вовсе не пропадала? Может, они в самом деле там передрались у островка, перерезали друг друга?

— Нет, «Звезда моря» цела и другие яхты тоже, сейчас общили. А «Мария» ушла оттуда через неделю после нашего визита.

— Куда?

— Вот этого, к сожалению, никто не знает. Разве такие сведения искатели сокровищ сообщают?

Мы взлетели, быстро позавтракали, выпив крепчайшего кофе и закусив бутербродами, и поспешили занять привычные места у окон, где за каждым был закреплен сектор для наблюдений.

Небо на горизонте сливалось с морем, одно незаметно переходило в другое. Казалось, мы не движемся, неподвижно парим над океаном. Какое-то странное, колдовское ощущение. Может, в самом деле улетим незаметно в какую-то другую вселенную?!

— Да, — задумчиво произнес Сергей Сергеевич, — сильно сказал как-то старик Конрад о пропавших без вести судах: «Никто не возвращается с исчезнувшего корабля, чтобы повредить нам, сколь ужасна была его гибель, сколь неожиданной и мучительной стала предсмертная агония людей. Никто не расскажет, с какими думами, с какими сожалениями, с какими словами на устах они умирали...»

Помолчав, он добавил:

— Одно утешает: агония оказалась недолгой, если они даже не успели подать зов о помощи. Повторяется история «Прекрасной Галатеи».

— Но почему? — снова не мог удержаться я. — Ведь не было ни шторма, ни магнитной бури. Почему же они как и «Галатея», исчезли бесследно, не подав никакого сигнала?

Никто не ответил мне.

Наверное, и на этот раз нечего было бы записывать в дневник, если бы не чистейшая, невероятная случайность, какие порой вдруг совершенно неожиданно круто меняют спокойное течение событий.

Когда мы уже разворачивались, чтобы лечь на обратный курс, вдруг заметили маленькое белое судно. Волошин посмотрел в бинокль:

— Тунцеловчик. Рыбачат.

Но Локтев, словно не слыша его, направил дирижабль к суденышку.

— Ты что, Борис Николаевич? Это же тунцелов.

Командир промолчал и лишь через несколько минут вдруг отрывисто сказал:

— Что-то у них не в порядке. Мачта сломана.

Мы все приникли к биноклям.

— «Сперри»! — вдруг вскрикнул Олег Никаноренко. «Сперри»?! Пропавший тунцелов?!

— Точно, «Сперри», — подтвердил Гриша. — Две буквы совсем стерлись, еле разберешь название.

— На вызов не отвечают, — сказал радист.

— И на палубе никого нет, — пробормотал Сергей Сергеевич, не отрывавшийся от бинокля.

— Нет, один лежит возле рубки. Ближе к корме, — сказал Олег.

— Где? Нет, это какие-то тряпки, — ответил Волошин. — Хотя...

Мы подлетели к суденышку совсем близко. Могли рассмотреть уже без биноклей и сломанную мачту, повисшую на снастях, и полустертую надпись на корме, и труп, валявшийся ничком на палубе возле рубки.

На судне по-прежнему никого не было видно.

Дирижабль завис метрах в пяти над палубой. Борис Николаевич опять блеснул мастерством. Он осторожно подвел дирижабль к самой рубке. Швартовое устройство надежно притянуло гондолу к леерной стойке, так что не пришлось даже спускать штурмтрап.

Костя первый прыгнул на верхний мостик, заглянул в рубку, отшатнулся:

— Умер прямо на вахте, за штурвалом, чтоб мне пропасть! — крикнул он. — Тут и лежит.

Один за другим мы перебрались на катер, оставив Локтева, как всегда, за пультом управления.

Стояла пугающая тишина. Зной, полное безветрие. Безжизненно обвисли снасти под тяжестью обломившейся мачты. И хотя мы находились посреди открытого океана, дышать было невозможно...

Кроме останков человека на палубе и второго в рубке, мы обнаружили еще четыре трупа: один в машинном отделении, остальные в крошечном грязном кубрике. Два рыбака свалились прямо возле стола, за которым, видимо, сидели. Третий, самый старший из всех и получше одетый — вероятно, капитан, лежал тут же на койке.

Не стану описывать, как они выглядели... У капитана застыло

на лице выражение непередаваемого ужаса или страшной боли. Похоже, он пытался подняться с койки, но не мог. А один из валявшихся у стола схватился руками за голову, словно она раскалывалась от боли.

Видимо, все они погибли в одно время. Но от чего?

— Отравились, что ли?

— Сразу все? Сомнительно. — Мы переговаривались вполголоса.

— Да и уж в рыбе-то они разбирались, не стали бы есть опасную.

— Не обязательно рыбой. Не одну же рыбу они ели. Вон у них и консервы есть.

— Попробуй теперь узнай.

В самом деле, в ведре груды немытой посуды. Две тарелки на столе с остатками какой-то еды, давно высохшей. На полу какие-то пятна. Следы рвоты? Но пол такой грязный, что никакая экспертиза, наверное, уже ничего не выяснит.

— М-м-может, отравил их какой-нибудь газ, — от волнения начиная, как всегда, немножко заикаться, сказал Олег Никаноренко. — Как экипаж «Уранг Медана».

— Ну тот всякие химические вещества вез, а на рыбацьем суденышке откуда ядовитый газ возьмется, — хмуро возразил Волошин.

— Какого же черта тот Гартвиг нам баки забивал? — вдруг взорвался Костя Синий. — Не перевертывался катер, целехонек. Может, это он сам их всех отравил?

— Кто?

— Да Гартвиг же!

— А то был вовсе не Гартвиг. Ведь весь экипаж на борту, все шестеро, — сказал Гриша Матвеев. — Настоящий Гартвиг в машинном отделении лежит, возле дизеля.

— Точно. А кто же был тот?

Мы переглянулись. В самом деле: кто же был человек, спасенный нами неделю назад? Зачем выдавал себя за механика с тунцелова и рассказал сказочку о внезапно налетевшей гигантской волне, якобы потопившей катер, о взрыве и загоревшемся мазуте? И откуда он взялся посреди океана в своей загадочной шлюпке? Зачем поспешно ее затопил?

— Чертовщина все же какая-то творится в этой «Пасти дьявола», — упавшим голосом пробормотал Олег Никаноренко.

— Может, это был все же Грюн, так его, кажется, называл Кашимир Павлович? — нерешительно спросил Гриша.

— Ученый-химик? А как он очутился в открытом океане?

— И зачем ему было отпираться, врать?

Кто мог ответить на эти вопросы? Где теперь было искать мнимого Гартвига?

Стараясь не глядеть на трупы, мы обошли весь катер. Суденышко давно не ремонтировалось, было старое, обшарпанное, грязное, но еще вполне пригодное для плаваний. Дизель исправен. Он, видимо, еще долго работал после гибели моториста и остановился сам, когда кончилось горючее, определил Сергей Сергеевич.

Девять из двенадцати холодильных цистерн были забиты крупными, как на подбор, тунцами. Видимо, рыбакам посчастли-

вилось напасть на рыбное место, и они, наверное, мечтали скоро вернуться домой с богатым уловом...

Радиопередатчик в рубке был старенький, но вроде тоже исправен. Почему же рыбаки даже не попытались передать сигнал о постигшей их беде?

На столе в рубке лежал судовой журнал. Последняя запись была сделана третьего сентября: «Луиза отвернула в сторону. Зыбь с юго-запада шесть баллов. Все в порядке».

Значит, они погибли примерно в то же время, когда пропал «Остер». Впрочем, судить об этом было трудно. Записи в журнале велись нерегулярно, от случая к случаю и были весьма лаконичны.

— Сделав последнюю запись, вахтенный пытался потом написать что-то еще. Видите? — сказал Волошин, внимательно изучавший судовой журнал.

В самом деле, ниже последней записи, прямо поперек листа было нацарапано, крупными каракулями какое-то слово. Но разобрать его оказалось совершенно невозможно. Мы рассматривали журнал все по очереди и гадали:

— Dead? Death? *

— Первая буква «d», точно. Может, «dagger»? **

— Здравсьте, я ваша тетя. Какой dagger? Danger ***.

— А может, «dally» ****. Так гадать можно без конца, — сказал Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич несколько раз сфотографировал страницу журнала с последней записью и непонятными каракулями. Потом мы, как заправские криминалисты, сфотографировали трупы, немытую посуду в кубрике, тарелки с остатками засохшей еды, подозрительные пятна на грязном полу, сломанную мачту, даже оттаявшие после остановки двигателя холодильные цистерны, наполненные гниющей рыбой. А Олег сделал несколько зарисовок.

После этого Сергей Сергеевич попросил Костю вызвать «Богатырь», пригласить в радиорубку начальника экспедиции и капитана и подробно рассказал обо всем, что мы обнаружили.

— Что с ним делать, с этим «Сперри»? Может, вы подойдете и сами все осмотрите? Возьмете его на буксир?

— Это ни к чему, — решительно ответил Суворов. — Пусть расследованием занимаются местные власти. Мы сейчас им сообщим.

— Может, нам подежурить тут, повисеть над судном до прихода спасателей? Обнаружить такое маленькое суденышко будет нелегко. Выглядит оно вполне исправным, потому его до сих пор и не нашли. А название почти стерлось. Кажется, на судне все в порядке и оно занимается рыбной ловлей, просто не отвечая на вызовы по радио. Может, и мы видели его раньше, но пролетали мимо, ничего не заподозрив.

— Нет, не нужно, — ответил начальник экспедиции. — Прогноз хороший, шторма не ожидается. Береговая охрана высы-

* Мертвый? Смерть? (англ.).

** Пронзить кинжалом (англ.).

*** Опасность (англ.).

**** Терять время (англ.).

ласт катер на подводных крыльях немедленно. Они просят только поднять над рубкой тунцелова флаг — международный сигнал «Требуется помощь». И если можно, просят нарисовать на крышке рубки и на бортах такие же кресты красной краской. Она у вас должна быть в аварийном НЗ. Сделайте это и поскорее возвращайтесь.

— Хорошо, Андрей Самсонович.

Мы сделали все и начали плавно подниматься. Весь в алых крестах, «Сперри» выглядел так, словно на нем произошло кровавое побоище. Не понять, что с ним случилась беда, и проплыть мимо было невозможно.

— Сергей Сергеевич, а не мог ли их поразить инфразвуковой удар? — задумчиво спросил Гриша Матвеев.

— Я тоже, признаться, об этом подумал, — сказал Волошин.

— Картина ведь очень похожая, — оживился Гриша. — Они же все наверняка здоровяки были, а умерли сразу, одновременно. И мачта сломана — вы обратили внимание? А ведь шторм был слабый, ее могла сломать вибрация, вызванная инфразвуком. Вспомните: в ту ночь, когда Луиза бушевала, и на «Богатыре» многие себя плохо чувствовали. Наверняка под воздействием инфразвука. Разве ваш прибор его не улавливал?

— Уловил под утро, но очень слабое воздействие. Шторм прошел далеко стороной.

— А они были ближе к шторму. Тогда они и погибли, в ту ночь или утром!

— Ну а почему же только они? — покачал головой Волошин. — Там ведь наверняка и другие рыбацьи суда были.

— «Сперри» оказался на пути особенно мощной инфразвуковой волны.

— Возможно, Гриша прав, — поддержал его Олег Никаноренко. — И самолет мог от этого же погибнуть.

Я понял, о какой гипотезе они говорили. О ней часто упоминали в последние годы в связи с загадками «Бермудского треугольника» и таинственными происшествиями в других морях. Было известно несколько случаев, когда обнаруживали вполне исправные суда, по каким-то непонятным причинам покинутые командой.

Некоторые ученые высказывали предположение, что причиной таинственных катастроф мог оказаться инфразвук, тот самый «голос моря», неслышимый человеческим ухом, но улавливаемый предсказателем шторма «ИПШиком», которым так гордится Сергей Сергеевич. Мы не слышим инфразвук, но, как выяснилось, он оказывает воздействие на человеческий организм, может вызывать ощущение усталости, тоски, морской болезни, безотчетного страха и тревоги. Может, именно этот страх и заставляет моряков в панике покидать исправные суда? А инфразвук определенной частоты способен ослепить и даже оказаться смертельным...

— Еще академик Шулейкин, разрабатывая теорию возникновения «голоса моря», пришел к выводу, что основное излучение инфразвука идет приблизительно в диапазоне шести герц, — говорил Гриша. — А ведь роковая частота начинается от семи. Очень близкие величины,

— Но дело ведь не в одной частоте, — возразил Волошин. — Не менее важна и мощность инфразвукового удара. В океанографии я не специалист, но, с точки зрения техники и физики, это маловероятно.

— Но даже при ча-ча-стоте в шесть герц такой удар мог ослепить летчика, — настаивал Олег Никаноренко.

Конечно, горячие споры о том, что могло погубить рыбаков, продолжались и вечером в «клубе на полубаке». И гипотеза инфразвукового удара нашла много сторонников.

— Почему же инфразвук приобретает опасную силу именно в этом районе? — спросил Володя Кушнеренко.

— Видимо, его генерируют ураганы, проходящие, как правило, по южной стороне «Бермудского треугольника», — доказывал Гриша. — Возможно, что волны как бы усиливаются, достигают опасных величин, протискиваясь через узкие проливы между многочисленными островками Багамского архипелага. Пролиты служат как бы природными трубами — мощными усилителями.

— Но почему мы на «Богатыре» ничего особенного не ощутили? Легкое недомогание бывает у многих при любом шторме.

— Ну раскатать такую махину, как «Богатырь», и вызвать в нем опасные вибрации никакому инфразвуку не под силу. Другое дело маленькие суда вроде тунцелова.

— И ослепляет инфразвук, выходит, не всех, а на выбор, — недоверчиво произнес Дюжиков. — Самолетов в тот день здесь много летало. Почему же ослеп один Гроу?

— Ну, может, организм у него такой оказался...

— Инфразвуковые волны могут быть разными по силе, — сказал Гриша. — Может, «Сперри» и самолет Гроу по несчастливой случайности оказались на пути особенно опасной инфразвуковой волны...

— А отчего же гибли такие крупные суда, как «Анита»? — спросил Володя. — Двадцать тысяч тонн водоизмещения не шутка. Это тебе не катер.

— Да и куда оно делось? — поддержал его кто-то с вертолетной площадки. — Допустим, люди слепнут, гибнут. Но суда-то ведь не тонут от инфразвукового удара. Куда же они деваются? Даже если команда погибла или в панике сбежала?

Но Гриша не сдавался:

— Сильные течения, характерные для этого района, быстро уносят за его пределы неуправляемые суда, а тем более их обломки. А ищут их здесь, не находят и объявляют бесследно пропавшими. Потом же их наверняка вскоре топят очередной шторм, поскольку они неуправляемы...

Конечно, немало разговоров было и о том, что спасенный нами неделю назад незнакомец оказался вовсе не Гартвигом. Кто же он был на самом деле? Откуда взялся посреди океана и зачем обманул нас, выдавая себя за рыбака со «Сперри»? Об этом тоже высказывались самые фантастические предположения.

Сергей Сергеевич не принимал участия в этой дискуссии. Но, видимо, и он всерьез размышлял над возможностью поражения инфразвуковым ударом, потому что на следующий день вместе с Иваном Андреевичем Макаровым, возглавляющим ла-

бораторию биофизики, снова стал прослушивать запись последнего разговора с Ленардом Гроу. Конечно, я был тоже в радиорубке и опять с замирающим сердцем слушал хрипловатый, немножко гнусавый голос:

— Земля, я на грани катастрофы... Похоже, окончательно сбился с курса... Не вижу ни одного острова... Повторяю: не вижу ни одного острова.

— Ваши координаты? Хотя бы примерно...

— Господи, со мной еще никогда не бывало ничего подобного... Все небо затянули сплошные тучи... В них зияют какие-то черные дыры!

Треск и разбойничий свист атмосферных разрядов заглушают голос пилота.

— Гроу, Гроу, отвечайте, отвечайте!

— У меня осталось мало горючего... Осталось мало горючего... Я отклонился от курса куда-то в сторону... Я не вижу ни одного...

Молчание. Свист и разряды.

После долгой томительной паузы вскрик:

— Море выглядит как-то необычно... Оно желтое или серое. Боже! Я, кажется, слепну! Нет, я вижу... вижу... О господи! Только не это! Нет! Нет!..

И все. Молчание, свист, разряды. И уже тщетно зовет голос Земли:

— «Остер»! «Остер»! Мы вас запеленговали! Высылаем два самолета. Держитесь! Держитесь! Вы слышите нас? Отвечайте! Когда магнитофон затих, Волошин задумчиво посмотрел на своего старого друга и спутника по многим плаваниям:

— Ну что скажешь, Иван Андреевич?

Макаров помолчал, пряча глаза в глубоких щелочках под густыми лохматыми бровями.

— Что-то голос у него ненатуральный, — проворчал он наконец.

— Не обращай внимания. Хлебнул для храбрости. Он там еще монолог Гамлета читает, но Дюжиков из этой копии вырезал, чтобы не отвлекало, — ответил Волошин. — Ты по существу говори: мог его ослепить инфразвук?

— Спроси что-нибудь полегче. Мы ничего не знаем о воздействии инфразвука на человеческий организм даже в лабораторных условиях. Тем более в естественной среде.

— Значит, ты сомневаешься?

— В городах мы не меньше и гораздо дольше подвергаемся воздействию инфразвука. Возможно, он и служит причиной некоторых недомоганий и болезней, которые прежде медики приписывали другим факторам. Надо вести исследования. Но насколько мне известно, никто еще от него не слеп и тем паче не умирал.

— Ясно, — кивнул Волошин. — Лунин тоже считает, что в открытом океане интенсивность инфразвука на несколько порядков меньше той, какая опасна для жизни. Но что же с ним все-таки произошло, с этим Гроу? Гирокомпас-то у него почему отказал? И что это за дыры в небе? Что он там увидел, какую чертовщину?..

Утро не принесло новостей.

— Н-да, похоже, уже можно звонить в колокол, — задумчиво произнес Сергей Сергеевич. — Помянуть «Прекрасную Галатею».

— В какой колокол? — удивленно спросил Черномор.

— В знаменитый колокол затонувшего фрегата «Лютина». Его подняли с морского дна, и теперь он висит в главном зале лондонской конторы Ллойда. Разве вы не слышали о таком обычае? Специальный глашатай в алом плаще трижды звонит в колокол и громко объявляет название судна, которое отныне официально считается погибшим. А если оно к тому же пропало без вести, его заносят в особую «Красную книгу Ллойда»...

Он не договорил. «Богатырь» вдруг резко сбавил ход, а потом начал круто поворачивать влево. Это было настолько неожиданым, что все бросились на палубу.

— Обломки в море! — крикнул кто-то.

Матросы быстро спустили шлюпку, и через полчаса на палубе лежали какие-то куски досок, окрашенные в белый цвет, скрепленные изогнутыми, скрюченными железками. Концы досок были расщеплены и словно обожжены.

— Похоже, часть кормовой обшивки какого-то небольшого судна, — сказал Володя. — Шхуны или яхты. Со следами взрыва.

Сергей Сергеевич тем временем повернул обломки так, что стала видна крупная буква М, черная на белой доске.

— «Мария»? — спросил профессор Суворов.

— Трудно сказать, — задумчиво ответил Сергей Сергеевич, не отрывая глаз от груды покореженного металла и обгоревших досок. — Владимир Васильевич уверяет, что возможность столкновения с миной в здешних водах практически исключается.

— Кушнеренко прав, — подтвердил капитан.

— Попробуем исследовать обломки в лаборатории, — сказал Сергей Сергеевич.

— Только чтобы они остались в том виде, в каком их нашли, — поспешно сказал Черномор и посмотрел на капитана:

— Наверное, следует их передать местным властям?

Обломки торжественно унесли в лабораторию, а мы разбрелись по палубе, обсуждая неожиданную и во многом загадочную находку.

— Нет, все же хотите верить, хотите нет, но с этой «Пастью дьявола» дело явно нечисто. То еще местечко...

Какой таинственный взрыв разнес на куски яхту искателей сокровищ? Что с ней случилось?

Об этом я кинулся расспрашивать Волошина, когда он наконец вышел перед ужином погулять по палубе.

— Удалось что-нибудь выяснить, Сергей Сергеевич?

— Почти ничего, — устало ответил он. — Очевидно одно: взорвалось не горючее и не запас спиртного, который у них на борту наверняка был солидным. Яхту разнесло какой-то сильной взрывчаткой скорее всего из группы пентрита.

— Вы думаете, несчастный случай?

Сергей Сергеевич неопределенно пожал плечами.

— Во всяком случае, еще одна загадка «Бермудского треугольника». Ведь наверняка никто не уцелел, чтобы рассказать, что же там случилось.

Мы помолчали.

— Обломки приказано завтра доставить в Нассау, — сказал Волошин.

— Вы полетите в Нассау? — загорелся я. — Меня возьмете?

— Думаю, возражений не будет.

С высоты столица Багамских островов выглядела игрушечной, в точности как на красочных фотографиях туристских рекламных проспектов: прямые улицы с шеренгами стройных кокосовых пальм, старинные особняки и отели среди зелени парков, тщательно ухоженные газоны, площадки для гольфа.

Наше приземление на аэродроме вызвало всеобщий интерес. Небольшой оркестрик встретил нас песней «Приезжайте посмотреть наши радостные острова». Несмотря на оптимистичность названия в песне рассказывалось о том, как в давние времена на рифах возле города погиб парусник «Претория».

Настроенные такой встречей на торжественный лад, мы с Волошиным отправились в город.

Некоторые улицы были типично английские. На других больше чувствовался старый колониальный стиль: бесчисленные статуи английских королей, мореплавателей и надменных полководцев на площадях и в скверах, изысканные бунгало и каменные особняки с площадками для гольфа и плавательными бассейнами.

А толпа на улицах живая и пестрая, как во время карнавала. Вокруг веселые темнокожие лица, оверкающие улыбки. Идут, пританцовывая, стройные красавицы в невероятно пестрых платьях. На перекрестках словно дирижируют жезлами полисмены в тропических шлемах. Дорогу к центральной площади нам радушно указал пожилой мулат в строгом черном костюме, помятой шляпе и с галстуком-бабочкой, но босой.

Сергей Сергеевич, торжественно держа перед собой объемистый тук с обломками «Марии», поднялся по широким каменным ступеням монументального старинного здания, где помещались правительственные учреждения, а я остался его поджидать, сидел на скамейке в тенистом парке и с любопытством оглядывался.

О богатой всякими авантюрными событиями истории Багам нам рассказывал перед полетом начальник рейса. Есть у Черномора хорошая привычка: собираясь в экспедицию или даже просто вылетая куда-нибудь на конференцию всего на несколько дней, он специально изучает историю этой страны, а потом нередко поражает местных жителей тем, что знает ее лучше, чем они сами.

И я теперь, сидя на скамейке в парке, помянул Черномора добрым словом. Пожалуй, я и сам бы мог встать и как заправский гид зычно вещать:

— Леди и джентльмены! Багамы по праву называют «Жемчужиной Атлантики». Несмотря на свою давнюю и богатую авантюрными событиями историю, это одно из самых молодых государств: только в семьдесят третьем году обрело независимость, оставшись, однако, членом Британского содружества наций. Восемьдесят пять процентов населения составляют мула-

ты и негры. И если вы сейчас видите кругом много белых лиц, то знайте, что почти все это туристы, приносящие стране свыше семидесяти процентов дохода...

Волошин появился довольно скоро.

— Ну одной загадкой, кажется, меньше! Экипаж «Сперри» погиб от пищевого отравления. К такому заключению пришли здешние судебные медики, — сказал он, садясь на скамейку рядом со мной.

— Сразу все шестеро? И так быстро, что даже не успели ничего передать по радио?

— Я тоже выразил некоторое сомнение, — сказал Волошин. — Но чиновник, с которым я беседовал, настаивает на этой версии. Говорит, что рыбаки покупают консервы по дешевке. А отравились они все сразу, он считает, потому, что на таких суденышках все обедают и ужинают одновременно, а не по вахтам, как на больших судах. В этом есть резон. По некоторым признакам они считают, что рация на «Сперри» была неисправна. Рыбаки сумели наладить ее с грехом пополам лишь в последний момент, а о том, что случилось, передать уже не смогли.

— Значит, вульгарное пищевое отравление?

— Вы разочарованы? — усмехнулся Волошин. — Этот чиновник мне так и сказал: все равно нам не поверят. Кому интересно отравление испорченными консервами? Все равно будут трубить в газетах и по радио о роковых тайнах «Пасти дьявола». А нам, говорит, эти тайны уже осточертели...

Однако в Нассау нас поджидали и другие новости. По дороге на аэродром мы задержались у киоска, чтобы закупить побольше свежих газет и журналов.

— «Остерегайтесь своей собаки!» — громко прочитал Сергей Сергеевич. — Посмотрите, какая прелесть: даже собственной собаке нельзя доверять. Оказывается, ей могут в куске мяса подбросить миниатюрный передатчик. Находясь в желудке, он станет передавать все, что вы говорите. В веселеньком мире они живут.

Волошин взял другую газету и воскликнул:

— Позвольте, это же Гартвиг!

На фотографии какой-то человек пытался прикрыться ладью от наседавших на него фоторепортеров.

— Гартвиг же умер. На «Сперри».

— Ну не Гартвиг, а тот, кого мы спасли. Известный ученый заявляет: «Мы... стали жертвой... промышленного шпионажа», — запинаясь, переводил Сергей Сергеевич заголовок над фотографией. — Ба, да это же в самом деле доктор Грюн, Питер Грюн! Казимир Павлович вовсе не обознался. Чего же он нам морочил голову, известный химик? Ладно, потом разберемся.

Мы вернулись с кипами газет и журналов. Сергей Сергеевич, озабоченно посмотрев на часы и покачав головой, распорядился немедленно взлетать:

— Вопросы потом. Нам еще нужно, по плану, пройти к во-стоку вдоль островов.

Дирижабль стремительно взмыл в небо. Мы напоследок полюбовались игрушечным городком на острове, и вот он уже растаял в солнечной дымке.

Сергей Сергеевич подробно рассказал, какие сенсационные новости мы узнали. Лаборанты и Костя только ахали. Один Борис Николаевич остался невозмутимым, словно и не ожидал от «Пасти дьявола» ничего иного...

Океан под нами выглядел совсем идиллическим и приветливым. Сегодня в полный штиль вода над отмелями оказалась такой прозрачной, что даже была вроде невидимой. Никакой синевы, отчетливо заметен каждый бугорок на дне.

И вдруг мы увидели внизу большое темно-синее пятно почти правильной круглой формы. Это был не островок. Что-то странное, словно дыра в морском дне, наполненная совсем иной, темной водой. А вот и еще одна такая же круглая загадочная дыра.

— Что это такое?

— Знаменитые «синие ямы», — сказал Гриша Матвеев. — Карстовые воронки в морском дне. По ним из глубины земли поднимается вода, заметно отличающаяся от морской своей соленостью, плотностью, температурой, даже цветом. Из некоторых воронок, бывает, фонтанирует совершенно пресная вода. Местные жители издавна используют такие источники: ныряют в них и наполняют сосуды пресной водой.

Маневрируя, мы выбрали подходящую высоту, сделали несколько фотоснимков и потом полетели дальше.

Попробовали общими усилиями прочитать репортаж в немецком журнале, но поняли только, что это интервью, которое дал доктор Питер Грюн, известный ученый-химик, по возвращении в Гамбург. Поминалась в репортаже «Прекрасная Галатея», сообщалось, что она затонула, была взорвана, причем все, кроме Грюна, при этом погибли. Упоминалось имя и профессора Бейлера. Но наших скудных познаний в немецком языке не хватало для того, чтобы все понять.

— Придется подождать до возвращения на «Богатырь», — с сожалением сказал Сергей Сергеевич, откладывая журнал.

— Может, мы нашли обломки «Галатей», а вовсе не «Марии»! — сказал вдруг Гриша Матвеев.

— Откуда же на них взялась буква М? — ехидно спросил Костя.

Сергей Сергеевич засмеялся:

— И я думал об этом. Когда мы исследовали обломки в лаборатории, меня удивило, как хорошо они покрашены. А ведь эта «Мария», помните, Николаевич, — повернулся он ко мне. — выглядела ужасной замухрышкой, впрочем, может, только издали? Я бы скорей поверил, что это обломки «Звезды моря».

Сергей Сергеевич указал биноклем куда-то вниз:

— Издали «Мария» выглядела не лучше вон той шхуны или яхточки, ремонтом которой занимается команда. Видите? Зашли в тихую бухточку и малярничают.

— Ишь как название красиво вывели — «Кармен». Так и сияет, без бинокля видно, — сказал Гриша.

— Только, видно, маляры они неумелые. Начали с названия, с кормы. Те еще маляры.

— Да, толкового боцмана им явно не хватает, — согласился Сергей Сергеевич, рассматривая яхту в бинокль. — А может,

это просто шутники, одесситы? В конце концов, каждый красит свою яхту, как ему нравится. Ну ладно, поворачиваем домой.

— Еще одну станцию проведем, Сергей Сергеевич, — попросил Гриша, — а то шеф будет ругаться, что мало сделали.

— Давай, только побыстрее.

Отлетев немного в сторону от островка, мы неподвижно завили над водой на высоте сорока метров. Гриша уже начал спускать приборы, как вдруг мое внимание привлекло необычное поведение радиста. Костя на миг замер, скорчившись у приемника, а затем стал что-то лихорадочно писать в большом блокноте.

Я увидел, как он крупными буквами вывел трижды повторяющийся мягкий знак. Это сигнал какого-то важного срочного сообщения.

«Всем, всем, всем, — писал Костя. — Срочно. В 16.12 прервалась радиосвязь с пассажирским самолетом ДС-9, следовавшим рейсом Гамильтон — Кингстон — Ямайка. Связь прервалась, когда самолет находился примерно в точке с координатами...»

Я позвал Волошина. Костя подал ему блокнот с написанной радиограммой.

— Летел с Бермуд на Ямайку, — задумчиво произнес Волошин, дважды перечитывая радиограмму. — И замолчал где-то здесь. — Он склонился над картой, укрепленной на штурманском столике у пульты управления. — Километров двести от нас. Надо лететь, мы, наверное, сейчас ближе всех к месту возможной аварии. Гриша, сматывай свои удочки! А ты, Костя, вызови «Богатырь», надо посоветоваться. Хотя подожди, может, еще что передают?

Костя молча подал ему вторые наушники. Волошин послушал и сказал, снимая их:

— Ничего нового, повторяют тот же текст. Мощная станция, громкий сигнал. Это Нассау? Может, запросить у них дополнительные сведения. Какая станция?

— Не знаю, — виновато ответил радист. — Свои позывные не передали, сразу пошел текст сообщения. Они тут форму не соблюдают, работают как хотят. И обращения о поиске, как полагается, не передали.

— Видно, торопились. Но искать, конечно, надо. Связывайся с «Богатырем», Костя.

— Есть. Черт, опять плохое прохождение. Тот еще райончик. Всегда эта петрушка в тропиках...

Разговор с начальством был коротким. На «Богатыре», оказывается, тоже приняли сообщение о пропавшем самолете и решили нам отправиться его искать.

Но сколько мы ни кружили над океаном, ничего обнаружить не удалось. Уже в быстро сгущавшихся тропических сумерках мы вернулись на «Богатырь».

Наутро Волошин собирался продолжить поиски, но начальник экспедиции не разрешил.

— Разбирайте дирижабль. Никто нас больше об этом не просит, — сказал он. — Никаких новых сведений о пропавшем

самолете не поступало. Или его нашли, или уже искать бесполезно. Давайте заниматься своими делами.

Против обыкновения Сергей Сергеевич спорить не стал.

Начальник радиации сказал нам:

— Если SOS был короткий и больше не повторился, вполне возможно, какой-нибудь трепач нарочно ложный сигнал дал. Захотел порезвиться. И сразу замолк, чтобы не запеленговали.

— Неужели такие бывают? — не поверил я.

— Еще сколько развелось за последние годы. Многие передатчиками обзавелись, а совести нет, вот и хулиганят. Одного в Англии будто бы поймали. Развлекался, паразит, подавал сигнал бедствия из своей спальни. Оштрафовали за незаконное использование электроэнергии, вот и все. А уже в море спасательные суда вышли, самолет с парашютистами-аквалангистами вылетел. И шторм был в девять баллов.

— Действительно паразит, — покачал головой Сергей Сергеевич. — А «Пасть дьявола», конечно, так и тянет своими загадками таких радиохулиганов. Хочется добавить еще одну тайну. Вполне возможно, что и мы попались на такую удочку.

Приняв душ, переодевшись и наскоро перекусив, мы с Волошиным отправились к профессору Беку.

Казимир Павлович полностью перевел нам интервью с мнимым Гартвигом — Питером Грюном. Оказывается, «Прекрасная Галатея» была не просто прогулочной яхтой, катавшей от острова к острову богатых бездельников. Ее зафрахтовал один концерн, чтобы под видом такой прогулки секретно провести испытания новой газовой смеси, изобретенной профессором Бейлером, позволявшей якобы нырять в обычном акваланге на глубину до полутора километров.

Однако конкуренты все же проникли об этом замысле и сумели под видом второго механика устроить на яхту своего агента. Его чрезмерное любопытство вызвало подозрения, и механика хотели высадить на ближайший остров. Но он перехитрил всех, заблаговременно припрятав в различных укромных местах заряды взрывчатки и включив часовой механизм...

Ровно через сутки яхта взлетела на воздух. Заряды были размещены со знанием дела, ее буквально разнесло на куски, так что даже обломки, считал Грюн, вряд ли удастся обнаружить.

Разумеется, при таком взрыве погибли все находившиеся на яхте. Спасся один Грюн, и действительно чудом: только потому, что как раз в это время отплыл в сторону от яхты на подводном суденышке типа ныряющего блюдца. В этом кораблике он и поплыл в сторону Багамских островов, но мотор испортился, и его понесло на северо-восток в открытый океан. Грюн был так перепуган, что и тогда не решился подать по радио сигнал бедствия, опасаясь снова привлечь внимание вражеских агентов. И только к нам обратился за помощью, понимая, что на советском дирижабле никакие промышленные шпионы конкурентов ему не угрожают. Но все же рассказывать и нам правду о том, что с ним произошло, Грюн не стал.

— Какая дурацкая история, — брезгливо поморщившись, сказал Казимир Павлович. — Жаль Бейлера! Впутался в темные дела. И вот печальный, но логичный конец.

— Н-да, этот Грюн нас, признаться, ловко поморочил своими рассказами, — покачал головой Волошин. — Использовал все слухи, услышанные по радио, пока болтался в океане, даже фамилию себе подходящую подобрал. И о зловещей «Пасти дьявола» помянул, а мы уши развесили.

Судьба «Прекрасной Галатеи», как и «Сперри», наконец разъяснилась.

— И видите, без всякой мистики и загадочности. Я был прав, — торжествовал Черномор. — Даже бы сказал, причина ее гибели оказалась, к сожалению, довольно банальной для наших дней... Как и смерть рыбаков.

Он был прав, и я снова испытал некоторое разочарование. А многие, наоборот, по-моему, восприняли привезенные нами новости даже с облегчением. Смерть от отравления испорченными консервами — это было всем понятно и ничуть не загадочно. И все пошло наперебой вспоминать, как кто-то из родственников или знакомых отравился грибами, кто-то рыбой или колбасой:

— Вот у меня свояк...

А Костя Синий даже рассказал, как один его приятель однажды отравился гречневой кашей:

— Хотите верьте, хотите нет...

Только Гриша Матвеев упрямо не хотел расстаться со своей гипотезой:

— Что они могли там выяснить, когда прошло столько времени после смерти? А смерть от инфразвука наступает чаще всего просто от остановки сердца, так что при вскрытии можно ничего особенно загадочного и не обнаружить. Вот они и приписали все отравлению. Конечно, судебным медикам оно кажется вероятней, чем гибель от инфразвукового удара. А я все же уверен, что именно он погубил рыбаков. И Ленарда Гроу тоже.

Гриша был не одинок в своей верности тайнам «Бермудского треугольника».

Чиновник, с которым беседовал Сергей Сергеевич, оказался прав. Заметку в несколько строк о том, что рыбаки отравились испорченными консервами, напечатала лишь одна из купленных нами газет, да и то где-то на шестой странице. А во всех других на самых видных местах по-прежнему пестрели хлесткие заголовки: «Новые жертвы «Пасти дьявола!»». «Они умерли все сразу совершенно здоровыми!», «Бермудский треугольник» не желает раскрывать свои тайны!»

Две газеты опубликовали интервью с Ричардом Стоксом, в поместье которого на острове Андрос недавно гостил пропавший при таких загадочных обстоятельствах Ленард Гроу. В довольно высокопарных выражениях Стокс расписывал достоинства и увлечения покойного друга. Тот, видимо, был мистиком, увлекался дзэн-буддизмом, секретами африканских колдунов и сокровенными обрядами водуизма, процветающего до сих пор на здешних островах.

«Ленарда — мы звали его между собой Ларри — властно влекли к себе чудеса и тайны. «Я не ишу им объяснений, — говорил он. — Чтобы тайна сохраняла свою силу, ее нужно уважать». Он специально ездил в глухие районы Мексики, что-

бы испытать самому, какие чудесные видения вызывает пейотль, который древние ацтеки почитали даром богов. Он дружил с египетскими заклинателями змей. Давно его привлекала и тайна «Бермудского треугольника». Он полетел ей навстречу, и она поглотила его. Как бы я хотел узнать, что увидел, исчезая в Неведомом, Ларри? Думаю, он был счастлив!»

— Н-да, тот еще был типчик. Мистик, наркотиками баловался. Неудивительно, что погиб, — покачал головой Костя Синий.

— Но ведь при загадочных обстоятельствах, верно?

— А «Мария» чего взорвалась?

И вечером споры в «клубе рассказчиков» разгорались с новой силой. Снова поминались инфразвуковые волны и «антисмерч», магнетизм и гравитация, их, возможно, еще неизвестные науке таинственные воздействия на человеческий организм, гипотезы о смещении времени и пространства.

Эти загадки продолжали нас волновать, но ученые в общем-то радовались, что могли снова спокойно заняться исследованиями.

Океанографы проводили научные станции и в задумчивости склонялись над картами.

— А система течений здесь оказалась гораздо сложнее, чем прежде считали, — качал головой профессор Суворов, поглаживая бороду. — Вон куда этого «Сперри» затащило.

— Значит, все же есть польза и от разгадывания тайн «Пасты дьявола»? — не удержался Сергей Сергеевич.

— Совсем иная, чем состязание в сочинении всяких фантастических гипотез. Вы же прекрасно понимаете, Сергей Сергеевич.

Несколько дней «Богатырь» плыл в одиночестве по пустынному океану. И только голоса на различных языках, раздававшиеся из динамиков радиорубки, свидетельствовали, что где-то за горизонтом вместе с нами занимаются научными исследованиями еще десятки судов из многих стран. Но потом наша размеренная жизнь оказалась снова нарушенной. Утром радио принесло сенсационную новость: расследование показало, что буква М написали на обломках, найденных нами в океане, совсем недавно и явно умышленно, чтобы сбить с толку! Значит, это были обломки вовсе не пропавшей яхты искателей сокровищ, а какого-то другого судна — скорее всего, по заключению экспертов, взорванной «Прекрасной Галатеи».

Поэтому, говорилось в радиограмме, надежда найти «Марию» или кого-либо из членов ее команды еще не потеряна.

Но что же случилось с «Марией», если она не взорвалась, как мы предполагали, найдя обломки? И кому понадобилось выводить на них букву М? Зачем?

Радиограмма была лишь предвестием новых неожиданностей. Мы не успели обсудить волновавшие нас вопросы, как пришла еще одна тревожная и загадочная весть:

«Тридцатое сентября. В 13.26 получена радиограмма о том, что внезапно прервалась связь с большим пассажирским авиалайнером «Боинг-727», направлявшимся из Бостона в Каракас. На борту 123 человека. Все суда и самолеты, находящиеся поблизости, просят срочно принять участие в его поиске». Неизменный рефрен!

Начали срочно готовиться к вылету. Ведь даже если лайнеру удалось благополучно сесть на воду и хоть часть пассажиров успела выбраться, долго на спасательных плотиках они не продержатся.

«Вылетели в 14.42».

Связь с самолетом прервалась, когда он находился примерно в ста километрах севернее островов Кайкос. Туда мы и направились на полной скорости, какую могли развить двигатели.

Мы почти не разговаривали, стараясь не пропустить ничего. Все приникли к биноклям и, конечно, думали об одном: что же могло случиться с огромным воздушным лайнером, оснащенным всякой электроникой и новейшим навигационным оборудованием? Это не маленький «Остер» с пилотом-любителем. Почему он вдруг замолк на полуслове и больше не ответил на вызовы? Что с ним произошло в «Пасти дьявола»?

— Вижу землю! — негромко произнес командир дирижабля.

Впереди на горизонте появился в голубоватой дымке один остров, другой, третий. Мы развернулись и, сбавив скорость, полетели над отмелями.

— А вот, похоже, тот островок, где мы видели «Карменситу», — сказал Волошин. — Где же красотка?

«Кармен», заметно похорошевшую после ремонта, сиявшую свежей краской, мы обнаружили у другого, тоже маленького и явно необитаемого островка.

— Борис Николаевич, сделайте, пожалуйста, над ним кружок, — попросил Сергей Сергеевич. — Только не опускайтесь слишком низко. Вы же знаете, какой это нервный народ — искатели сокровищ. Как бы не пульнули из автомата. Так, я пока сниму красотку своим преобразователем... А вы, Костя, чтобы отвлечь их внимание, запросите, пожалуйста, не пролетал ли тут вчера такой же точно дирижабль, как наш. И непременно запишите ответ на магнитофон.

Мы все посмотрели на Волошина с недоумением. Командир, пожав плечами, кивнул и взялся за штурвал. Костя занялся своей аппаратурой. Сергей Сергеевич, сделав несколько снимков каким-то сложным аппаратом, внимательно рассматривал яхту в бинокль. Я последовал его примеру, но ничего интересного не увидел.

— Отвечают? — спросил у радиста Волошин.

Тот кивнул, не отрываясь от аппаратуры.

— Отлично, — удовлетворенно произнес Сергей Сергеевич. — Ну что же, не будем больше испытывать их терпение, отправимся восвояси. Разумеется, никакого дирижабля они вчера не видели? — спросил он у радиста, перематывавшего пленку на магнитофоне.

— Нет, — покачал головой недоумевающий Костя.

— Этого и следовало ожидать, — засмеялся Сергей Сергеевич. — Но дайте-ка мне послушать голосок красотки. Одну минуточку. Только подключу к магнитофону вот этот приборчик.

Из динамика посыпались громкие звуки морзянки. Звучали они, по-моему, весьма сердито и неприветливо. Но Сергей Сергеевич, следя за извилистой линией, возникавшей на ленте,

которая ползала за стеклянным окошком прибора, удовлетворенно кивал головой.

— Отлично! — сказал он, отключая прибор. — Как говорил ваш почетный земляк Остап Бендер: — «Суду все ясно». Можем продолжать полет.

— Но что вы проверяли, Сергей Сергеевич? — удивился я. — Зачем запрашивали их о дирижабле?

— Вы же знаете, обожаю всякие розыгрыши, — засмеялся он.

— А на «Марии», похоже, придется поставить крест, — сказал Костя, снимая наушники. — Нигде никаких следов ни ее, ни людей. Прекращают поиски.

— Увы, — меланхолично кивнул Волошин. — Я более чем уверен: «Мария» давно не существует.

— Почему? — хмуро спросил Гриша. — Даже если она погибла, поиски, по-моему, нельзя прекращать. Ведь погода, когда она исчезла, стояла хорошая. Люди с нее вполне могли спастись. Островов тут масса, и плавала она наверняка между ними, не в открытом океане...

— Стоп! — вдруг вскрикнул Волошин.

Локтев и сам уже, заметив что-то, начал поспешно поворачивать штурвал управления.

— Что там? Спасательный плотик? — спросил я.

Мне никто не ответил. Но, прикинув к широкому окну гондолы, я уже и сам увидел внизу четкие очертания самолета! Вода была так прозрачна, казалось, будто он стоит на песчаном берегу. Но самолет был на дне, под водой, и совершенно целый, вроде вовсе не поврежденный!

— «Остер»?!

— Да, похоже, тот самый.

Только тут до меня дошло, что покоившийся на дне самолет, конечно, вовсе не воздушный лайнер, какой мы искали. Неужели и в самом деле «Остер», пропавший три недели назад при таких загадочных обстоятельствах?!

Дирижабль неподвижно повис над затонувшим самолетом.

— Конечно, надо бы понырять, обследовать его, — пробормотал Волошин. — Но сейчас нет времени, надо искать американца. Сбросим буй, Борис Николаевич, чтобы место отметить. И сообщите о находке на «Богатырь», пусть известят местные власти.

Волошин стал составлять радиограмму. Дирижабль снизился, и мы с Олегом по команде Локтева сбросили в воду ярко-оранжевый буй на увесистом якоре.

— Выглядит вполне исправным, — покачал головой Волошин. — И чего он залетел так далеко к северу? Тут его и не искали...

Костя вдруг сорвал с головы наушники и крикнул:

— Нашелся лайнер! Его воздушные пираты угнали. Только что передали: совершил посадку в Белеме.

— Что ж, теперь мы можем осмотреть затонувший самолет. Время у нас есть, — сказал Волошин и посмотрел на Локтева. — Давайте, Борис Николаевич.

Мы повисли над бумом на высоте десяти метров, сбросили на воду резиновый надувной плотик.

Забрав акваланги, мы с Волошиным и оба лаборанта спустились на плотик и начали готовиться к погружению.

Вода была чистейшей. Никак не верилось, что самолет лежит на тридцатиметровой глубине. Но я немало нырял и прекрасно знал, как обманчивы расстояния и размеры под водой.

Мы начали погружение. Костя и Олег для страховки остались на плотике, наблюдая за нами в «подводную трубу» — ящик со стеклянным дном, опущенным в воду.

Хотя глубина и была не слишком большой, спускались мы неторопливо, чтобы избежать обжима маски от сильного давления и дать глазам постепенно привыкнуть к меняющемуся освещению. Быстро тускнели, исчезали пестрые яркие краски. Вот свет уже стал голубовато-синим. Он вызывал ощущение холода и придавал всему вокруг неприятный унылый и сумрачный вид. В этом мрачном мире не хотелось задерживаться...

Снаружи самолет выглядел совершенно исправным, даже винт уцелел, только погнулся. Погнулись при ударе о воду и стойки шасси, но не сломались, лишь глубоко вошли в белый коралловый песок.

Я заглянул в кабину и невольно отшатнулся, увидев в ближайшем ко мне левом кресле... скелет летчика!

Я знал, сколько кишит в теплой воде возле рифов всякой хищной, прожорливой живности — крабов, рыбешек. Но все же не представлял себе, как они способны «поработать» за сравнительно небольшое время, прошедшее после гибели самолета...

На полу кабины среди ключьев одежды валялся парашют. Судя по положению ремней, летчик не пытался им воспользоваться. Не был расстегнут и поясной ремень. Значит, пилот до последнего момента надеялся благополучно посадить самолет.

Мне показалось, что в углу кабины что-то шевелится. Всмотрелся пристальней и обмер. Из полутьмы на меня смотрел совершенно человеческий глаз — задумчивый и слегка печальный, «со слезой». Потом оттуда к моему лицу осторожно, неуверенно потянулись три гибких щупальца.

Осьминог уже успел устроить в кабине уютное жилище!

Разговаривать под водой мы не могли, только обменивались взглядами и жестами. Сергей Сергеевич попытался открыть дверцу и пролезть в кабину, распугав сновавших вокруг скелета разноцветных рыбешек. Но дверь не подалась, видно, ее заклинило при ударе.

Сделав побольше цветных снимков с различных точек, мы стали всплывать. И конечно, возбужденно заговорили, перебивая друг друга, как только наши головы оказались над поверхностью воды и мы освободились от загубников.

— «Остер»?! — закричал Гриша. — Я же говорил, его инфразвуковой удар ослепил. Только непонятно, как же он сюда залетел? Это же километров на двести севернее того места, где с ним прервалась связь.

— Да, не мог он столько слепым пролететь.

— А по-моему, это какой-то другой самолет, — сказал я. — У того были британские опознавательные знаки, а у этого какая-то широкая черная полоса с белыми каемками на красном фоне. Чей это знак?

— Черт его знает, — даже Волошин был явно растерян.

— Надо попросить нырнуть Локтева. Он точно определит. Борис Николаевич спустился на плотик, надел акваланг и нырнул. Пробыл под водой Локтев довольно долго.

— «Остер», — сказал он, когда вынырнул и снял маску. — У них компас установлен так высоко, что его только с пилотского сиденья видно. И рукоятка триммера расположена неудобно — наверху слева, почти над головой пилота. «Остер».

— А опознавательные знаки? — спросил Волошин. — Что это за черная полоса на красном фоне?

— Тринидад и Тобаго.

— Значит, «Остер», да не тот, — задумчиво проговорил Волошин. — Когда же он погиб? И отчего? Вроде исправен, а врезался в воду под таким углом.

— Еще одна загадка «Пасти дьявола», — сказал Гриша. — И вряд ли кто ее когда разгадает...

— Да, — согласился Волошин. — Похоже.

Как мы ошибались! Но узнать разгадку нам предстояло еще не скоро...

Вернулись мы на «Богатырь» почти уже в сумерках, но на этот раз даже строгий Черномор не ворчал на нас. Волошин сразу ушел докладывать о находке, а мы отвечали на расспросы, пока не взмолились:

— Братцы, дайте нам хоть переодеться. Мы же с ног валимся. И не ели ничего целый день. Все расскажем, все...

— И даже больше, — ехидно добавил кто-то под общий смех.

Разговоров и споров в этот вечер в «клубе рассказчиков», конечно, было немало. Нас донимали вопросами, заставляли припоминать малейшие детали всего, что мы увидели, осматривая затонувший самолет. А нам рассказали подробности угона лайнера, услышанные по радио, хотя это было, конечно, гораздо менее интересным и уж ничуть не загадочным.

Так что засиделись мы в своем «клубе» опять допоздна даже без Волошина, который все еще, видимо, совещался с начальством.

А утром я заспался. Слышал побудку, голос вахтенного штурмана по спикеру, но тут же снова провалился в глубокий сон. И проспал, прозевал полет, который, оказывается, снова совершил в Нассау Сергей Сергеевич. Выскочил на палубу, услышав шум взревших двигателей, когда дирижабль, набрав высоту, уже быстро удалялся, исчезая в солнечном сиянии.

— Что же вы меня не взяли, Сергей Сергеевич? — упрекнул я, когда они вернулись.

— Хотел вас позвать, Николаевич, да подошел к двери вашей каюты, услышал, как вы храпите, и решил не будить Нассау вы уже видели, а пробыли мы там всего час, видите, как быстро вернулись. Полет был чисто деловой, даже лаборантов не брали. Надо было только передать материалы осмотра самолета и снимки.

— Будут его поднимать?

— Наверное. Но были они несколько озадачены. Говорят, никакой «Остер» с островов Тринидад и Тобаго тут не пропадал, во всяком случае с шестьдесят второго года, когда они ста-

ли независимым государством и завели собственный флаг и опознавательные знаки.

— Так. Откуда же он сюда залетел? Новый сюрприз «Бермудского треугольника»?

Сергей Сергеевич только весьма выразительно развел руками.

— Все, продолжаем нормальную работу, — с явным облегчением объявил начальник рейса. — Переходим на новый полигон, севернее. Надеюсь, там нас больше ничего не будет отвлекать.

Ученые занялись своими делами. На следующий день — второго октября, как отметил я потом в дневнике, решено было провести очередной исследовательский полет дирижабля. Я не собирался лететь, но вдруг с удивлением увидел на площадке, где воздушный корабль готовили к полету, Сергея Сергеевича, одетого по-походному.

— Вы разве не хотите составить нам компанию, Николаевич? — спросил Волошин.

— А чего вы вдруг летите? Ведь это обычный исследовательский полет? Я хотел посидеть, привести в порядок записи.

— Смотрите, как бы не прозевать вещи поважнее и поинтереснее, — сказал Сергей Сергеевич с напускным безразличием, заставившим меня сразу насторожиться.

— Разве это какой-то особый полет? Не плановый, обычный?

— Плановый, — кивнул он. — Обычный. Как вы любите писать в своих очерках, «рядовой полет». Но ведь такие полеты и приводят к открытиям...

Я отложил все дела, быстро собрался и поднялся в гондолу. Мы направились на юго-запад. Но поначалу это был в самом деле совершенно обычный рабочий полет. Время от времени в нужных точках проводили океанографическую станцию. Автоматы-самописцы непрерывно вели метеорологические наблюдения.

Сергей Сергеевич, как обычно, развлекал нас всякими занимательными историями, но время от времени вдруг замолкал и внимательно осматривал океан в бинокль.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Ищу? Просто люблюсь.

Так мы летали до двух часов. Потом Гриша сказал:

— В этом секторе программа исчерпана. Переходим в другой район, Сергей Сергеевич?

Волошин глянул на часы и обратился к Локтеву:

— Давайте еще немножечко пройдем курсом 240, Борис Николаевич.

Командир недоуменно посмотрел на Волошина.

— Должен же я показать представителю прессы обещанный сюрприз. Да, признаться, и самому хочется полюбоваться. Думаю, он появится минут через двадцать.

Заинтригованные, мы, конечно, начали смотреть во все глаза. И действительно вскоре увидели впереди два небольших суденышка. Одно оказалось катером Береговой охраны. Он вел за собой на буксире какую-то яхту. Приглядевшись, я воскликнул:

— «Кармен»! Что с ней случилось? Тоже потерпела крушение?

— О нет, она вполне исправна, — засмеялся Сергей Сергее-

вич. — И даже была совсем недавно приведена в образцовый порядок, заново покрашена, как мы видели. Крушение потерпела не яхта, а ее экипаж.

Ничего не понимая, мы смотрели на Волошина.

— Борис Николаевич, прошу описать приветственный круг, — весело продолжал Волошин. И торжественно добавил: — Джентльмены! Позвольте вам представить: «Кармен» — она же пропавшая без вести «Мария»!

— Сергей Сергеевич, катер вызывает, — перебил его радист. — Благодарят за помощь в задержании контрабандистов.

— Передайте им наши поздравления, — ответил Сергей Сергеевич. — И спросите, если не секрет, велика ли добыча?

— Они отвечают: тысяча четыреста шестьдесят семь фунтов героина и марихуаны на сумму около миллиона долларов, — через некоторое время доложил потрясенный Костя.

— Неплохо! — кивнул Сергей Сергеевич. — Ну что же, как любит говорить уважаемый шеф: наш долг выполнен и совесть чиста. Можем спокойно продолжать научные исследования.

— Но как вы догадались, что «Кармен» — это «Мария»? Что она вовсе не пропала, а ее захватили и перекрасили контрабандисты? — спросил я.

— Исключительно методом дедукции, как прославленный Шерлок Холмс, — скромно ответил Сергей Сергеевич. — Поначалу я тоже думал, как и все, будто с яхтой что-то случилось. Пожалуй, первое подозрение у меня зародилось, когда мы увидели, как в укромной бухточке необитаемого островка какие-то люди ремонтируют и красят яхту, весьма похожую на «Марию». Впрочем, таких яхт тут сотни. Удивило и насторожило меня то, что подметил Костя: начали они ремонт как-то странно. Первым делом тщательно выписали название суденышка, хотя сама яхта еще не была покрашена, помните? Нелепо и странно, правда? Разумные люди так не поступают, Костя был прав.

Радист сиял.

— И честные тоже, подумал я, — продолжал Волошин. — Тут явно спешили прежде всего написать название яхты да покрупнее, поярче, чтобы оно сразу бросалось в глаза. Это было, конечно, лишь первое смутное подозрение. А тут странная радиограмма о пропавшем самолете. Мы получили ее, помните, как только собрались провести станцию возле островка, где ремонтировали яхту.

— А что вам показалось в ней странным? — удивился я.

— Во-первых, не назвала себя и свою волну, как полагалось бы, передававшая ее станция. А в конце радиограммы не было традиционного призыва ко всем судам и самолетам помочь в поисках. Мы еще напали тогда на Костю, упрекая его, будто принял не всю радиограмму. А он утверждал, что ее и передала такой куцей, и приводил в доказательство магнитофонную запись, которую, по счастью, сделал как дисциплинированный радист. Она мне весьма пригодилась, я ее потом тщательно изучил.

Сергей Сергеевич обвел довольным взглядом наши внимательные лица, и они, видимо, подействовали на него вдохновляюще.

— Была у этой радиограммы и вторая странность. У нас она

воспринималась как переданная какой-то очень мощной станцией, а на «Богатыре» ее едва расслышали. Неудивительно, потому что передала липовую радиogramму не береговая станция, как мы подумали, а пройдохи, захватившие «Марию» и поспешно перекрашивавшие ее на наших глазах в «Кармен». Мы были совсем рядом с ними, отчетливо слышали призыв. И клюнули. Отправились на поиски никогда не существовавшего самолета. Но потом я задумался над этой странной историей. Почему о пропавшем самолете никто не вспоминает? Если пассажиров с него спасли, об этом непременно бы передавали сенсационные репортажи. Если же самолет пропал бесследно, обязательно начали бы снова поминать зловещую «Пасть дьявола». А о нем просто молчали, никто не вспоминал, словно никакого самолета и не было. Тут мне Дюжиков и подсказал, что это могла быть просто мистификация. Шутка? Вряд ли. Моряки сигналами бедствий не шутят. И тут мне вспомнилось выступление в американском конгрессе председателя подкомиссии по охране побережья и мореходства, так, кажется, она именуется. Я наткнулся на него в одной из газет, купленных в Нассау. Называлась заметка, разумеется, интригующе: «Пропали бесследно...» В ней приводились зловещие данные, собранные подкомиссией и сообщенные конгрессу: за последние годы в прибрежных водах Флориды и Багам, оказывается, пропало без вести больше шестисот небольших морских судов, рыболовных или частных яхточек! Их экипажи стали жертвами торговцев наркотиками, которые на похищенных яхтах под носом таможенников перебрасывают свой товар в укромные бухточки.

Костя, сдвинувший наушники, чтобы можно было слышать Волошина, громко присвистнул и покачал головой.

— Дело дошло до того, что береговая охрана издает специальные предупреждения для владельцев яхт и прогулочных катеров, чтобы они были осмотрительны, нанимая экипаж или приглашая малознакомых людей в гости. Именно таким путем, оказывается, проникают на борт облюбованного судна современные пираты, а не идут в открытую на abordаж, как в старину. Вспомнив обо всем этом, я подумал: а не навела ли и нас судьба на шайку «честных контрабандистов», захвативших «Марию» и спешно перекрашивавших ее?

— Лучшее место для темных делишек трудно найти, — сказал Гриша. — Около семи сотен необитаемых островов!

— Конечно! И повели они себя хитро. Для перекраски яхты выбрали укромную бухту на необитаемом островке, но неподалеку от Нассау, где пропавшую «Марию» никто не искал. И первым делом отчетливо и красиво, чтобы видно было издали, вывели новое название — «Кармен».

— А зачем было фотографировать перекрашенную яхту? — спросил Олег. — Вы же сами сказали, яхты местной постройки похожи одна на другую, не различишь.

— Верно, таких яхт тут много, — подтвердил Волошин. — К тому же они ее не только перекрасили, но и переделали — одну надстройку убрали, другую соорудили. Но я сфотографировал новоявленную «Кармен» в инфракрасных лучах с помощью электронно-оптического преобразователя. И вот вам, пожалуйста, полюбуйте.

Сергей Сергеевич разложил на штурманском столике несколько фотографий.

— Видите: на снимке под свежей краской заметна старая, местами облупившаяся, и отчетливо проступает название...

— «Мария»! Ну это улика неопровержимая! — воскликнул я. — Теперь они не отвертятся. Наверное, эти гангстеры нарисовали и букву М на обломках «Галатен», случайно наткнувшись на них. Чтобы все подумали, будто это все, что осталось от погибшей «Марии», и перестали ее искать.

— Вполне вероятно. Больше никому такая мистификация была не нужна, — согласился Волошин. — Ну а разговор по радио, запрос о другом дирижабле, нашем мифическом двойнике я тоже тогда затеял не только для того, чтобы усыпить подозрительность бандитов.

— Суду все ясно, — перебил его ухмыляющийся Костя. — Вам надо было еще раз услышать, как работает их судовая станция, сравнить почерк радиста с фальшивкой о мнимой пропаже самолета.

— Конечно. И все совпало в малейших деталях, установить это мне позволили точнейшие приборы. А кроме того, помните громилу, Николаевич, пытавшегося помешать нам делать снимки на том островке, где мы беседовали с искателями затонувших сокровищ? Он еще случайно попал на снимок. Теперь бандита легко опознать. Мошенники были уличены, оставалось лишь сообщить об этом местным властям...

— Так вот зачем вы летали в Нассау! — воскликнул я. — И ничего мне не сказали. Не по-дружески.

— На то был строжайший приказ начальства. Но чтобы вы не обижались, расскажу, какие выводы подсказала мне эта темная история...

Сергей Сергеевич сделал длинную паузу и вдруг сказал:

— Думаю, никакой тайны «Пасти дьявола» не существует. Ее просто выдумали газетчики.

— Как?!

— Постараюсь подробно рассказать об этом вечером в нашем клубе. Потерпите.

Надо ли говорить, что вечером в «клубе рассказчиков» собрались, по-моему, все, кроме вахтенных.

Звездное небо, обступившая нас темнота и притихший, словно тоже внимательно слушающий океан создавали удивительную, какую-то колдовскую обстановку для разговора о «Пасти дьявола». Но Волошин, казалось, решил развенчать все ее загадки.

— Я уже давно считал, что не может быть никакой единой причины, губительной и для судов и для самолетов, — сказал он. — Искать одно всеобъемлющее объяснение для всех происшествий и катастроф в этом районе — затея заведомо неверная. К тому же многие катастрофы были просто-напросто выдуманы или произошли совсем в других местах...

И Сергей Сергеевич начал приводить примеры. Среди судов, «таинственно и бесследно» пропавших в «Пасти дьявола», упоминался американский танкер «Мэрин Сольфер Куин», воору-

дованный новейшей навигационной аппаратурой и всем необходимым для обеспечения живучести. Радиосвязь прервалась, когда танкер находился в Мексиканском заливе, за добрую тысячу миль от «Пасти дьявола». И пропал он, как оказалось, не бесследно. Были найдены его обломки со следами взрыва.

С 1918 года числилось загадочно пропавшим в «Бермудском треугольнике» судно «Циклоп» длиной в сто пятьдесят метров и с командой в триста девять человек. Его недавно обнаружили на дне, на глубине сорока метров, гораздо севернее — в районе Бостона, где он, судя по всему, в то беспокойное время напоролся на мину.

Погиб в «Бермудском треугольнике» линкор «Сан-Пауло»? Газеты писали: пропал бесследно. Но при этом «забывали» добавить, что этот бразильский корабль был продан на металлолом. Линкор идти в Англию своим ходом не мог, его тянули два буксира. В Северной Атлантике они попали в такой жестокий шторм, что лопнули один за другим оба буксирных каната. Буксировщики потеряли линкор, и неудивительно, что он затонул. И катастрофа произошла вовсе не в «Бермудском треугольнике», а на несколько тысяч миль восточнее, возле Азорских островов...

Сергей Сергеевич напомнил о таинственном исчезновении огромного норвежского супертанкера — рудовоза «Берга Истра» в декабре семьдесят пятого года. Две недели его тщательно искали множество самолетов и судов. И ничего не нашли, никаких следов, хотя ни одного шторма за это время в том районе Тихого океана, где он исчез, не было. Загадочное исчезновение супертанкера объявили «самой большой пропажей века» и начали состязаться в сочинении предположений одно фантастичнее другого. Исчезновение «Берга Истра» так бы и осталось одной из величайших тайн океана, если бы не счастливый случай. Японское рыболовное судно заметило в океане спасательный плотик с двумя обессилевшими людьми. Это оказались моряки с «Берга Истра». Девятнадцать дней их носили по океану ветры и течения, и они уже отчаялись спастись.

Они рассказали, что «Берга Истра» погубил внезапный взрыв страшной силы. За три минуты супертанкер ушел на дно океана. Спаслись только два моряка, чудом оказавшиеся возле спасательного плотика.

— И больше ни одного свидетеля катастрофы и никаких следов ее! Вот пример, как огромное судно тонет за три минуты, не успев передать сигнала бедствия. И практически бесследно, потому что, сколько ни искали, ведь не могли обнаружить каких-либо признаков катастрофы — ни обломков, ни масляных пятен. Представьте, какой бы подняли шум газеты, если бы «Берга Истра» так бесследно пропал в «Бермудском треугольнике» и с него бы никто не спасся?!

— Еще бы!

— Сенсаций бы хватило надолго.

— Могу привести не менее поучительную историю «таинственного исчезновения» и большого, отлично оборудованного самолета, — поддержал Волошина профессор Лунин. — Кстати, и произошла она в здешних краях несколько лет назад.

— Пожалуйста, Андриян Петрович. Это будет очень кстати.

«Небесный кудесник» кивнул и неторопливо начал:

— В тот день над Флоридским полуостровом бушевали грозы. И чтобы обойти их, все самолеты, вылетавшие из Майами, делали большой крюк в сторону океана. Мифические опасности «Бермудского треугольника» пугали летчиков куда меньше, чем обыкновенная, но зато вполне реальная гроза. Но пилот одного «Боинга-720» решил лететь над берегом напрямую, надеясь на свой опыт и на совершенное навигационное оборудование. На самолете был действительно великолепный локатор. Летчик выбирал промежутки чистого неба и лавировал, обходя тучи. При этом он, как положено, согласовывал с землей каждое изменение курса и высоты. А земля все время держала его самолет под наблюдением своих локаторов.

И вдруг связь прервалась, и светящаяся точка, обозначавшая на экранах локаторов положение самолета, внезапно исчезла. К счастью, удалось достаточно точно засечь место, где исчез самолет. Туда немедленно отправили поисковые группы. Места там дикие, труднопроходимые, топкие болота, кишасшие аллигаторами, так называемый Эверглейдский национальный парк, один из заповедников США. Но все же поисковые группы сумели быстро обнаружить в болотистых зарослях обломки самолета.

Удалось найти и обгоревший, но все же уцелевший стальной контейнер с особой аппаратурой, непрерывно записывавшей до последней секунды на металлической магнитной ленте показания важнейших приборов самолета — данные о скорости, высоте, изменении курса. Специалисты расшифровали эти записи и смогли достаточно достоверно представить себе, что произошло с лайнером.

Когда пилот направил машину на участок чистого неба между грозовыми тучами, самолет неожиданно подхватил мощный поток теплого воздуха и понес вверх со скоростью свыше трехсот километров в час. Нос машины задирало все круче. Самолет неистово трясло. Летчик прилагал все усилия, чтобы выправить машину и не дать ей перевернуться. И не сразу заметил, что где-то на высоте десяти километров самолет попал уже в другой поток воздуха, более холодного... Этот вихрь с такой же силой потащил машину вниз...

Добавьте к скорости воздушного потока скорость самого лайнера. Приборы показали, что самолет ринулся к земле почти вертикально с огромной скоростью и на высоте двух километров начал разваливаться... Вся трагедия заняла сорок пять секунд. Вот вам и великолепный самолет. Вот вам и чистое небо. Кстати, это грозное явление природы, открытое в последние годы, мы так и называем турбулентностью чистого неба. Оно встречается во многих районах, особенно в тропиках.

— Н-да, — покачал головой Волошин. — Пример впечатляющий. А произойди эта катастрофа над океаном? Была бы еще одна тайна «Бермудского треугольника». Не будем забывать мудрый совет Конан-Дойля: «Мир и так достаточно велик и сложен, чтобы впутывать еще и всевозможную чертовщину». Убедил я вас?

— Почти так же, как и во время своего выступления на «опе-

ративке», когда доказывали прямо обратное, — насмешливо ответил профессор Лунин.

— А как вы объясните известную историю с самолетом, часы на котором вдруг отстали на десять минут по сравнению с аэродромными? — спросил худенький молодой человек с рыжей бородой — кажется, гидрохимик.

Сергей Сергеевич с улыбкой развел руками:

— Как однажды изящно выразился о странных результатах одного нечисто проведенного опыта профессор Бруно Понтекорво: «Это явление скорее единственное, нежели редкое...»

— Вы считаете его недостоверным?

— Конечно. С каких это пор любое газетное сообщение стало научно установленным фактом? Не вижу оснований пересматривать из-за явных выдумок газетчиков теорию относительности.

— Но если, как выяснилось, вы не верили в загадки «Бермудского треугольника», Сергей Сергеевич, зачем же так долго морочили нам головы? — негодующе фыркнув в бороду в наступившей тишине, укоризненно спросил Черномор. — Говорили о них с такой убежденностью на оперативном совещании...

— Каюсь, Андрей Самсонович, — развел руками и склонил голову Волошин. — Каюсь, друзья мои. Я тогда ссылался не на строго проверенные факты, как требует наука, а на статьи из миланской «Панорамы» и других подобных газет и журналов. Конечно, прием запрещенный, признаю. Однако цель у меня была благая. Раз уж мы оказались в этом районе, следовало проверить: а может, все же хоть какие-то пока еще не объясненные явления тут происходят? А для этого следовало, как я тогда и говорил, быть всем начеку, дабы это возможное открытие не прозевать. А потом мне просто хотелось, так сказать, немножко поднять на судне «исследовательский тонус». Думаю, это меня полностью извиняет.

Сергей Сергеевич обвел всех взглядом, и ему ответили дружными, веселыми аплодисментами.

— Тем более осторожно старого исследователя загадок природы заставляет меня повторить: в тех случаях, с которыми мы столкнулись, ничего таинственного, к сожалению, не оказалось. Это мы выяснили. Однако это вовсе не означает, что в этом районе вообще нет ничего загадочного, — громко добавил Сергей Сергеевич, подняв палец к усыянному звездами небу.

— Гибель рыбаков все-таки не объяснена удовлетворительно, — поспешил сказать Гриша Матвеев.

— Согласен, — кивнул Волошин. — Во всяком случае, она допускает и другие объяснения, нежели пищевое отравление. Может, в самом деле их поразили инфразвук. Мне тоже больше нравится эта гипотеза. Хотя должен сказать, Гриша, есть у меня серьезные сомнения.

— Какие?

— Ты доказываешь, что инфразвуковые удары, характерные именно для этих мест, вызываются здешними определенными природными условиями. Между тем именно тут загадочно покинутых судов не находили. Называют брошенные командами совсем в других местах: «Марию Целесту» нашли гораздо восточнее, у Гибралтара. «Джонту» — в Тихом океане, «Уран Медана» — в

Моллукском проливе. Какое они имеют отношение к «Бермудскому треугольнику»?

— А «Кэролл Диринг», покинутая командой? — не сдавался Гриша.

— Ее нашли гораздо севернее, возле мыса Хаттерас.

— Но воздействию инфразвука, заставившего моряков в панике покинуть ее, она, возможно, подверглась в этом районе. А потом, уже неуправляемая, была занесена течениями к северу, где ее и обнаружили.

— Ну гадать и строить всякие предположения можно без конца, — засмеялся Волошин. — На каждый катастрофический случай приходились бы сотни таких, когда инфразвук вызвал менее серьезные, но ощутимые последствия. Однако до сих пор ни одного такого случая, насколько мне известно, не зарегистрировано. А науке нужны точно установленные факты. Но в том-то и беда, что тут уже не отличишь действительных случаев от историй, сочиненных газетчиками. Медвежью услугу оказали газетчики шумихой насчет загадок «Пасти дьявола». Она теперь мешает научным исследованиям. Инфразвуковой «голос моря», разумеется, интереснейшее явление, и его надо тщательно изучать. Особенно в естественных условиях. Как он действует в открытом море, мы практически еще ничего не знаем.

— Сергей Сергеевич абсолютно прав, — поглаживая бритую голову, сказал профессор Лунин. — Взаимодействие атмосферы и гидросферы интересует сейчас и океанографов, и нас, метеорологов. Напомню, что «синоптик» — слово греческое и означает оно буквально «вижу одновременно». Так и следует нам вести работу: рука об руку и ничего не упуская! Все видеть во взаимосвязи, одновременно.

— Вы закончили ваше увлекательное покаяние, Сергей Сергеевич? — спросил Суворов. — А то час уже поздний, а завтра надо как раз этим и заниматься — разгадыванием настоящих, невыдуманных тайн.

— Ничего. Пустить, как говорится, ежа под череп только на ползу, — под общий смех сказал Лунин.

Все расступились, пропуская вперед, в круг света, начальника экспедиции.

— Поскольку у нас тут получился своего рода импровизированный семинар, — усмехнувшись, произнес он, — скажу несколько итоговых слов.

Он помолчал, поглаживая бороду, и неторопливо и внушительно, словно думая вслух, начал говорить о том, что район, который называют «Бермудским треугольником», вовсе нельзя назвать отдаленным и плохо исследованным. Во Флориде и на островах есть несколько научных институтов и станций, регулярно занимающихся изучением океана. Тут работало много экспедиций, и ни одна не обнаружила ничего сверхъестественного, как и мы за месяц исследований.

— Но разумеется, это вовсе не означает, что мы уже все знаем и ученым тут больше нечего делать. Изучение процессов, происходящих непосредственно в воздушном слое над океаном, в сущности, только начинается и, конечно, принесет немало интересных и важных открытий. Кое-что любопытное мы выяснили и за этот месяц.

Слушая профессора Суворова, я не без смущения думал о том, что, увлекшись «тайнственностями», мало уделял внимания действительным открытиям, сделанным здесь же, при мне, только без шума и сенсаций.

Когда начальник экспедиции кончил говорить, все стали подниматься и расходиться.

— Зарезали вы меня своей очередной мистификацией, Сергей Сергеевич, — сказал я Волошину, когда мы, как обычно перед сном, стояли на корме. — Исписал целый дневник, думал, каждая подробность пригодится при разгадке тайны «Пасти дьявола», и, выходит, зря. Никакой тайны нет и рассказывать не о чем.

— Как не о чем? — воскликнул Волошин. — Столько произошло за это время! Обязательно расскажите. Это будет поучительная история о том, как сенсационные выдумки и шумиха осложняют научные исследования, мешают им.

— К тому же загадки все-таки есть, — добавил подошедший и слушавший наш разговор Гриша Матвеев. — Насчет возможности поражения рыбаков инфразвуком и Сергей Сергеевич признал, и никто возражать не стал. Возможно, Ленарда Гроу погубил именно инфразвук!

Сергей Сергеевич засмеялся:

— Люблю упрямых и настойчивых. Но подсказывает мне интуиция, что исчезновение Гроу с инфразвуком никак не связано. Оно имеет какую-то иную разгадку — возможно, неожиданную, но вполне естественную. Чует мое сердце.

Интуиция не подвела Волошина, он оказался прав! Вскоре из радиопередач мы узнали, что же на самом деле произошло с Ленардом Гроу.

Оказывается, все его выкрики по радио были издевательской инсценировкой!

Как признался его дружок, Ричард Стокс, у которого он гостил на Багамах, Гроу запутался в каких-то темных финансовых делишках. Ему грозила тюрьма. И он решил инсценировать свою гибель в таинственной «Пасти дьявола».

Намалевав на стареньком «Остере» Ричарда Стокса опознавательные знаки Тринидада и Тобаго, Гроу ждал подходящего момента. Таким ему показалась суета и шумиха, начавшаяся после загадочного исчезновения «Прекрасной Галатеи». На следующий день отправился в полет и он. Передав сообщение о том, будто с ним происходит нечто загадочное и прервав связь на полуслове, Гроу собирался улететь на Гаити. У него были в кармане документы на чужое имя, и он рассчитывал после такой эффектной гибели в «Пасти дьявола» надежно затеряться в пестром латиноамериканском мире и начать новую жизнь.

Однако полетел он почему-то не на Гаити, а на север, в открытый океан. И «Пасть дьявола» в самом деле его проглотила. Он упал в море, когда кончилось горячее. Почему он залетел сюда? Что с ним случилось?

«Вероятно, он перед полетом принял наркотик для большей остроты впечатлений, — заявил корреспондентам Ричард Стокс. — Но, видимо, не рассчитал дозы, и чудесные видения, о которых мы никогда не узнаем, увлекли его в широко раскрытую «Пасть дьявола»...»

Я сижу у себя в каюте, расшифровываю свои торопливые записи. А на судне между тем идет размеренная будничная работа. Океанографы готовят приборы к очередной станции. Сергей Сергеевич Волошин задумчиво рассматривает своего любимого «Ипшика», ломая голову, как же его усовершенствовать, чтобы он вовремя предупреждал о возможном инфразвуковом ударе. «Небесный кудесник» Лунин в своей рабочей каюте, в задумчивости поглаживая бритую, дочерна загоревшую голову, внимательно изучает бесчисленные снимки облачных завихрений, сделанные со спутников. Очаровательные лаборантки под руководством строгого Казимира Павловича Бека переливают пробы воды из одних колб в другие, окрашивая ее во все цвета радуги. Техники готовят к запуску радиозонды и метеорологические ракеты. Сосредоточенно гудят и подмигивают разноцветными лампочками электронно-вычислительные машины, едва успевая переваривать собранные материалы. На разных языках деловито перекликаются радиоголоса в эфире.

В этой будничной, спокойной, деловой обстановке и происходят подлинные открытия. Именно здесь они рождаются, а не в пустых газетных спорах и сенсационной шумихе. И приходят открытия всегда неожиданно. Надо постоянно ждать их и быть начеку!

Ж. СИМЕНОН А ФЕЛИСИ-ТО ЗДЕСЬ!

Повесть

Глава четвертая

ПРОИСШЕСТВИЕ С ВЫСТРЕЛОМ ИЗ ТАКСИ

Мегрэ неторопливо поднимается по улице Пигаль. Уже миновала полночь, и после грозы стало свежо, на тротуарах еще не высохли лужи. Светятся вывески ночных кабачков. Швейцары сразу же узнают комиссара, когда он проходит мимо, а в табачной лавчонке на углу улицы Нотр-Дам де Лоретт клиенты, которые пьют у подковообразной стойки, при виде его переглядываются. Конечно, непосвященный вряд ли что-нибудь заметил бы. Однако по всему Монмартру, который только и живет полуночниками, чувствуется какое-то неуловимое движение, словно легкая рябь, предвещающая бурю на водной глади пруда.

Мегрэ это знает. И он доволен. Здесь, по крайней мере, ему не нужно иметь дело с девчонкой, которая либо плачет,

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

либо ведет себя вызывающе. На ходу он узнает знакомые силуэты, слышит слова приказа, которые передаются из уст в уста, и замечает даже, как в туалетных комнатах дансингов перепуганные уборщицы, так называемые «мадам пипи», поспешно прячут пакетики с кокаином.

«Пеликан» здесь, налево. Вот его голубая неоновая вывеска, негр-швейцар у дверей. Кто-то появился из темноты, поравнялся с комиссаром и произнес со вздохом:

— Я так рад, что вы приехали.

Это Жанвье. Он объясняет с безразличием, которое иные могли бы принять за цинизм, но которое все же немного наиграно.

— Он уже готов, шеф... Я боялся только одного: как бы он без вас все не выложил... Он вот-вот расколется...

Они останавливаются у края тротуара, словно наслаждаясь свежим послегрозовым воздухом, и Мегрэ набивает новую трубку.

— Начиная с Руана он совсем не в себе... Пока мы в ожидании поезда сидели в буфете, мне раз десять казалось, что вот он сейчас бросится ко мне и все расскажет... Он еще новичок...

От Мегрэ не ускользает ничего, что делается вокруг. При виде его многие из тех, у кого беспокойно на совести, пускаются наутек, другие поспешно прячут в надежное место какие-то запретные вещи.

— В поезде он сидел совсем обессиленный... На вокзале Сен-Лазар, когда мы приехали, он растерялся, не знал, что делать. Кроме всего, он еще немного пьян. Ведь со вчерашнего дня он так много пил... В конце концов он потащился к себе на улицу Лепик, там, видимо, помылся, надел смокинг... Ел он без всякого аппетита в дешевом ресторанчике на площади Бланш, а оттуда явился на работу. Вы туда идете?.. Я вам еще нужен?..

— Иди поспи, старина...

Если Мегрэ понадобится помощь, на набережной Орфевр оставлены на всякий случай двое из его бригады.

— Пошли! — вздыхает Мегрэ.

Он входит в «Пеликан» и пожимает плечами, видя, что негр-швейцар суетится вокруг него и считает своим долгом растянуть рот в улыбке до ушей. Комиссар отказывается оставить свое пальто гардеробщице...

Сквозь плюшевые занавеси у входа в зал до него доносятся звуки джаза. Налево маленький бар.

Две дамы, сидящие там, зевают. Какой-то папенькин сынок уже порядочно набрался. Навстречу Мегрэ спешит хозяин.

— Привет! — ворчит комиссар.

Хозяин, видимо, встревожен.

— Скажите... По крайней мере, ничего страшного?

— Да нет же... Нет...

И Мегрэ, отстранив его, усаживается в углу, неподалеку от эстрады, где играют музыканты.

— Виски?

— Кружку пива...

— Вы же знаете, что пива мы не держим...

— Тогда рюмку коньяка с водой...

Вокруг все так убого! Клиентов почти нет. Да разве зайдет сюда настоящий клиент, в этот узенький зал, где лампы под абажуром излучают красноватый свет, переходящий в лиловый, когда оркестр начинает играть танго? За столиками — женщины, в обязанности которых входит развлекать гостей. Теперь, когда они узнали, кто этот новый клиент, они не дают себе труда танцевать друг с дружкой, и одна из них берется за вязание.

На эстраде Петийон в смокинге кажется еще хуже, еще моложе, чем на самом деле. Из-под длинных светлых волос смотрит мертвенно-бледное лицо, глаза покраснели от усталости и тревоги. Как бедняга ни старается, он не может отвести взгляд от комиссара, который ждет.

Жанвье прав: он совсем готов... Есть признаки, которые не обманывают, ясно показывают, что человек дошел до предела, механизм его вышел из строя, разум у него помутился, и он спешит покончить с этим, выложить все, что у него на сердце. Ему так тяжело, что вот-вот он положит свой саксофон и бросится к Мегрэ.

Зрелище не из приятных — человек, охваченный страхом. Мегрэ немало перевидел таких, сам умело направлял допросы, которые длились иногда по двадцать часов и больше, пока ему не удавалось довести своего собеседника, вернее даже человека, которого он подвергал пытке, до физического и морального изнеможения.

На этот раз он здесь ни при чем. Он не верил, что Петийон причастен к убийству, не почувствовал этого. Он не занимался Петийоном, околдованный этой Фелиси, о которой не перестает думать.

Мегрэ пьет. Должно быть, Петийон удивлен, видя комиссара таким равнодушным. Руки музыканта с длинными тонкими пальцами дрожат. Его товарищи по оркестру украдкой поглядывают на него.

Чего он так упорно искал все эти сорок восемь безумных часов? За какую надежду цеплялся? Кого поджидал в этих кафе, в этих барах, в которые поочередно заглядывал, сидя там, не сводил жадного взгляда с двери и, ничего не добившись, уходил разочарованный, чтобы искать в другом месте? Наконец, зачем он поехал в Руан, где сразу же устремился в пивную с женщинами в районе казарм?

Он опустошен. Даже если бы Мегрэ и не сидел здесь, он сам бы пошел к нему, оказался бы на пыльной лестнице уголовной полиции, добивался бы разговора с кем-нибудь.

Так и случилось! Оркестр делает перерыв. Аккордеонист направляется в бар выпить рюмочку. Другие музыканты тихо переговариваются. Петийон кладет свой инструмент на подставку, спускается с эстрады...

— Я должен с вами поговорить, — бормочет он.

А комиссар удивительно ласковым голосом отвечает:

— Я знаю, малыш.

Здесь? Мегрэ окидывает взглядом этот зал, от которого его тошнит. Не стоит выставлять парня напоказ, ведь он вот-вот разрыдается.

— Не хотите выпить?

Петийон отрицательно качает головой.

— В таком случае пойдем...

Мегрэ заплатил за коньяк, хотя хозяину очень хотелось, чтобы комиссар выпил за его счет.

— Думаю, сегодня ночью вам придется обойтись без своего саксофониста... Мы с ним пройдемся вдвоем... Возьмите вашу шляпу и пальто, Петийон!

— У меня нет пальто...

Едва они вышли на улицу, молодой человек глубоко вздыхает, будто собирается нырнуть в воду, и сразу говорит:

— Послушайте, господин комиссар... Лучше я вам во всем признаюсь... Я больше не могу...

Он весь дрожит. Наверное, уличные фонари кружатся у него в глазах. Хозяин «Пеликана» и негр-швейцар смотрят им вслед.

— Не торопись, малыш...

Сейчас он отведет его на набережную Орфевр... Это проще всего... Сколько расследований заканчивалось в такой час в кабинете Мегрэ, когда все помещения уголовной полиции пусты! Только дежурный сидит в коридоре, когда лампа с зеленым абажуром бросает свет на человека, нервы которого уже сдали.

На этот раз с ним всего лишь мальчишка. Мегрэ хмурится. Решительно в этом деле у него одни только жалкие противники.

— Входи!

Он вталкивает его в пивную на площади Пигаль, потому что ему хочется выпить кружку пива перед тем, как позвать такси.

— Ты что будешь пить?

— Мне все равно... Клянусь вам, господин комиссар, я не...

— Конечно... Конечно... Сейчас ты мне все расскажешь... Официант, две кружки пива!

Комиссар пожимает плечами. Вот еще двое каких-то клиентов, узнав его, предпочитают оставить свой луковый суп и смыться. Другой бросился к телефонной кабине, и через стекло в форме ромба видно, как он, наклонив плечи, говорит в аппарат.

— Она твоя любовница?

— Кто?

Вот так штука! Парень искренне удивлен. Есть такие интонации, которые не обманывают.

— Фелиси...

И Петийон повторяет, словно такая мысль никогда не приходила ему в голову и он вообще ничего не понимает.

— Фелиси моя любовница?

Он растерян. Он только собрался сделать драматическое признание, и вдруг комиссар, человек, в руках которого находится его судьба, этот Мегрэ, пустивший ему вслед свору полицейских, говорит с ним о служанке его дяди!

— Клянусь вам, господин комиссар...

— Ладно... Пойдем все-таки...

К их разговору прислушиваются. Какие-то две девицы делают

вид, что мажут губы, а сами наострили уши. Не стоит выстав-
лять себя напоказ.

Они снова на улице. В нескольких метрах от них, во мраке
площади Пигаль, выстроилась вереница такси, и Мегрэ соби-
рается подать знак, уже поднимает руку. Совсем рядом, на
углу тротуара, какой-то полицейский рассеянно поглядывает
вокруг.

Как раз в эту минуту раздается выстрел. Почти одновременно
комиссар слышит еще какой-то шум, и в сторону бульвара
Рошешуар рывком отъезжает такси.

Все произошло настолько быстро, что Мегрэ даже не сразу
успевает заметить, как его спутник поднес руку к груди и, по-
качиваясь, остановился, пытаясь другой рукой за что-нибудь
уцепиться.

Комиссар машинально спрашивает:

— Ранен?

Полицейский бросается к стоянке такси, вскакивает в одну
из машин и пускается вдогонку стрелявшему. Какой-то добро-
волец шофер тоже прыгает на подножку.

Петийон падает, прижав руку к манишке, пытается крикнуть
но слышен только какой-то странный, слабый звук...

На следующее утро газеты опубликовали небольшую, доволь-
но банальную заметку:

«Минувшей ночью музыкант из джаза по имени Жак П. был
ранен пулей в грудь. Стрелял неизвестный, который скрылся,
уехав в такси. Тут же была организована погоня, но настиг-
нуть преступника не удалось.

Предполагают, что это сведение счетов или драма на почве
ревности.

Пострадавший в тяжелом состоянии доставлен в больницу
Божон. Полиция ведет расследование».

Все это неверно. Полиция не всегда сообщает прессе точ-
ные сведения. Жак Петийон действительно находится в Божоне.
И состояние его действительно тяжелое, настолько тяжелое,
что даже нет гарантии на спасение. Левое легкое пробито
пулей крупного калибра.

Что же касается погони за убийцей, то тут дело обстоит
иначе. Об этом с горечью рассказывает сам Мегрэ, отдавая
рапорт в кабинете начальника уголовной полиции:

— Это моя вина, шеф... Мне захотелось выпить кружку пи-
ва... Нужно было, чтобы и мальчишка немного пришел в себя
перед тем, как отвести его на набережную Орфевр... У него
уже нервы не выдерживали... Ему весь день не давали пере-
дышки... Видимо, тут я допустил ошибку.

— Тот, кто этим воспользовался, честное слово, не новичок.

— Когда я услышал выстрел, то сразу занялся мальчишкой...
Я позвонил полицейскому без меня пуститься вдогонку за
преступником... Вы читали рапорт? Такси, за которым гнался
полицейский, завело его на другой конец Парижа, на площадь
Италии, и там внезапно остановилось. Никакого пассажира в
такси не оказалось... Шофера тут же арестовали. Несмотря на
его протесты... А меня, однако, здорово провели...

Комиссар бросает гневный взгляд на протокол допроса шофера:

— «На стоянке у площади Пигаль ко мне подошел какой-то незнакомец и предложил мне двести франков за то, что я помогу ему, как он выразился, подшутить над одним его приятелем. Он выстрелит из хлопушки — это были его слова, — а я по этому сигналу должен мчаться на полном газу по направлению к площади Италии...»

Слишком наивно для ночного шофера! Впрочем, трудно доказать, что он солгал. И дальше: «Я плохо разглядел моего клиента. Он стоял в тени, со стороны земляной насыпи, опустив голову. Он широкоплечий, одет в темное, на голове серая фетровая шляпа». Право, такие приметы могут подойти ко многим!

— Эту проделку, уверяю вас, я буду долго помнить, — ворчит Мегрэ. — Тот, кто ее придумал... Он проскальзывает между двумя такси или где-то рядом в темноте... Стреляет... В ту же минуту такси срывается с места, и все, конечно, считают, что убийца сидит в этой машине, пускаются вслед за ним, а он тем временем успевает удрать или даже затеряться в толпе... Допросили других шоферов, которые ожидали на стоянке. Никто ничего не видел... Только один из них, старый, которого я уже давно знаю, кажется, заметил, что какой-то силуэт огибал бассейн...

Подумать только! Саксофонист был готов все рассказать, тут же, в «Пеликане», а Мегрэ не дал ему говорить. А теперь бог знает когда можно будет снова его допросить и можно ли будет вообще.

— Что вы собираетесь делать?

Существует классический метод. Дело происходило на Монмартре, в определенном периметре. Нужно допросить полсотни человек, людей, известных полиции, которые в ту ночь находились в этом секторе, всех тех, которые метались, как крабы в корзине, когда на улице Пигаль стало известно о присутствии комиссара Мегрэ.

У некоторых из них рыльце в пуху. Если прижать их хорошенько, пригрозить, что поближе присмотрятся к их делишкам, то можно получить нужные сведения.

— Я сейчас пошлю туда двух-трех человек, шеф... Что же касается меня...

Что бы он ни делал, все равно его тянет в другое место. С самого начала. С тех пор, как он вступил в этот игрушечный мирок, который называется Жанневиль.

Ему так не хотелось покидать «Мыс Горн» и эту взбалмошную Фелиси! Не было ли это предчувствием?

События показали, что он не прав. Теперь ясно, что тайну убийства старого Лапи следовало искать в районе площади Пигаль.

— Но я все же вернусь туда.

Петийон успел сказать ему только одно: Фелиси не была его любовницей. Он просто обалдел, когда Мегрэ заговорил о ней, словно никогда даже не мог себе представить этого.

Половина девятого. Мегрэ звонит жене:

— Это ты?.. Нет, ничего особенного... Я не знаю, когда вернусь...

Она к такому привыкла. Мегрэ сует себе в карманы рапорты. Среди них один из Руана с подробными сведениями обо всех женщинах, работающих в «Тиволи». Петийон не поднимался в номер ни с одной из них. Когда он вошел и занял место в уголке, две дамочки сразу уселись рядом с ним на красном плюшевом диванчике.

— Здесь нет девушки, которую зовут Адель? — спросил он.

— Ты опоздал, малыш... Адель давно отсюда уехала... Ты имеешь в виду маленькую брюнетку, у которой груди в форме груш, правда?

Он ничего об этом не знал. Знал только, что ему нужна Адель, которая в прошлом году работала здесь. Но она уехала несколько месяцев назад. Неизвестно, где она теперь. Разве можно разыскивать всех Аделей во всех веселых домах Франции...

Скоро один из инспекторов произведет тщательный обыск в комнате саксофониста на улице Лепик. Жанвье, которому так и не удалось как следует отдохнуть, проведет день в районе площади Пигаль.

Что до Мегрэ, то он снова садится в поезд на вокзале Сен-Лазар, выходит в Пуасси и поднимается по дороге, ведущей в Жанневиль.

После вчерашней грозы луга кажутся более зелеными, а голубой цвет неба еще нежнее. Вскоре показались розовые домики; через стекла витрины он поздоровался с Мелани Шошуа, которая посмотрела на него своими рыбьими глазами.

Сейчас он увидит Фелиси. Почему эта мысль доставляет ему удовольствие? Почему он невольно ускоряет шаг? Он улыбается, подумав о том, в каком мрачном настроении застанет сейчас Люка, всю ночь проторчавшего у «Мыса Горн». Он видит его издали. Бригадир сидит у края дороги с потухшей трубкой во рту. Он, конечно, проголодался. Ему, наверное, хочется спать.

— Ну что, бедняга Люка?

— Ничего, шеф... Мечтаю о чашке кофе и о постели... Прежде о кофе...

Его глаза подпухли, пальто измято, ботинки и брюки внизу измазаны глиной...

— Отправляйся в «Золотой перстень»... Кстати, есть новости...

— Какие?

— В музыканта всадили пулю...

Можно заподозрить комиссара в равнодушии, но Люка не обманешь, и он вскоре удаляется, качая головой...

Ну что ж, войдем! Мегрэ с удовлетворением смотрит вокруг, как человек, снова попавший в знакомую обстановку, потом направляется к дверям виллы. А впрочем, нет... Лучше обойти дом, войти через сад... Он толкает калитку... Дверь в кухню открыта...

Что такое? Он вдруг остолбенел от удивления и едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Услышав его шаги, Фелиси вышла на порог и держится прямо, повернувшись к нему, глядя на него строго.

Но, боже мой, что с ней? Кто ее так разукрасил? От слез глаза ее не могли так распухнуть, а щеки покрыться красными пятнами.

Он подходит к ней ближе, она произносит еще более злобно, чем обычно:

— Ну что, довольны?

— Что случилось? Вы упали на лестнице?

— Стоило день и ночь держать у дверей полицейского! Наверное, он хорошо выспался, ваш сторожевой пес!

— Послушайте, Фелиси! Говорите яснее! Я никогда не поверю...

— Что приходил убийца и напал на меня? Да! Вы это хотите узнать?

Мегрэ собирался рассказать ей о Петийоне, о происшедшей ночью драме, но сначала следовало поподробнее узнать, что произошло в «Мысе Горн».

— Пойдемте сядем... Здесь в саду, да... Будьте умницей!.. Успокойтесь! Не смотрите на меня такими свирепыми глазами и расскажите толком, что произошло... Вчера вечером, когда я уезжал, вы были очень возбуждены... Что вы делали потом?

Она презрительно роняет:

— Ничего...

— Ну, вероятно, вы сначала поели... Потом заперли все двери и поднялись к себе в спальню... Не так ли? Вы уверены, что заперли все двери?

— Перед тем как лечь спать, я всегда запираю все двери...

— Итак, вы легли... Который был час?

— Я подождала внизу, пока пройдет гроза.

Это правда, с его стороны было жестоко оставлять ее одну... Ведь она так боится грома и молний!

— Вы что-нибудь пили?

— Кофе...

— Ясно! Чтобы поскорее заснуть... А потом?

— Потом читала.

— Долго?

— Не помню... Может быть, до полуночи... Потом погасила свет... Я была уверена, что случится несчастье... Я вас предупреждала...

— Теперь расскажите, что за несчастье случилось...

— Вы надо мной потешаетесь... А мне все равно... Вы считаете себя таким ловким!.. В какую-то минуту мне послышалось, что в спальне мсье Лапи кто-то скребется...

По правде говоря, Мегрэ не верит ни одному ее слову и, слушая ее, наблюдая за ней, думает только о том, для чего ей нужна эта новая ложь... Ведь для нее солгать так же естественно, как дышать! Комиссар полиции Фекана сообщил по телефону некоторые касающиеся ее сведения.

Теперь Мегрэ известно, что намеки Фелиси по поводу ее отношений с Жюлем Лапи — чистейший плод ее воображения. У нее просто-напросто есть мать и отец. Мать — прачка, отец — старый пьяница, который слоняется по набережным в поисках случайных заработков, особенно когда хочется пропустить несколько стаканчиков водки.

Расспросили соседей, но даже самые болтливые соседи

подтвердили, что старый Лапи никогда ни в каких отношениях с прачкой не состоял. Когда ему понадобилась служанка, его брат, плотник, посоветовал ему взять Фелиси, которая иногда приходила к нему в дом помогать по хозяйству.

— Итак, детка, вы услышали, что кто-то скребется... Вы, естественно, сразу открыли окно, чтобы позвать полицейского, дежурившего на улице...

Он сказал это с иронией в голосе, а она отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Да потому!

— Вам не хотелось, чтобы арестовали человека, который, как вы предполагали, находится в соседней комнате?

— Может быть...

— Продолжайте!

— Я тихонько поднялась...

— Но свет не зажигали. Потому что, если бы вы зажгли свет, бригадир Люка, конечно, заметил бы это. Ведь ставни закрываются не герметически... Итак, вы встали... И вы совсем не боялись, хотя боитесь даже грозы... А что дальше?.. Вы вышли из своей комнаты?

— Не сразу... Я приложила ухо к дверям и стала прислушиваться... Кто-то был в комнате по другую сторону площадки... Я слышала, как подвинули стул... Потом до меня донеслось невнятное ругательство... Я поняла — он не нашел того, чего искал, и собрался уходить...

— Дверь из вашей комнаты была закрыта на ключ?

— Да...

— И вы открыли ее. Решили выйти, без оружия, и показаться на глаза злоумышленнику, который, вероятно, убил Жюля Лапи?

— Да...

Она бросает ему вызов... А комиссар даже свистнул от восхищения.

— Значит, вы были уверены — он не причинит вам зла?.. Очевидно, вы даже не подозревали, что в этот час юный Петийон находился далеко отсюда, в Париже...

Она не может сдержаться и кричит:

— Что вы об этом знаете?

— Послушайте... Который был час?

— Я посмотрела на часы уже потом... Была половина четвертого... Откуда вы знаете, что Жак...

— Вот как! Вы даже называете его по имени?..

— Оставьте меня, наконец, в покое!.. Если вы мне не верите, то можете убираться отсюда.

— Ладно! Я не буду вас больше перебивать... Вы мужественно вышли из спальни, вооруженная только своей храбростью, и...

— И мне заехали кулаком в лицо!

— А человек удрал?

— Да, через садовую калитку... Оттуда он и проник в дом. Несмотря на синяки у нее на лице, Мегрэ очень хочется сказать:

— Так вот, детка, я не верю ни одному вашему слову...

Если бы его уверяли в обратном, в том, что она расшиблась сама, он бы не усомнился. Почему?

Но в эту самую минуту его взгляд останавливается на еще не просохшей земле клумбы. Она замечает это, смотрит туда же, видит следы ног и произносит с улыбкой:

— Это, может быть, следы моих ног, не так ли?

Он встает:

— Пойдемте!

Он входит в дом. На натертых до блеска ступеньках лестницы легко заметить грязные следы, комочки земли. Он толкает дверь в спальню старика.

— Вы сюда заходили?

— Да... Но я ни к чему не прикасалась...

— Этот стул?.. Вчера вечером он стоял на том же месте?

— Нет... Он стоял возле окна...

А сейчас он стоит возле большого платяного шкафа из орехового дерева, и на плетеном соломенном сиденье отчетливо видны следы и грязь.

Выходит, Фелиси не лгала. Ночью какой-то человек просто-напросто пробрался в «Мыс Горн», и это не мог быть Жак Петийон, который в этот час лежал на операционном столе больницы Божон.

Если Мегрэ требовалось еще одно доказательство, то он его тут же находит, в свою очередь, взобравшись на стул и взглянув на шкаф сверху: на толстом слое пыли видны следы пальцев, с помощью какого-то инструмента приподнята одна из досок.

Нужно будет вызвать экспертов из Отдела установления личности, чтобы сфотографировать все это и поискать отпечатки пальцев, если они сохранились.

Теперь Мегрэ принял серьезный вид; он озабоченно шепчет себе под нос:

— И вы не позвали на помощь!.. Ведь вы знали, что под вашими окнами дежурит инспектор, и вы ему ничего не сказали... Вы даже постарались не зажигать свет...

— Я зажгла в кухне. Приложила к лицу холодный компресс...

— Еще бы, с улицы не виден свет в кухне!.. Разве не так? Иначе говоря, вы не хотели поднимать тревоги... хотя вам дали кулаком по физиономии, вы нарочно позволили вашему обидчику скрыться... А сегодня утром вы встали как ни в чем не бывало, и опять не позвали инспектора...

— Ведь я прекрасно знала — приедете вы...

Странная вещь — здесь есть что-то детское, и он на себя за это досадует — ему словно льстит, что она ждала его приезда и не обратилась к Люка. Он даже втайне благодарен ей за эту фразу:

«Ведь я прекрасно знала — приедете вы...»

Он выходит из комнаты и запирает дверь на ключ. Во всяком случае, странный грабитель искал что-то на шкафу. Он не открыл ни одного ящика, не шарил ни в одном углу. Следовательно, он знал...

В кухне Фелиси украдкой смотрит на себя в зеркало.

— Вы мне сейчас сказали, что этой ночью вы были вместе с Жаком.

Он бросает долгий взгляд на нее. Она взволнована, нет никакого сомнения. Она ждет, охваченная тревогой. А он говорит беспечным тоном:

— Ведь вчера вы меня уверяли, что он не был вашим любовником, что это мальчишка...

Она не отвечает.

— Этой ночью с ним случилось несчастье. Какой-то незнакомец стрелял в него прямо на улице.

Она вскрикнула:

— Он умер?.. Говорите же!.. Жак умер?

Соблазн велик. Разве она стеснялась ему лгать? Разве полиция не имеет права воспользоваться любым средством, чтобы найти виновного? Мегрэ очень хочется ответить ей утвердительно. Кто знает, какова будет ее реакция? Кто знает, может быть...

Но у него не хватает мужества. Уж слишком она взволнована. Он ворчит, отвернувшись:

— Нет, успокойтесь!.. Он не умер... Только ранен...

Она рыдает. Обхватив голову руками, с блуждающим взглядом, она в отчаянии восклицает:

— Жак!.. Жак!.. Мой Жак!..

И вдруг, разъяренная, повернувшись к этому невозмутимому человеку, который избегает встретиться с ней взглядом, кричит:

— И вы были вместе с ним, правда?.. И вы допустили до этого... Я ненавижу вас. Слышите... Я вас ненавижу!.. Это из-за вас... Да, из-за вас...

И она, рыдая, падает на стул, согнув спину, опустив голову на кухонный стол рядом с кофейной мельницей.

Время от времени слышны одни и те же слова:

— Жак... Мой Жак...

Быть может, у него черствое сердце. Но Мегрэ не знает, как держать себя; сначала он стоит в проеме двери, потом выходит в пустынный сад, шагает по дорожке, смотрит на свою тень на земле и в конце концов толкает дверь погреба, чтобы нацедить там себе стакан вина.

Ведь Фелиси плакала и накануне. Но то были другие слезы.

Глава пятая

КЛИЕНТ № 13

В то утро Мегрэ постарался как следует запастись терпением. Но и это не помогло!.. Ему не удалось отговорить Фелиси: она все-таки оделась в траур, прицепила к своей смешной плоской шляпке вуаль из черного крепа, в которую драпировалась, как античная статуя. Чем она намазала лицо? Наверное, хотелось скрыть синяки? Трудно сказать, ведь у нее свое особое понятие о театральном зрелище. Во всяком случае, она казалась мертвенно-бледной. Лицо ее, словно у клоуна, было намазано кремом и пудрой. В вагоне поезда, увозившего их в Париж, она сидела неподвижно,

торжественно, страдальчески устремив взгляд вдаль. Чувствовалось, что она хотела бы, чтобы все вокруг нее думали: «Боже мой! Как она страдает... И как владеет собой!.. Это просто воплощенная скорбь».

Впрочем, Мегрэ ни разу не улыбнулся. Когда на улице Фобур Сент-Оноре она захотела зайти в магазин, где продаются первые в сезоне овощи и фрукты, он тихонько сказал:

— Я думаю, ему еще ничего нельзя есть, детка.

Но она заупрямилась, купила лучший испанский виноград, апельсины, бутылку шампанского. Она обязательно хотела захватить цветов, приобрела огромный букет белой сирени и неслась все это сама, не меняя выражения лица, трагического и словно отсутствующего.

Мегрэ покорно следовал за ней, как снисходительный и добрый папаша. Он с облегчением узнал, что в Божоне как раз неприятный час: Фелиси выглядела так, что, конечно, вызвала бы сенсацию среди посетителей. Однако же он попросил дежурного врача разрешить ей заглянуть в палату, куда положили Жака Петийона. Палата находилась в конце длинного коридора: воздух в нем был спертый, через открытые двери виднелись кровати, унылые лица, все белое, слишком много белого, — этот цвет превратился здесь в цвет болезни.

Их довольно долго заставили ждать. Фелиси стояла, нагруженная своими пакетами. Наконец к ним подошла санитарка; при виде Фелиси она широко раскрыла глаза.

— Давайте все это сюда... Пригодится какому-нибудь ребенку... Тише... Главное, не разговаривайте... Не шумите...

Она чуть приоткрыла одну из дверей, позволила Фелиси только бросить взгляд в палату, утонувшую в полумраке, где Петийон лежал неподвижно, как мертвый.

Когда дверь затворилась, Фелиси сочла своим долгом сказать:

— Ведь вы его спасете, правда?.. Умоляю вас, сделайте все возможное, чтобы спасти его...

— Но, мадемуазель...

— Не жалейте ничего... Вот возьмите...

Мегрэ не засмеялся, даже не улыбнулся, видя, как она вытащила из сумки сложенный во много раз тысячефранковый билет и протянула его своей собеседнице.

— Если нужны деньги, любую сумму...

Тут уж Мегрэ перестал над ней подтрунивать, хотя она никогда еще не выглядела такой смешной. На обратном пути Фелиси шествовала по коридору в роскошно развевающейся черной вуали; навстречу ей попался какой-то больной мальчуган. Она наклонилась и со вздохом поцеловала его:

— Бедный крошка!..

Когда сам страдаешь, еще больше сочувствуешь страданиям других, не так ли? В нескольких шагах от них стояла молоденькая санитарка с крашеными в платиновый цвет волосами, вызывающе затянута в халат, подчеркивающий ее формы. Санитарка посмотрела на Фелиси, чуть не фыркнула, позвала из палаты подружку, чтобы и та тоже полюбовалась.

— Вы просто индюшка, мадемуазель, — сказал он санитарке.

Мегрэ продолжал сопровождать Фелиси так серьезно, как

будто являлся ее родственником. Она слышала его отповедь санитарке и осталась ему благодарна. На тротуаре, на зали- той солнцем улице, он понял, что Фелиси уже не так напря- жена и свободно чувствует себя рядом с ним. Воспользовав- шись этим, Мегрэ шепнул:

— Вы знаете всю правду, не так ли?

Фелиси не отрицала.

— Пойдемте...

До полудня оставалось немного. Мегрэ решил повернуть на- право, туда, где на светлой и шумной площади Терн кишела толпа, и Фелиси последовала за ним, ковыляя на своих слиш- ком высоких каблуках.

— А все-таки я вам ничего не скажу, — вздохнула она че- рез несколько шагов.

— Знаю...

Теперь он угадывал многое. Не знал еще, кто был убийцей старика Лапи, не знал имени того, кто прошлой ночью стрелял в саксофониста, однако он уже понимал, что Фелиси... Как это выразить? Например, в поезде тем несколькими пассажирам, которые видели ее, застывшую в театральной скорби, она по- казалась смешной; в больнице слишком кокетливая санитар- ка не удержалась и прыснула со смеха; хозяин танцевального зала в Пуасси прозвал Фелиси попугаем; Лапи наградил ее прозвищем Какаду, да и самого Мегрэ долго коробили ее ре- бяческие фокусы.

Вот и сейчас люди оборачивались при виде этой странной пары, и, когда Мегрэ толкнул дверь ресторанчика, посеща- вшегося только завсегдатаями и в этот час еще пустого, он за- метил взгляд, который официант бросил на хозяйку, сидевшую у кассы.

Но зато Мегрэ разглядел тот простой человеческий трепет, который прячется за внешностью самых эксцентричных чудачков.

— Мы славно позавтракаем вдвоем, правда?

Она сочла нужным повторить:

— А все-таки я вам ничего не скажу...

— Пусть будет по-вашему, детка... Вы мне ничего не ска- жете... Что вы хотите на завтрак?

Зал ресторана старомодный, уютный, стены цвета слоновой кости со вделанными в них большими, немного потускневши- ми зеркалами; никелированные шары, в которые официанты прячут тряпки, ряды выдвижных ящиков, выкрашенных под де- рево, где завсегдатаи держат свои салфетки. Дежурное блюдо объявлено: весеннее рагу из барашка с овощами. В меню поч- ти к каждому блюду помечен дополнительный гарнир.

Мегрэ заказал завтрак. Фелиси забросила за плечи свою вуаль.

— Вам очень плохо жилось в Фекане?

Он знает, что делает. Он ждет, когда губы ее вздрогнут и она постарается придать своему лицу вызывающее выражение.

— Почему вы так думаете?

Ну конечно же! Почему? Он знал Фекан: его бедные домиш-

ки жмутся друг к другу у подножия скалы, в переулках, где текут помои.

— Сколько у вас братьев и сестер?

— Семеро...

Отец пьяница. Мать с утра до вечера стирает белье. Мегрэ представляет себе Фелиси, долговязую девчонку с тонкими босыми ногами. Ее устроили судомойкой в портовом ресторанчике, у Арсена. Она ночевала там в мансарде. Хозяин выгнал ее — она стащила из кассы несколько су, и Фелиси стала поденщицей у Эрнеста Лапи, плотника, работавшего на верфи...

Сейчас она ест с подчеркнутой деликатностью, чуть ли не отставив мизинец, и Мегрэ не смеется над ней.

— Если бы я захотела, я могла бы выйти за сына судовладельца...

— Конечно, детка... Но он вам не нравился, правда?

— Не люблю рыжих... Не говоря уже о том, что его отец приставал ко мне... Мужчины такие свиньи...

Любопытно: если посмотреть на нее внимательно, то забываешь, что ей двадцать четыре года, видишь только лицо нервной девочки и удивляешься, как это ты мог хоть на минуту принять ее всерьез.

— Скажите, Фелиси... Ваш хозяин... я хочу сказать, Деревянная Нога вас ревновал?

Он доволен. Он предвидел и резкий взлет подбородка, и взгляд, одновременно удивленный и встревоженный, и гневный огонек, мелькнувший в глазах.

— Между нами никогда ничего не было...

— Я знаю, детка... А ведь он все-таки ревновал, не так ли? Бьюсь об заклад, он запрещал вам бывать по воскресеньям на танцах в Пуасси и вам приходилось убежать...

Она не отвечает. Наверно, удивляется, как мог он угадать эту странную ревность старика, который ждал ее воскресными вечерами, даже ходил встречать под гору, на дорогу, и устраивал ей ужасные сцены.

— Вы намекали ему, что у вас есть любовники...

— А кто мог бы мне помешать иметь любовников?

— Ну, ясно, никто! И вы говорили ему о них! А он обзывал вас всеми именами. Я даже думаю, не случилось ли ему поколачивать вас?

— Я бы не позволила ему дотронуться...

Она лжет! Мегрэ так хорошо представлял себе обоих! В новом загородном домике в Жанневиле они так же отделены от всего мира, как на необитаемом острове. Ничто не связывает их ни с чем. С утра до вечера они сталкиваются, следят друг за другом, ссорятся и все же нужны друг другу потому, что весь мир для них ограничен только ими двумя.

И если Деревянная Нога уходит за пределы домашнего мира, чтобы в определенный час сыграть партию в карты в «Золотом перстне», то Фелиси тоже иногда хочется во что бы то ни стало убежать в более веселое место.

Пришлось бы запираить ее и сторожить под окнами, чтобы помешать по воскресеньям разыгрывать принцессу, явившуюся инкогнито на танцульку в Пуасси. Как только у нее выдается

свободная минутка, она бежит к Леонтине и с увлечением поверяет ей свои выдуманные тайны.

Как все просто! Мелкие служащие входят в ресторан и начинают завтракать, просматривая газету, с изумлением взирают на странную особу, появившуюся в привычной им обстановке. Каждый из них то и дело посматривает на Фелиси. Каждому хочется улыбнуться и подмигнуть официанту.

А ведь она лишь женщина... Женщина-ребенок!... Вот что стало понятно Мегрэ, вот почему он теперь говорит с ней мягко, дружелюбно, снисходительно.

Он представляет себе ее жизнь в «Мысе Горн». Мегрэ убежден, что, будь Лапи еще жив, он возмущился бы, если бы комиссар ему неожиданно заявил:

— Вы ревнуете вашу служанку...

Ревнует, он, который даже не влюблен в нее, он, который никогда в жизни ни в кого не влюблялся! А ведь совершенно точно — ревновал! Она составляла часть его мира.

Разве он продавал лишние овощи? Разве он продавал фрукты из своего сада? Давал ли он их кому-нибудь? Нет! Это была его собственность. Фелиси тоже была его собственностью. Он не пускал кого попало в свой дом. Он один пил вино из своего погреба.

— Как это получилось, что он принял племянника?

— Лапи встретил его в Париже... Он хотел взять его в «Мыс Горн» еще когда умерла его сестра, но Жак не согласился... Он гордый...

— И однажды, когда Лапи поехал в Париж получать пенсию за четыре месяца, он встретил там своего племянника в плачевном состоянии, не так ли?

— Почему в плачевном?

— Петийон разгружал овощи в Гавре...

— Что позорного?

— Ничего позорного. Напротив! Лапи привез его к себе. Он отдал ему свою комнату, потому что...

Она возмутилась.

— Это совсем не то, о чем вы думаете...

— А все-таки он наблюдал за вами обоими... И что он обнаружил?

— Ничего...

— Вы были любовницей Петийона?

Она опускает нос в тарелку, не говоря ни «да», ни «нет».

— В общем жизнь стала невыносимой, и Жак Петийон уехал...

— Он не ладил с дядей...

— Так я и говорю...

Мегрэ доволен. Он будет помнить простой завтрак в спокойной, такой обычной обстановке ресторанчика, посещавшего только завсегдатаями. Косой луч солнца играет на скатерти и на графине красного вина. Отношения между ним и Фелиси стали мягче, они почти сердечные. Он прекрасно знает, что, если бы сказал ей это, она протестовала бы и снова приняла презрительный вид. Но она так же, как и он, довольна, что сидит здесь, рада убежать от одиночества.

— Вот увидите, все устроится...

Она почти готова верить ему. Потом ее недоверчивость снова берет верх. Бывают моменты — к сожалению, они мимолетны, — когда чувствуется, что еще немного — и она бросит на Мегрэ простодушный взгляд.

Увы, в тот же миг настороженность снова овладевает ею, и голос ее опять звучит иронически:

— Вы думаете, я не знаю, куда вы клоните?

Она чувствует, что должна одна, совсем одна нести всю тяжесть драмы. Она центр мира. Доказательство — комиссар уголовной полиции, такой человек, как Мегрэ, преследует ее и только ее!

Она не подозревает, что ее сотрапезник одновременно держит за множество нитей. На улице Пигаль и в ее окрестностях работают инспектора. На набережной Орфевр, вероятно, допрашивают кое-каких субъектов, поднятых рано утром с постели в подозрительных меблированных комнатах. Во многих городах господа из полиции нравов интересуются женщиной по имени Адель, которая в течение нескольких месяцев работала в одной из руанских пивных.

Шла обычная работа полиции, которая неизбежно должна привести к каким-то результатам.

В ресторанчике заведомо приветствуют соседей по столу легким кивком: их никто никогда не представляет друг другу, хоть они и завтракают здесь каждый день! Однако комиссар ищет другое: смысл драмы, а не ее механическую реконструкцию.

— Вы любите землянику?

Вот она, на стойке, первая земляника; ягоды уложены в корбочки.

— Гарсон... Дайте нам...

Она любит полакомиться, ей приятно, что он заказал землянику. Или, вернее, у нее пристрастие к изысканным вещам. Неважно, что Жаку Петийону нельзя есть виноград, апельсины и пить шампанское. Все дело в красивом жесте, в зрелище больших лиловатых виноградин, бутылки с пробкой, обернутой в золотую бумагу... Она стала бы есть землянику, даже если бы не любила ее...

— Что с вами, детка?

— Ничего...

Фелиси вдруг смертельно побледнела. Сейчас она не играет комедию. Ее что-то поразило. Она не в состоянии проглотить ягоду, которую держит во рту; вот-вот встанет и выбежит из зала. Она кашляет, словно поперхнувшись, прячет лицо в носовой платок.

— Что такое?..

Обернувшись, Мегрэ замечает невысокого господина, который, несмотря на теплую погоду, снимает толстое пальто и шарф, вешает их на распjalку и берет салфетку из ящика, на котором стоит номер тринадцать. Он человек средних лет, седоват, довольно банальной внешности: такие тусклые субъекты часто встречаются в городах. Они одиноки, мелочны, ворчливы. Это вдовцы или зачерстневшие холостяки, жизнь которых просто сеть мелких привычек. Официант обслуживает

его, не спрашивая меню, ставит перед ним начатую бутылку минеральной воды, а тот, разворачивая газету, смотрит на Фелиси, нахмурившись, ищет что-то в памяти, недоумевает...

— Почему вы не едите?

— Я сыта... Пойдемте...

Она положила на стол салфетку. Рука ее дрожит.

— Успокойтесь, детка...

— Я? Я спокойна... Чего мне волноваться?

Мегрэ видит клиента номер тринадцать в зеркале и может наблюдать за усилиями памяти, отраженными на лице незнакомца... Вот он догадался... Нет... Не то... Надо постараться... Он пытается припомнить еще... Почти вспомнил... Теперь уж наверняка... Он вытаращил глаза... Он удивлен... Он словно говорит себе: «Вот так штука! Какое совпадение...»

Но он не встает из-за стола и не подходит поздороваться с ней. Он и вида не подает, будто знает ее. Где он с ней познакомился? В каких они отношениях? Он рассматривает Мегрэ с головы до ног, зовет гарсона, они шепчутся; гарсон, должно быть, отвечает, мол, не знает их, эта пара здесь впервые...

Тем временем Фелиси вне себя от тревоги. Вдруг она поднимается и идет в туалет. Неужели ей до такой степени перехватило горло?

Пока ее нет, Мегрэ и незнакомец смотрят друг на друга в упор; быть может, номер тринадцатый хотел бы подойти и заговорить со спутником Фелиси?

Через дверь с матовыми стеклами, ведущую в туалет, можно также пройти в кухню. Гарсон ходит то туда, то обратно. А он ведь рыжий! Как сын судовладельца, который сватался к Фелиси, когда она жила в Фекане. Как тут не улыбнуться? Она вдохновляется тем, что у нее перед глазами. Она смотрела на этого рыжего парня. Ее спрашивали о том, как ей жилось в Фекане. Ее воображение заработало с головокружительной быстротой, и гарсон превратился в судовладельца, который...

Мегрэ кажется, что ее нет слишком долго. Гарсон тоже исчез. Номер тринадцатый раздумывает, вот-вот примет решение.

Наконец Фелиси появилась. Почти улыбается, на ходу опускает на лицо вуаль. Она уже не садится за стол.

— Пойдем?

— Я заказал кофе... Вы ведь любите кофе?

— Сейчас не хочется... Он слишком действует на нервы...

Он делает вид, что поверил, и подзывает официанта. Расплачиваясь по счету, он смотрит на гарсона в упор, и парень слегка краснеет. Ну ясно! Она поручила ему передать что-то номеру тринадцатому. Может быть, нацарапала несколько слов на клочке бумаги и велела отдать записку только тогда, когда уйдет.

Выходя, комиссар невольно замечает на вешалке толстое пальто с оттопыренными карманами.

— Мы возвращаемся в Жанневиль, не так ли?

Она взяла его под руку, и это движение могло бы показаться искренним.

— Я так устала! Все эти волнения...

Он стоит неподвижно на краю тротуара, словно в нерешимости, и она теряет терпение.

— О чем вы думаете?.. Почему не идете?.. Наш поезд уходит через полчаса.

Она ужасно боится. Ее рука дрожит на руке Мегрэ, и его охватывает странное желание успокоить ее. Он пожимает плечами.

— Ну ладно... Такси!.. Сюда!.. На вокзал Сен-Лазар... К направлению дальних пригородов...

От какого страха он ее сейчас избавил! В открытом такси, где их ласкает солнце, она чувствует потребность говорить, говорить.

— Вы сказали, что не покинете меня... Вы ведь это сказали, да? Вы не боитесь, что это вас скомпрометирует? Вы женаты? Какая я глупая... У вас же обручальное кольцо...

На вокзале она опять немного поволновалась. Он взял только один железнодорожный билет. Неужели он посадит ее в купе, а сам останется в Париже? Она забыла, что у него постоянный проездной билет. Мегрэ тяжело усаживается на скамейку, глядя на нее и слегка терзаясь угрызениями совести.

Этого старого господина — клиента номер тринадцать — он сможет повидать, когда захочет, ведь тот каждый день бывает в ресторанчике. Поезд трогается, и Фелиси думает, что она спасена. В Пуасси они вместе проходят мимо кабачка, и хозяин, стоя у входа в дощатое здание, узнает Мегрэ и подмигивает ему.

Комиссар не может устоять перед желанием подразнить Фелиси.

— Кстати! Мне хочется спросить его, приходил ли Деревянная Нога понаблюдать за вами, когда вы танцуете...

Она увлекает его вперед.

— Не стоит... Я сама скажу... Он приходил несколько раз...

— Вот видите, он вас ревновал...

Они поднимаются на горку. Вот и лавка Мелани Шошуа. Мегрэ продолжает игру:

— Что, если я спрошу ее, сколько раз она видела, как вы гуляли с Жаком Петийоном?

— Она нас никогда не видела!

На этот раз Фелиси говорит уверенно.

— Вы так хорошо прятались?

Вот и дом; они увидели его в тот момент, когда от него отъехала большая машина Отдела установления личности. На пороге, словно настоящий мелкий собственник, стоит Люка.

— Кто это здесь был?

— Фотографы, специалисты...

— Ах да... Отпечатки пальцев...

Она хорошо осведомлена. Она прочла столько детективных романов.

— Что нового, старик Люка?

— Ничего особенного, начальник... Тот тип действовал в резиновых перчатках, как вы и предполагали... Они только взяли отпечатки его башмаков. Башмаки совершенно новые, он их носил не больше трех дней...

Фелиси поднялась к себе в комнату снять траурное платье и вуаль.

— Есть новости, начальник?.. Похоже...

Люка так хорошо знает комиссара! У Мегрэ есть особая способность проявлять себя, расцветать, излучать жизнь. Он смотрит вокруг, все здесь так хорошо знакомо, и, повинаясь какому-то закону подражания, Мегрэ начинает вести себя так же, как обитатели этого дома...

— Выпьем по рюмочке?

Он берет из буфета в столовой графин, в котором еще осталось вино, наполняет две рюмки, останавливается на пороге, лицом к саду.

— За твое здоровье... Послушайте, Фелиси, детка...

Она уже спустилась, надев передник, и проверяет, не устроили ли люди из Отдела установления личности беспорядка на кухне.

— Будьте так любезны, приготовьте чашку кофе моему другу... Мне надо сходить в «Золотой перстень», но я оставляю с вами бригадира, он будет охранять вас... До вечера...

Он ожидал этого недоверчивого, пугливого взгляда.

— Уверю вас, я иду в «Золотой перстень»...

Это правда, но он остается там недолго. Так как в Оржевале нет такси, он просит механика Луво свезти его в Париж на грузовичке.

— На площадь Терн... Поезжайте по улице Фобур-Сент-Оноре...

Когда он вошел в ресторан, там уже никого не было, и гарсон, вероятно, спал где-нибудь в соседнем помещении, потому что он появился, зевая, с всклокоченными волосами.

— Вы знаете, где живет господин, которому вы сегодня передали записку от сопровождавшей меня дамы?

Этот дурак думает, что перед ним ревнивец или разгневанный отец. Он отрицает, смущается. Мегрэ показывает ему свое удостоверение.

— Я не знаю его фамилии, уверю вас... Он работает здесь поблизости, но вряд ли он здесь живет, потому что бывает у нас только днем...

Мегрэ не хочется ждать до завтра.

— Вы не знаете, чем он занимается?

— Пойдите... Однажды я слышал, как он разговаривал с хозяином... Пойду посмотрю, здесь ли хозяин...

Решительно весь дом погружен в послеполуденный сон. Хозяин появляется без воротничка, отводит рукой растрепанные волосы.

— Номер тринадцатый? Он работает по кожевенному делу... Он как-то говорил мне об этом, не помню уж, по какому поводу... Он служит в одной фирме, на улице Ваграм...

С помощью справочника Боттена комиссар быстро обнаружил фирму Желле и Мотуазона — импорт-экспорт кожевенных изделий — на проспекте Ваграм, 17-бис. Он едет туда. В конторе, сумрачной из-за зеленоватых оконных стекол, на которых изнутри можно прочесть в зеркальном изображении фамилии владельцев, стрекочут пишущие машинки.

— Вам, наверное, нужен мсье Шарль... Подождите...

Его ведут через лабиринт коридоров и лестниц, где пахнет сыростью, до каморки на самом верху, на дверях которой написано: «Заведующий хозяйством».

Это, конечно, мсье номер тринадцать. Он сидит здесь, еще более серый, в длинной серой куртке, которую он надевает во время исполнения своих обязанностей. Видя, что Мегрэ проник в его убежище, в его святая святых, он подсказывает.

— Что вам угодно, мсье?..

— Из уголовной полиции... не пугайтесь... Я только хочу кое о чем спросить вас...

— Не понимаю...

— Нет, мсье Шарль... Вы очень хорошо понимаете... Покажите мне, пожалуйста, записку, которую вам сегодня передал гарсон.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь, иначе мне придется тут же арестовать вас за соучастие в убийстве...

Тот шумно сморкается, и это не только для того, чтобы выиграть время, — у него хронический насморк: потому-то он и носит теплое пальто и кашне.

— Вы ставите меня в такое положение...

— Гораздо менее затруднительное, чем вы сами поставите себя, отказываясь отвечать мне откровенно...

Мегрэ нарочно повышает голос: мадам Мегрэ в таких случаях говорит, что он представляется жестоким, и ее это всегда забавляет, потому что она знает его лучше, чем кто-либо.

— Видите ли, мсье комиссар, я не думал, что мой поступок...

— Покажите мне сначала записку...

Вместо того чтобы вытащить ее из кармана, мсье Шарль принужден влезть на стремянку, чтобы достать записку с самой верхней полки, где он спрятал ее за кипами бланков. Он достает оттуда не только этот документ, но и револьвер; он держит его осторожно, как человек, который страшно боится оружия.

«Ради бога, не говорите ничего, никогда, ни под каким предлогом. Бросьте в Сену, вы сами знаете что. **Это вопрос жизни и смерти**».

Мегрэ улыбается, читая эти последние слова, в них вся Фелиси. Ведь то же самое она сказала и Луво, шоферу из Оржевала.

— Когда я заметил...

— Когда вы заметили, что у вас в кармане пальто лежит это оружие, не так ли?..

— А вы знаете?

— Вы только что перед тем сели в метро... Вы были вплотную прижаты к молодой женщине в глубоком трауре, и в тот момент, когда она приближалась к выходу, вы почувствовали, что вам в карман суют какой-то тяжелый предмет.

— Я понял это только потом.

— Вы испугались...

— Я никогда в жизни не пользовался огнестрельным оружием... Я не знал, заряжен ли он... Я и сейчас этого не знаю...

К ужасу заведующего хозяйством, Мегрэ вынимает из револьвера обойму, в которой не хватает одной пули.

— Но раз вы помните девушку в трауре...

— Сначала я хотел пойти и сдать это... этот предмет в полицию...

Мсье номер тринадцатый смущается.

— Вы чувствительный человек, мсье Шарль. Женщины производят на вас впечатление, не правда ли? Бьюсь об заклад, что у вас в жизни было немного приключений...

Раздался звонок. Старик с ужасом смотрит на сигнальную доску, висящую у него в кабинете.

— Это меня вызывает хозяин...

— Идите... Мне уже все ясно...

— Но эта девушка?... Скажите... Она и в самом деле?..

Глаза Мегрэ на секунду помрачнели.

— Это мы еще увидим, мсье Шарль... Поторопитесь... Ваш хозяин уже теряет терпение...

Снова раздался звонок, на этот раз требовательный.

Немного позже комиссар бросает шоферу такси:

— К оружейнику Гастин-Ренет!

Так, значит, в течение трех дней, чувствуя, что за ней следят, зная, что дом и сад будут прочесаны насквозь, Фелиси прятала револьвер у себя на груди! Он представляет ее себе на сиденье грузовичка. На дороге все-таки попадаются машины. За их автомобилем, быть может, следят. Луво заметит движение ее руки. Лучше в Париже...

У заставы Майо за ней начинает следить инспектор. Чтобы было время подумать, она входит в кондитерскую и наедается пирожными. Рюмку портвейна... Она, быть может, и не любит портвейна, но это такая же роскошь, как виноград и шампанское, которые она снесла в больницу. Метро... В этот час там слишком мало народу... Она ждет... Инспектор здесь, он не сводит с нее глаз...

Шесть часов, наконец-то... Толпа, наводняющая поезда, пассажиры, прижатые друг к другу, это самим богом посланное пальто с оттопыренными карманами.

Жаль, что Фелиси не может видеть Мегрэ, пока такси везет его к эксперту-оружейнику. Быть может, она хоть на секунду забыла бы свой страх и преисполнилась бы гордостью, прочтя восхищение на лице комиссара.

Глава шестая

МЕГРЭ ОСТАЕТСЯ

Сколько тысяч раз поднимался он своими тяжелыми шагами по этой пыльной лестнице на набережной Орфевр, где пол всегда немного скрипит под ногами и где зимой царят такие убийственные сквозняки? У Мегрэ есть неизменные привычки, например, поднявшись до верхних ступеней, он смотрит назад и вниз, в лестничную клетку, а на пороге широкого коридора уголовной полиции бросает рассеянный взгляд на то, что называется «фонарем». Это просто застекленный зал ожидания сле-

ва от лестницы; там стоит стол, покрытый зеленой скатертью, зеленые кресла, висят черные рамки, где в маленьких кружках размещены фотографии полицейских, погибших при исполнении своих обязанностей.

В «фонаре» много народа, хотя уже пять часов вечера. Мегрэ так озабочен, что на минуту даже забыл: ведь присутствие здесь этих людей связано с занимающим его делом. Он узнает многие лица, кто-то быстро подходит к нему:

— Скажите, мсье комиссар... Это еще надолго?.. Нельзя ли, чтобы меня вызвали вне очереди?

Здесь весь цвет площади Пигаль; всех их вызвал кто-то из инспекторов по приказанию Мегрэ.

— Вы ведь меня знаете, правда? Знаете, что у меня все в порядке, что я не стану связываться в подобную историю. Я уже потерял полдня...

Широкая спина. Мегрэ удаляется. Комиссар как бы наугад толкает двери. На набережной хорошо ему знакомая горячка. Допрашивают в каждом углу, даже в его собственном кабинете, где Рондонне, новичок, сидит в кресле Мегрэ и курит трубку, похожую на трубку комиссара. Он доводит свое подражание до того, что заставляет приносить себе из пивной «Дофин» пол-литровые банки пива. На стуле один из гарсонов «Пеликана». Рондонне подмигивает начальнику, на минуту оставляет гарсона, выходит к комиссару в коридор, где уже разыгрывалось так много подобных сцен.

— Тут где-то зарыта собака, начальник... Я пока еще не догадался, в чем дело... Сами знаете, как это бывает... Я нарочно мариную их в «фонаре»... Чувствуется, что они сговорились... Вы видели шефа?.. Вас как будто уже целый час ищут по всем телефонам... Кстати... Тут вам записка...

Он возвращается в кабинет, чтобы взять ее на столе. Записка от мадам Мегрэ.

«Из Эпиналя приехала Элиза с мужем и детьми. Мы все обедаем дома. Попытайся прийти. Они привезли белых грибов».

Мегрэ не пойдет. Он слишком озабочен. Ему не терпится проверить одну догадку, недавно возникшую у него в голове, пока он ждал у Гастин-Ренета результата экспертизы. Он прохаживался в одном из помещений тира, в подвале, где какая-то молодая пара, только что поженившись и собираясь в свадебное путешествие в Африку, испытывала разное устрашающее оружие.

Мысленно он снова был в доме Деревянной Ноги, поднимался по навощенной лестнице и вдруг, все так же мысленно, остановился на площадке, колеблясь, в какую дверь войти, вспоминая, что в доме три спальни.

— Черт побери!

И с той минуты он только и думал, чтобы как можно скорее поехать туда, где он почти наверняка сделает открытие. Он заранее знал результат экспертизы, он был уверен, что старика Лапи убили из револьвера, который он получил на проспекте Ваграм. «Смит-вессон». Не игрушка. Не такой пистолет, который покупают любители, а серьезное оружие, инструмент профессионалов.

Четверть часа спустя старый мсье Гастин-Ренет подтвердил его гипотезу.

— Так оно и есть, комиссар. Вечером я вам пришлю подробный отчет с увеличенными снимками...

Мегрэ все же решил зайти на набережную и убедиться, что не произошло ничего нового. Сейчас он стучится в кабинет шефа, толкает обитую войлоком дверь.

— А, Мегрэ! Я боялся, что вас не смогут поймать по телефону. Это вы послали Дюнана на улицу Лепик?

Мегрэ уже забыл об этом. Ну да, он. На всякий случай. Он поручил Дюнану внимательно осмотреть комнату, которую Жак Петийон занимал в отеле «Уют».

— Он только что звонил... Оказывается, кто-то уже побывал там до него... Он хотел бы вас видеть как можно скорее... Вы идете туда?

Мегрэ кивает головой. Он неповоротлив, неприветлив. Он терпеть не может, когда прерывают нить его мыслей, а его мысли сейчас в Жанневиле, а не на улице Лепик.

Когда он выходит из уголовной полиции, за ним опять бежит какой-то человек, один из тех, кто ждет в стеклянной клетке.

— Нельзя ли вызвать меня сейчас? У меня пустяковое дело...

Мегрэ пожимает плечами. Немного позже он выходит из такси на площади Бланш, и в тот момент, когда ставит ногу на тротуар, чувствует какой-то упадок сил. Площадь залита солнцем. Терраса большого кафе кишит народом, и кажется, что людям больше нечего делать, как сидеть у круглых столиков, пить свежее пиво или аперитивы, лаская взглядом проходящих красивых женщин.

На секунду Мегрэ завидует им, он думает о жене, которая сейчас угощает свою сестру и зятя дома, на бульваре Ришар-Ленуар; он думает о белых грибах, жарящихся на медленном огне, издающих приятный запах чеснока и влажного леса. Он обожает белые грибы...

Ему хотелось бы так же присесть за столик на тротуаре. Он слишком мало спал в эти последние ночи, он ест не вовремя, пьет что попало, на ходу, и ему кажется, что из-за своей проклятой профессии обязан жить жизнью всех остальных, вместо того чтобы спокойно жить своею собственной жизнью. К счастью, через несколько лет он уйдет на пенсию и в широкополой соломенной шляпе будет работать у себя в саду, ухаживая, как сад старика Лапи, с погребом, куда он будет время от времени заглядывать, чтобы освежиться.

— Пол-литра пива, быстро...

Он садится только на минутку. Замечает инспектора Дюнана, который его поджидает.

— Я ждал вас, начальник... Сейчас увидите...

Там, в Жанневиле, Фелиси наверх, готовит себе обед на газовой плитке; дверь в кухню, выходящая на огород, позолоченный вечерним солнцем, открыта.

Он идет по коридору отеля «Уют», зажатого между колбасной и обувным магазинами. В приемной, за стеклянным окошечком, в вольтеровском кресле возле доски с ключами сидит

чудовищно толстый человек; его распухшие от водянки ноги погружены в эмалированное ведро с водой.

— Уверю вас, я тут ни при чем. Впрочем, можете спросить Эрнеста. Это он провожал их наверх...

Эрнест, коридорный, которому хочется спать еще больше, чем Мегрэ, потому что он работает и ночью и днем и ему редко случается подремать два часа подряд, объясняет, растягивая слова:

— Они пришли вскоре после полудня... В этот час у нас бывают только разовые... Вы понимаете... Комнаты на втором этаже только для этого и служат. Обычно мы знаем всех женщин... Проходя, они кричат: «Я иду в восьмой номер...» А возвращаясь, заходят получить свои проценты — им дают по сто су за каждый раз... А тут я заметил, что эта женщина мне незнакома... Брюнетка, еще довольно свежая... Она ждала в коридоре, пока ей вручат ключ...

— А какой с ней был мужчина? — спросил Мегрэ.

— Не могу сказать... Знаете, мы на них не очень-то смотрим, потому что они этого не любят. Большею частью они немного стесняются... Иные отворачиваются специально или делают вид, что сморкаются, зимой поднимают воротник пальто... С ней был обычный тип. Ничего особенного... Я свел их в пятый номер, он был как раз свободен...

Мимо них проходит пара. Чей-то голос спрашивает:

— В девятый номер, Эрнест?

Старый толстяк смотрит на доску и отвечает утвердительным ворчанием.

— Это Жажа... Она-то часто к нам заходит. Что я говорил?... Ах да... Мужчина спустился первым, минут через пятнадцать... Так бывает почти всегда... Я не видел, как уходила женщина, и десять минут спустя пошел в пустую комнату, чтобы навести там порядок... «Наверно, она ушла, а я и не заметил», — решил я. Потом пришли какие-то постояльцы, я больше об этом не думал, а полчаса спустя — вот странное дело — заметил, как та женщина прошла у меня за спиной. «Интересно, где она была?» — подумал я. Потом все это вылетело у меня из головы до тех пор, пока ваш инспектор, который спрашивал ключи от комнаты музыканта, не стал задавать мне вопросы...

— Вы говорите, что раньше никогда ее не видели?

— Нет... Этого я не могу сказать... Во всяком случае, она не ходила сюда постоянно... Однако же мне сдается, что я ее где-то встречал...

— А вы давно работаете в отеле «Уют»?

— Пять лет...

— Тогда это, может быть, бывшая клиентка?

— Возможно... Знаете, их здесь столько проходит! Они бывают здесь в течение двух недель или месяца, потом перекочевывают в другой район, едут в провинцию, если только вы их не заберете...

Мегрэ тяжело поднимается по лестнице в сопровождении инспектора. Наверху, на шестом этаже, в комнате, где жил Петийон, дверной замок не взломан. Это самый простой замок, который можно отпереть любой отмычкой.

Мегрэ огляделся и свистнул. Здесь хорошо поработали! В

комнате немного мебели, но зато ее обшарили сверху донизу. Серый костюм Петийона лежит на коврике с вывернутыми карманами, ящики выдвинуты, белье разбросано, наконец, посетительница тщательно разрезала ножницами матрац, подушку и перину — весь пол, словно снегом, покрыт клочьями шерсти и перьями.

— Что вы на это скажете, начальник?

— Есть отпечатки пальцев?

— Из Отдела установления личности уже приходили. Я позвонил себе позвонить им, и они послали мне Мёрса, но он ничего не нашел. Что они тут так старательно искали?

Но Мегрэ интересуется не это. То, что они ищут, как говорит Дюнан, употребляя множественное число, гораздо менее важно, чем то, с каким остервенением они это ищут. И при этом с безошибочной логикой.

Жюль Лапи был убит из револьвера марки «смит-вессон» — это оружие можно найти в кармане у всех отпетых.

Что происходит после смерти рантье? Петийон вне себя от страха. Он мечется по кабачкам Монмартра и по всем более или менее подозрительным барам в поисках кого-то. Он чувствует, что полиция ходит за ним по пятам, но упрямо продолжает искать, даже едет в Руан, где наводит справки о женщине по имени Адель, которая уже несколько месяцев назад бросила работу в пивной «Тиволи».

С этого момента он, по-видимому, обескуражен. Он уже без сил. Он отказывается продолжать поиски. Мегрэ остается только забрать его. Сейчас он заговорит...

Но в этот самый момент в него стреляют посреди улицы, и всадил в него пулю, конечно, не новичок.

Не тот ли это самый, который, не теряя ни минуты, помчался в Жанневиль?

На площади Пигаль Петийон был в сопровождении комиссара и это не остановило убийцу.

За домом Лапи установлено наблюдение. Убийца это знает, во всяком случае подозревает, но это тоже его не останавливает; он проникает в комнату, ставит перед гардеробом стул и поднимает одну из верхних досок шкафа.

Обнаружил ли он то, что искал? Когда его застает Фелиси, он наносит ей удар и исчезает, оставив только довольно безликие следы новых башмаков.

Это произошло около трех или четырех часов утра. А уже после полудня они взялись за комнату Петийона.

На этот раз женщина. Брюнетка, и довольно хорошенькая, как и Адель из пивной. Она не совершает ошибок. Она могла бы пробраться в этот отель, где привыкли к разовым посетителям, как выразился коридорный, со своим любовником или сообщником. Но кто знает? Может быть, за отелем «Уют» тоже ведется наблюдение? Она это учитывает. Является туда в сопровождении мужчины, которого она и в самом деле случайно встретила на улице. Но только, когда он уже ушел, она проскальзывает на лестницу, поднимается на шестой этаж — в этот час на верхних этажах никого нет — и тщательно обыскивает комнату Петийона.

Почему они так быстро перебрасываются из одного места

в другое? По-видимому, они торопятся. Им нужно найти что-то как можно скорее. И значит, они этого еще не нашли.

Вот почему и Мегрэ действует в лихорадочной спешке. Правда, с ним это бывает каждый раз, когда он удаляется из «Мыса Горн», как будто он ожидает, что в его отсутствие там может произойти какая-то катастрофа.

Он вырывает страничку из записной книжки, стянутой резинкой.

«Сегодня ночью большая облава в IX и XVIII округах».

— Передашь это комиссару Пиолэ... Он поймет...

Выйдя на улицу, он еще раз окидывает взглядом эти столики кафе на тротуаре: люди здесь могут просто жить и наслаждаться весной. Ну ладно! Еще пол-литра пива, быстро! С пенной на своих коротких усах он валится на сиденье такси.

— Сначала в Пуасси... Потом я скажу вам...

Он мучительно борется с дремотой. Сидя с полузакрытыми глазами, он обещает себе, как только закончится это дело, проспать подряд двадцать четыре часа. Он представляет себе свою комнату с широко раскрытым окном, солнце, играющее на занавесках, знакомые звуки, мадам Мегрэ, которая ходит на цыпочках и говорит «тс-с» слишком шумным поставщиком.

Но всего этого, как поется в песне, не будет никогда. Об этом всегда мечтаешь, обещаешь себе, клянешься, потом наступает момент, когда раздается этот проклятый звонок телефона, который мадам Мегрэ хотела бы задушить, как зловредное животное.

— Алло... Да...

И вот Мегрэ уже снова уехал!..

— А теперь куда, начальник?

— Поднимитесь по дороге, налево... Я вас останавливаю...

Сквозь дремоту его снова охватывает нетерпение. С тех пор как он побывал у Гастин-Ренета, он только об этом и думает. Как ему раньше не пришла эта мысль? А ведь он уже «горел», как говорят дети, когда играют в прятки. Его сразу же поразила эта история с тремя комнатами. Потом он уклонился в сторону. Его смутили догадки о ревности...

— Направо... Да... Третий дом... Послушайте, мне бы хотелось не отпускать вас всю ночь... Вы ужинали? Нет? Пойдите... Люка!.. Подойди сюда, старина... Новостей нет?.. Фелиси здесь?.. Как?.. Она позвала тебя и предложила чашку кофе и рюмку вина?.. Да нет! Ты ошибаешься... Это не потому, что она боится... А потому, что сегодня утром я одернул одну индюшку, санитарку, которая насмехалась над ней... Ее благодарность мне перешла на тебя, вот и все... Возьми эту машину... Поезжай в «Золотой перстень»... Поужинай и накорми шофера... Держи связь с кассиршей на почте... Скажи, что сегодня ночью ей, возможно, позвонят по телефону... Велосипед здесь?

— Я видел его в саду, у стены погреба...

Фелиси подходит за ними с порога. Когда машина отъезжает и Мегрэ подходит к ней, она спрашивает с прежней недоверчивостью:

— А вы все-таки ездили в Париж?

Он знает, о чем она думает. Ее мучат догадки, не вернулся ли он в ресторанчик, где они завтракали, не повидался ли там

снова со старым господином в пальто и кашне, и не рассказывал ли тот что-нибудь комиссару, несмотря на ее патетическую записку.

— Пойдем со мной, Фелиси... Нам теперь не до шуток...

— Куда вы идете?

— Наверх, в спальню... Пошли...

Он толкает дверь комнаты старика Лапи.

— Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать... Когда Жак жил в этой комнате в течение нескольких месяцев, какая там стояла мебель, какие предметы там находились?

Она не ожидала этого вопроса и теперь раздумывает, обводя взглядом комнату.

— Во-первых, была медная кровать, которая теперь в чулане... То, что я называю чуланом, — это комната, куда можно пройти через мою, та, где я жила несколько месяцев... Потом там свалили все, что было лишнего в доме, а осенью туда даже складывают яблоки на зиму...

— Кровать... Это во-первых... Затем?... Туалет меняли?

— Нет... Тут стоял этот самый...

— А стулья?

— Постойте... Здесь были стулья с кожаными сиденьями, потом их поставили в столовую...

— А платяной шкаф?

Шкаф он оставил напоследок; сейчас он напряжен, зубы его сжимают трубку так, что эбонит трещит.

— Этот самый.

Он вдруг почувствовал разочарование. Ему кажется, что после ухода от Гастин-Ренета он так спешил только для того, чтобы наткнуться на стену или еще хуже — на пустоту.

— Когда я говорю, что это тот же самый, это и верно, и неверно... В доме два совершенно одинаковых шкафа... Их купили на распродаже три или четыре года тому назад, уж не помню... Мне они не нравились, потому что я предпочитаю зеркальные шкафы... В доме нет ни одного зеркала, в которое можно было бы видеть себя во весь рост...

Уф! Если бы Фелиси знала, какую тяжесть она только что сняла с него. Он уже не обращает на нее внимания. Он бросается в спальню Фелиси, вихрем пересекает ее, влетает в комнату, превращенную в склад, открывает окно, рывком отодвигает закрытые жалюзи.

Как это не поразило его раньше? Чего только нет в комнате: рулон линолеума, старые половики, стулья, поставленные друг на друга, как в закрытых на ночь пивных. Здесь есть и стеллажи из некрашеного дерева, на которых, должно быть, раскладывали яблоки на зиму, ящик со старым насосом, два стола и, наконец, за всей этой рухлядью — шкаф, такой же, как в комнате старика.

Мегрэ так спешит, что задевает части медной кровати, приставленные к стене, и они рушатся на пол. Он подвигает стол, влезает на него, шарит рукой по толстому слою пыли наверху, за верхней поперечной доской платяного шкафа.

— У вас нет никакого инструмента?

— Какой вам нужен?

— Отвертка, ножницы, плоскогубцы, все равно что... — Воло-

сы у него в пыли. Он слышит, как Фелиси идет по саду, спускается в погреб, возвращается с отверткой и молотком.

— Что вы собираетесь делать?

— Приподнять задние доски, черт возьми! — Впрочем, это нетрудно. Одна из них еле держится. Под ней бумага. Мегрэ нащупывает и скоро вытаскивает пакетик, завернутый в старую газету.

Тут он смотрит на Фелиси и видит, что она застыла на месте, подняв к нему смертельно побледневшее лицо.

— Что там, в пакете?

— Понятия не имею!

Она снова заговорила пронзительным голосом, со своим прежним высокомерным выражением.

Он слезает со стола.

— Мы сейчас это увидим, не правда ли? Вы уверены, что не знаете?

Верит он ей? Или не верит? Можно подумать, что он играет с ней в кошки-мышки. Он не торопится и, прежде чем развернуть бумагу, замечает:

— Это газета прошлого года... Хе! Хе!.. Вы не знали, ма-лютка Фелиси, что в доме хранится такое богатство?

Он вытащил из бумаги пачку тысячефранковых билетов.

— Осторожно! Не трогать!

Он снова влезает на стол, снимает все верхние доски шкафа, убеждается, что там больше ничего не спрятано.

— Нам будет удобнее внизу... Пойдем...

Он радостно усаживается за кухонный стол. У Мегрэ всегда была слабость к кухням, где царят приятные запахи, где видишь аппетитные вещи, свежие овощи, кровавое мясо, где очищают цыплят. Графинчик, из которого Фелиси угощала вином Люка, еще не убран, и Мегрэ наливает себе прежде, чем приняться считать деньги с видом добросовестного кассира.

— Двести десять... одиннадцать... двенадцать... Вот две бумажки склеились... Тринадцать, четырнадцать... Двести двадцать три, четыре, семь, восемь...

Он смотрит на нее. Она устремила взгляд на ассигнации, вся кровь отлила у нее от лица, и стали яснее видны следы ударов, нанесенных ей ночью.

— Двести двадцать девять тысяч франков, моя маленькая... Что вы на это скажете?.. В комнате вашего друга Петийона было спрятано двести двадцать девять бумажек по тысяче франков... Ведь они были спрятаны именно в его комнате, вы понимаете?.. Господин, которому так срочно нужна эта сумма, знал, где ее найти... Он не подозревал только одного: что существовало два одинаковых шкафа... Кто мог догадаться, что Лапи был до такой степени маньяком и что, снова переселившись в свою комнату, он перенес туда свой собственный шкаф, а другой, точно такой же, поставил в чулан?..

— Это вам что-нибудь дает? — спросила она, едва шевеля губами.

— Это, во всяком случае, объясняет мне, почему сегодня ночью вам был нанесен удар, от которого вы могли бы потерять сознание, и почему несколько часов спустя все в комна-

те вашего друга Жака на улице Лепик было перевернуто вверх дном...

Он поднимается. Ему необходимо подвигаться. Его радость неполная. Теперь, когда он нашел то, что искал, когда факты подтвердили его предположение, он ясно представляет себе тир у Гастин-Ренета, где у него вдруг появилась эта мысль. Теперь, когда он выяснил один факт, у него возникли другие вопросы. Он расхаживает по саду, выпрямляет стебель розы, машинально поднимает с земли тяпку, которую Лапи по прозвищу Деревянная Нога выпустил из рук за несколько секунд до того, как ушел в свою комнату, чтобы там умереть нелепым образом.

Через открытое окно кухни он видит Фелиси: она словно превратилась в статую. Тень улыбки мелькает на губах комиссара. Почему бы и нет? Он пожимает плечами:

— Все-таки попробуем!

И говорит ей через окно, играя тяпкой, к которой пристала земля.

— Видите ли, Фелиси, детка, я все более и более убеждаюсь, как ни странно вам это может показаться, что Жак Петийон не убивал своего дядю и что он даже ни при чем во всей этой кровавой истории.

Она смотрит на него и глазом не моргнув. На ее осунувшемся лице ни одна черта не дрогнула от радости.

— Что вы на это скажете? Вы должны быть довольны.

Она силится улыбнуться, но ее тонкие губы только жалко растягиваются.

— Я довольна. Благодарю вас...

А ему приходится сделать усилие, чтобы открыто не проявить свою радость.

— Я вижу, что вы довольны, очень довольны... И я уверен, что теперь вы можете мне, чтобы невинность молодого человека, которого вы любите, стала очевидной... Ведь вы его любите, не так ли?

Она отворачивается, конечно, для того, чтобы он не мог видеть ее рот и не заметил, что ей хочется плакать...

— Ну да, вы его любите... Это вполне нормально... Я убежден, что он поправится, вы упадете друг другу в объятия, и, чтобы отблагодарить вас за все, что вы для него сделали...

— Я ничего для него не сделала...

— Пусть так!.. Неважно... Я убежден, повторяю, что вы поженились и что у вас будет много детей...

Как он и ожидал, она взрывается. Разве не этого он хотел?

— Вы зверь!.. Зверь!.. Вы самый жестокий человек, самый... самый...

— Потому что я говорю вам, что Жак невиновен?

Эта, казалось бы, такая простая фраза поражает Фелиси, несмотря на ее гнев, она понимает, что была не права, но уже слишком поздно, и не знает, что сказать; она несчастлива, совершенно растеряна.

— Вы не верите этому... Вы просто хотите заставить меня проболтаться... С того момента, как вы явились сюда...

— Когда вы в последний раз видели Петийона?

— Сегодня утром...

— А до этого?..

Она не отвечает; Мегрэ демонстративно отворачивается и смотрит в сад, на беседку из зелени, на этот выкрашенный зеленой краской стол, на котором в одно прекрасное утро стояли графинчик спиртного и две рюмки. Она знает, о чем он думает.

— Я вам ничего не скажу...

— Знаю. Вы повторяете то же самое по меньшей мере двадцать раз, так что это становится похожим на бормотание причетника в церкви... К счастью, мы нашли деньги...

— Почему «к счастью»?

— Вот видите, вы уже заинтересовались?.. Когда Петийон уехал из «Мыса Горн» год тому назад, он был в ссоре со своим дядей, не так ли?

— Они не ладили, но...

— И значит, он с тех пор сюда не возвращался...

Она пытается угадать, к чему он теперь клонит. Мегрэ чувствует усилия ее мысли.

— И вы его с тех пор не видели! — роняет наконец Мегрэ. — Или, точнее, вы с ним не разговаривали. Иначе вы, конечно, сказали бы ему, что мебель в комнате сменили...

Она чувствует опасность, таящуюся за этими коварными вопросами. Божел! Как все-таки трудно защищаться от этого невозмутимого человека, который курит свою трубку, обволакивая Фелиси отеческим взглядом! Она его ненавидит! Да, ненавидит! Никто еще не заставлял ее так страдать, как этот комиссар, который не дает ей ни секунды передышки и говорит самые неожиданные вещи ровным голосом, не переставая потягивать свою трубку.

— Вы не были его любовницей, Фелиси...

Сказать «да»? Или сказать «нет»? К чему все это приведет?

— Если бы вы были его любовницей, вы бы продолжали с ним видеться, потому что его ссора с дядей не имела никакого отношения к вашей любви. Вы бы сказали ему о том, что старик перебрался в свою комнату... Петийон узнал бы таким образом, что деньги уже не в комнате, а в чулане... Слушайте меня внимательно... Зная это, он не пошел бы в комнату, где бог знает почему был принужден убить своего дядю...

— Это неправда...

— Значит, вы не были его любовницей?..

— Нет...

— У вас не было с ним никаких отношений?

— Нет...

— Он не знал, что вы его любите?

— Не знал...

Мегрэ не пытается скрыть довольную улыбку.

— Так вот, детка, кажется, в первый раз с самого начала этого следствия вы мне не лжете... Видите ли, я с самого начала понял эту любовную историю... У вас, девочка, в жизни не было ничего особенно хорошего... И вот за неимением чего-нибудь существенного, действительного вы создавали себе действительность в своих мечтах... Вы стали не маленькой Фелиси, служанкой старого мсье Лапи, а всеми чудесными героинями из романов, которые вы читали... Деревянная Нога в ва-

шем воображении уже не был просто прижимистым хозяином, а, как в лучших популярных романах, вы становились плодом его греха... Не краснейте... Вам нужны были прекрасные мысли, хотя бы для того, чтобы рассказывать их вашей подруге Леонтине и заносить их себе в записную книжку... Как только в доме появился мужчина, вы мысленно превратились в его возлюбленную, вы переживали большую любовь, а бедный парень, бьюсь об заклад, об этом и не подозревал... Я точно так же могу поклясться, что управляющий Форрентен никогда не обращал на вас внимания, но его козлиная бородка помогла вам превратить его в сатира...

На секунду по губам Фелиси пробежала улыбка. Но она быстро исчезла, и лицо ее снова приняло недовольное выражение.

— К чему вы клоните?

Он признается:

— Еще не знаю, но скоро буду знать благодаря кладу, который мы обнаружили... Теперь я вас кое о чем попрошу... Люди, которые ищут эти деньги и которым они так нужны, что ради них готовы рисковать всем, конечно, ни перед чем не остановятся. Эта простая мысль о перенесенной из комнаты в комнату мебели может им тоже прийти в голову. Я не хотел бы, чтобы вы оставались здесь одна сегодня ночью... Как бы вы меня ни ненавидели, я все-таки прошу у вас разрешения провести сегодняшнюю ночь в этом доме... Вы можете запереться у себя в комнате... Что у вас на обед?

— Кровяная колбаса, и я хотела сделать картофельное пюре...

— Отлично... Пригласите меня... Я только съезжу в Оржеваль кое-кого проинструктировать и вернусь... Договорились?

— Если хотите!

— Улыбнитесь!

— Нет...

Он сует банковые билеты в карман, идет за велосипедом, стоящим около погреба, заодно наливает себе стакан вина, и в тот момент, когда он садится на машину, она бросает ему:

— А я все-таки вас ненавижу!

Он оборачивается, широко улыбаясь:

— А я вас обожаю, Фелиси!

Глава седьмая

НОЧЬ С ОМАРОМ

Половина седьмого вечера. Приблизительно в это время Мегрэ садится на велосипед у входа в «Мыс Горн» и оборачивается, чтобы бросить стоящей на пороге Фелиси:

— А я вас обожаю.

В Безье, в комиссариате полиции, где окно широко открыто, раздается телефонный звонок. Кабинет пуст. Арсен Вадибер, секретарь комиссара, который, сняв тужурку, следит за ходом партии в шары, разыгрываемой в тени платанов, поворачивается к зарешеченному окну, за которым злобно продолжает звонить телефон.

— Иду!.. Иду!.. — с сожалением кричит он.

Из-за его акцента получается:

— Идью... Идью... Алло!.. Это Париж?.. А?.. Что?.. Это Безье... Да, Безье, так и произносится... Уголовная полиция?.. Мы получили ваше сообщение... Я говорю: ваше сообщение... Вы что, там, в Париже, не понимаете по-французски?.. Ваше сообщение относительно некой Адели... Так вот, пожалуй, мы сможем вам помочь...

Он немного нагибается, чтобы разглядеть белую рубашку Греле, который готовится нанести классический удар.

— Это произошло на прошлой неделе, в четверг, в доме... (дом, естественно, превращается у него в «домм»)... Что? В каком домме?.. Да в домме же!.. Здесь он называется «Параду»... Некая Адель, брюнеточка... Что?.. Грудь в форме груш?.. Ну этого я не знаю, мсье... Я их не видел, ее грудей... Да к тому же она уехала... Если бы вы слушали, что я говорю, вы бы уже знали это... У меня есть и другие дела... Говорю вам, что некая Адель решила уйти и потребовала расчет... Помощница хозяйки позвала хозяина... Оказывается, она не имела права уехать так просто, она должна была оставаться до конца месяца. Словом, он отказался отдать ей деньги. Она побила бутылки, выпустила пух из подушек, перевернула все вверх дном и в конце концов, так как у нее не было ни гроша, одолжила денег у своей приятельницы и все-таки уехала... Отправилась в Париж... Что?.. Про это я ничего не знаю... Вы спрашивали об Адели, я вам о ней и рассказываю... Всего хорошего, коллега...

Шесть часов тридцать пять минут. В «Золотом перстне» в Оржевале. Дверь посреди серовато-белого фасада отворена. По обеим сторонам двери — скамьи. У каждой скамьи, в конце — лавровое дерево в кадке. Скамьи и кадки выкрашены в темно-зеленый цвет. Граница между солнечной и теневой сторонами проходит как раз посередине тротуара. У дверей останавливается грузовичок. Из него выходит мясник; на нем рубашка в мелкую голубую клеточку.

В зале, где свежо и сумрачно, хозяин играет в карты с Форрентеном, Лепапом и шофером такси, который привез Мегрэ. Люка наблюдает за игрой и с безмятежным видом покуливает трубку, подражая комиссару. Хозяйка моет стаканы. Мясник говорит:

— Привет всем!.. Мне кружечку, мадам Жанна... Скажите, вам это доставит удовольствие, если я дам вам хорошего омара... Мне подарили в городе двух, а я дома один ем их, потому что моя хозяйка говорит, что у нее от этого начинается крапивная лихорадка... зуд...

Он выходит, чтобы достать из грузовичка живого омара, и приносит его, держа за клешню. Напротив открывается окно, кто-то машет рукой, чей-то голос зовет:

— Мсье Люка, к телефону...

— Скажите мне, прежде чем идти... Вы любите омаров, мсье Люка?

Любит ли он омаров!

— Жермен! Быстро вскипяти воду с корешками, чтобы сварить омара...

— Алло!.. Да, это Люка... Начальник недалеко отсюда... Как? Из Безье?.. Адель?.. В четверг?..

Мегрэ сходит с велосипеда как раз в тот момент, когда мясник уезжает в своем грузовичке. Пока Люка говорит по телефону, комиссар следит за партией в карты. Омар неуклюже ползает по плитам пола, у прилавка.

— Скажите, хозяйка, это ваш омар? Он вам очень нужен?

— Я хотела сварить его для вашего бригадира и шофера.

— Они поедят что-нибудь другое... Если позволите, я его заберу...

Люка пересекает улицу.

— Какую-то Адель разыскиали, начальник... В Безье... Она вдруг сорвалась с места и в четверг уехала в Париж...

Игроки то и дело бросают взгляды в их сторону, ловят обрывки фраз.

Без десяти семь. Инспектор Рондонне и комиссар Пиолэ беседуют в одном из кабинетов уголовной полиции, высокие окна которого выходят на Сену, где надрывается, пыхтя изо всех сил, буксир.

— Алло!.. Оржеваль?.. Не будете ли так любезны, мадемуазель, позвать в кабину комиссара Мегрэ?..

В окне кто-то снова машет рукой. Люка опрометью выбегает из зала. Мегрэ, с омаром в руке, как раз собирался снова оседлать свой велосипед.

— Это вас, начальник...

— Алло!.. Пиолэ?.. Есть новости?..

— Рондонне, кажется, кое-что выяснил... Рассыльный кабачка «Санчо», который находится как раз напротив «Пеликана», говорит, что хозяин того заведения прошлой ночью, пока вы были у него, пошел звонить кому-то в бар на углу... Алло... Да... Немного позже подъехало такси... Никто из него не вышел... Хозяин тихонько поговорил с кем-то, кто сидел внутри... Понимаете?.. Здесь что-то нечисто... А кроме того, в субботу вечером произошла драка в табачной лавочке на улице Фонтэн... Трудно узнать в точности... Ее затеял какой-то тип, он не в ладах с полицией.

— Ай... — ворчит Мегрэ.

— Что?

— Ничего... Это омар... Я слушаю...

— Вот, собственно, все... Мы продолжаем их обрабатывать... Некоторые, по-видимому, многое знают...

— Когда я вернусь... Алло... Надо посмотреть в архивах... Было какое-то дело, уж не знаю какое, ограбление или что-то в этом роде, приблизительно с год и месяц тому назад... Узнать, у кого в это время, в районе площади Пигаль, была любовница по имени Адель... Звонить можно в любой час ночи... Люка будет тут, близко от аппарата... Что там такое?

— Минутку... Это Рондонне позвонил по другому аппарату и говорит со мной... Передаю ему трубку...

— Алло, это вы, начальник?.. Не знаю, имеет ли это отношение... Я вдруг вспомнил, потому что время как раз совпадает... В апреле прошлого года... Как раз я этим и занимался... Улицу Бланш помните?.. Помните Педро, содержателя «Горного козла»?..

Так как омар шевелится, Мегрэ осторожно кладет его на пол и грозит ему пальцем:

— Тихо...

— А?

— Да это я омару... Педро... Напомни-ка мне...

— Кабачок вроде «Пеликана», но более значное место, на улице Бланш... Длинный худой парень, вечно бледный, с единственной седой прядью в черных волосах...

— Припоминаю...

— Было три часа ночи... Он уже собирался запирать дверь... Вдруг подъехала машина, из нее выскочили пять человек; они ворвались в зал, оттолкнув метрдотеля, который уже закрывал ставни...

— Смутно вспоминаю...

— Они втолкнули Педро в каморку за баром... Несколько секунд спустя началась стрельба, зеркала разлетелись вдребезги, они запускали друг другу бутылки в головы, потом вдруг погас свет. Я как раз был в этом районе... Каким-то чудом мы прибыли вовремя и схватили четырех из этих типов, в том числе Руки Вверх, который спрятался на крыше... Педро был мертв, в него всадили четыре или пять пуль... Лишь одному из убийц удалось скрыться, и только через несколько дней мы узнали, что это был музыкант Альбер Бабо... Тот, кого прозвали Маленьким Человеком, потому что он и вправду был маленький и носил обувь на каблуках, чтобы казаться выше... Минутку... Комиссар Пиолэ мне что-то говорит... Нет... Он хочет вам что-то сказать... Передаю ему трубку...

— Алло, Мегрэ... Я тоже помню... Это дело у меня в кабинете... Хотите, я...

— Не стоит... Я теперь вспомнил. Музыканта задержали в Гавре... Через сколько дней?

— Приблизительно через неделю... Благодаря анонимному письму...

— Сколько ему дали?

— Ну, это надо посмотреть в архивах... Больше всех получил Руки Вверх, потому что в магазине его револьвера не хватало трех пуль... Двадцать лет, я хорошо помню... Остальным дали от одного года до пяти... Говорили, что Педро всегда держит дома большие деньги, но у него ничего не нашли... Вы думаете, мы теперь скоро найдем виновного?.. Скажите, а вы не заскочите сюда?..

Мегрэ колеблется; он натыкается ногой на омара.

— Сейчас не могу... Слушайте... Вот что нужно сделать... Люка всю ночь будет держать с вами связь...

Выходя из кабины, он сообщает кассирше:

— Я уже вас предупреждал, что вам не удастся хорошо поспать сегодня ночью... Теперь я думаю, что вам совсем не придется спать...

Он говорит несколько слов Люка, который угрюмо смотрит на омара.

— Хорошо, начальник... Понял, начальник... Такси не отпускать?

— Так будет надежнее...

И снова, глядя на великолепный закат, Мегрэ совершает тот путь, который он столько раз проделал в эти последние дни. Он с удовлетворением созерцает игрушечные домики Жанневилля, которые скоро уже не будут виднеться на его горизонте и станут только воспоминанием.

От земли поднимается аромат, трава блестит, начинают стрекотать цикады, и нет ничего более невинного и успокоительного, чем овощи в аккуратно разделанных огородах, где безмятежные рантье в соломенных шляпах расхаживают со своими лейками.

— Это я! — объявляет он, входя в коридор «Мыса Горн». наполненный запахом жареной кровяной колбасы.

И, держа омара за спиной, говорит:

— Скажите, Фелиси... Важный вопрос...

Она тут же занимает оборонительную позицию.

— Умеете ли вы, по крайней мере, делать майонез?

Она отвечает высокомерной улыбкой.

— Ну так сделайте сейчас же и поставьте варить вот этого господина...

Он доволен. Он потирает руки. Заметив, что дверь в столовую открыта, он входит туда и хмурится, видя, что стол накрыт скатертью в красную клетку, что на него поставлена хрустальная рюмка, лежат серебряные ножи и вилки, стоит красивая корзинка для хлеба, но только один прибор.

Он ничего не говорит. Он ждет. Он, конечно, подозревает, что этим омаром жена будет дразнить его до скончания века. Хотя мадам Мегрэ не равнива, по крайней мере она так говорит.

— Боже мой, к чему я стала бы его ревновать? — охотно воскликнет она с немного натянутым смешком.

И все-таки, когда в семейном кругу или среди друзей зайдет речь о профессиональной деятельности Мегрэ, она охотно будет повторять:

— Не всегда уж это так ужасно, как воображают... Случается и так, что он ведет следствие, лакомясь омаром в обществе некой Фелиси, а потом проводит возле нее и ночь...

Бедная Фелиси! Видит бог, она совсем не думает о пустяках! Она ходит взад и вперед, а в ее упрямой нормандской голове под выступающим, как у козочки, лбом мечутся мысли, полные страха и отчаяния. Сумерки печалят ее, тревожат. Через открытое окно она следит глазами за Мегрэ, который расхаживает по саду.

Что это, он срезает цветы? И сам ставит их в вазу?

— Кстати, Фелиси, где обедал бедняга Лапи?

— На кухне. Почему? Да просто не стоило пачкать столовую для него одного.

— Черт подери!

И вот он переносит прибор, скатерть, накрывает на столazole газовой плиты, в то время как она так нервничает, что боится испортить майонез.

— Если все пойдет как следует, если вы будете вести себя хорошо, я, может быть, сообщу вам завтра приятную новость...

— Какую новость?

— Да я же вам говорю, что сообщу ее только завтра утром!

Если бы даже он и хотел быть с ней помягче, у него это не получилось бы. Хотя и чувствует, что она расстроена, что ее нервы натянуты до предела, он не может удержаться от того, чтобы не дразнить ее, как будто испытывает потребность отомстить за что-то.

Может быть, он немного смущен тем, что находится здесь, вместо того, чтобы руководить операциями широкого масштаба, которые начинают разворачиваться вокруг площади Пигаль?

Место генерала не в самой гуще схватки...

Пусть! Но он ведь так далеко, что приходится организовывать целую систему эстафет, мобилизовать кассиршу на почте и заставлять славного Люка ездить из Оржеваля в Жанневиль и из Жанневилья в Оржеваль, как простого деревенского почтальона.

Разве это необходимо?

Человек, который ищет клад, может догадаться о том, что мебель переставляли, он, возможно, вздумает вернуться, и, кто знает, удовольствуется ли он тем, чтобы оглушить Фелиси ударом кулака?

Все, разумеется, логично, однако же дело не в этом. На самом деле Мегрэ испытывает известное удовлетворение оттого, что пребывает здесь, в этой спокойной, почти нереальной обстановке игрушечной деревни, и в то же время думает о другом, гораздо более реальном и жестоком мире.

— Зачем вы принесли сюда ваш прибор?

— Потому что я хочу обедать вместе с вами. Я вам объявил об этом, когда просил вас пригласить меня... Это наш с вами первый и, вероятно, последний обед... Если только...

Он улыбается. Она допытывается:

— Если только?..

— Ничего... Завтра утром, детка, мы поговорим обо всем и, если у нас будет время, пересчитаем, сколько раз вы говорили мне неправду... Возьмите эту клешню... Нет, возьмите...

И пока они ели при свете лампы, он вдруг невольно подумал: «А все-таки ведь Деревянную Ногу убили!»

Бедная Деревянная Нога! Любопытная у него судьба! Он так боялся всяких приключений, что отказался даже от самого обычного — от женитьбы. Что не помешало ему отправиться на край света и там потерять ногу!

Его стремление к покою привело его в этот Жанневиль, куда, казалось бы, нет доступа человеческим страстям, где дома похожи на игрушки, а деревья на деревца из раскрашенной фанеры, которые дети расставляют возле своей игрушечной овчарни.

Однако же приключение настигло его и здесь, оно угрожало ему, явившись из таких мест, где он никогда не бывал, с этой площади Пигаль, об ужасах которой он, вероятно, едва ли подозревал, из этого совершенно обособленного мира, из этих парижских джунглей, где у тигров напояженные волосы, а в кармане револьверы.

Однажды утром, так похожим на другие, утром, словно написанным акварелью, он работал в саду с соломенной шляпой на голове. Он сажал невинные томаты, возможно, уже представляя себе их тяжелыми, сочными и красными, с тонкой кожей,

лопающейся под солнцем, а несколько минут спустя уже лежал мертвый в своей спальне, приятно пахнувшей воском и деревней.

Как это бывало и раньше, Фелиси ест на уголке стола, поминутно отрываясь от еды, чтобы посмотреть за кастрюлей, стоящей на газовой плите, или налить кипящей воды в кофейник.

Окно открыто в синеву ночи, похожую на бархат, усеянный звездами; перекликаются невидимые кузнечики, и в их концерт вступают лягушки; в долине проходит поезд, в «Золотом перстне» играют в карты, а верный Люка ест котлеты вместо омара.

— Что вы делаете?

— Мою посуду...

— Сегодня не надо, детка... Вы и так замучились... Доставьте мне удовольствие, ложитесь спать... Конечно же, вы закроете свою дверь на ключ...

— Мне не хочется спать...

— Правда? Ну так я дам вам кое-что, и вы заснете... Налейте-ка полстакана воды... Две таблетки... Вот... Теперь запейте... Не бойтесь... Я вовсе не намерен вас отравить...

Она пьет, чтобы показать ему, что не боится. Отеческий вид Мегрэ вызывает в ней потребность повторить еще раз:

— А все-таки я вас ненавижу... Когда-нибудь вы пожалеете о том, что наделали столько зла... А впрочем, завтра я уйду...

— Куда?

— Куда глаза глядят... Не хочу вас больше видеть... Не хочу больше оставаться в этом доме, где вы теперь сможете делать все, что захотите...

— Договорились. Завтра...

— Куда вы идете?

— Поднимаюсь вместе с вами... Хочу проверить, удобно ли вам у вас в комнате... Так... Ставни закрыты... Доброй ночи, Фелиси...

Когда он снова спускается в кухню, панцирь омара все еще на столе на фаянсовой тарелке; там он и останется на всю ночь.

Будильник на черной каминной полочке показывает девять часов тридцать минут. Он снимает башмаки, бесшумно поднимается по лестнице, слушает у двери и убеждается, что Фелиси, сраженная гарденалом, спокойно спит.

Без четверти десять. Мегрэ сидит в плетеном кресле Деревянной Ноги. Он курит трубку, глаза его полузакрыты. Слышится гул мотора, хлопает дверца машины. В темноте коридора Люка натолкнулся на вешалку и выругался.

— Только что звонили, начальник...

— Тш... Тише... Она спит...

Люка чуть-чуть обиженно смотрит на омара.

— У Музыканта была любовница, известная под именем Адель. Ее досье разыскали. Ее настоящее имя Жанна Гробуа. Она родилась где-то около Мулэна...

— Дальше...

— Когда произошел налет на «Горного козла», она работала в пивной «Тиволи», в Руане... Она уехала оттуда на следующий день после смерти Педро...

— Должно быть, поехала за Музыкантом в Гавр... А потом?

— Несколько месяцев пробыла в Тулоне, во «Флорали», затем в Безье... Она не скрывала, что ее любовник в тюрьме Сантэ...

— А теперь ее снова видели в Париже?

— В воскресенье... Одна из ее прежних подружек встретила ее на площади Клиши... Адель сообщила, что скоро уезжает в Бразилию...

— Это все?

— Нет... Музыканта освободили в прошлую пятницу...

Все это еще подготовительная работа, как говорит Мегрэ. В тот же час полицейские автобусы стоят наготове в укромных уголках пустынных улиц вокруг площади Пигаль. На набережной продолжают допрашивать все тех же господ, которые проявляют нетерпение и уже почуяли, что это дело плохо пахнет.

— Позвони, чтобы тебе сейчас же прислали фото Музыканта... Оно должно быть у них в архиве... Или лучше так... Позвони и пошли такси...

— Больше ничего, начальник?

— Нет, вот еще что... Когда шофер вернется с фотографией, ты заскочишь в Пуасси... Там возле моста есть кабачок... Он будет закрыт. Разбудишь хозяина... Это бывший «отпетый»... Сунешь ему под нос фото Музыканта и спросишь его, тот ли это тип, который в воскресенье вечером повздорил у него в кабачке с Фелиси...

Машина отъезжает. Снова тишина, ночь без происшествий. Мегрэ согрывает в руке рюмку спиртного, которую он себе налил, и потягивает из нее, время от времени поглядывая на потолок.

Фелиси повернулась во сне, и ее матрац закрипел. Что может ей сниться? Интересно, ночью у нее такое же богатое воображение, как и днем?

Одиннадцать часов. Сотрудник в серой спецовке в архиве Дворца правосудия достает из папки две фотографии с чересчур четкими линиями, одна анфас, другая в профиль. Он отдает снимки шоферу, который должен передать их Люка.

На улицах, прилегающих к площади Пигаль, люди выходят из монмартрских кино; светящиеся крылья Мулен-Руж вращаются над толпой, через которую с трудом прокладывают себе путь автобусы; швейцары в синих, красных, зеленых ливреях, казачки и вышибалы-негры занимают свои посты у дверей ночных кабачков в то время, как комиссар Пиолэ с середины площади наблюдает за невидимой операцией.

Жанвье занял место в баре, в тускло освещенном зале «Пеликана», где музыканты снимают чехлы с инструментов. От него не ускользает, что один из официантов выходит на улицу, возвращается оттуда с растерянным видом и уводит хозяина в туалет.

Честные люди, которые хорошо провели вечер, присаживаются на террасах пивных, чтобы выпить пива, прежде чем пойти спать. А в это время на другом Монмартре, на том, который еще только начинает жить, слышатся разные звуки, шепот, в воздухе чувствуется какая-то нервозность. Хозяин возвращается из туалета, улыбается Жанвье, тихо говорит что-то одной из женщин, сидящих в углу.

— Я думаю, что сегодня уйду пораньше... Я устала! — заявляет она.

Многие подобные ей, как только появятся полицейские автобусы, теряют желание долго оставаться в опасном секторе... Но на бульваре Рошешуар, на улице Дуэ, на улице Нотр-Дам-де-Лоретт, у всех выходов из квартала перед этими дамами и господами вдруг из темноты появляются незаметные до тех пор люди.

— Ваши документы...

Остальное уж зависит от того, какое у этих людей настроение.

— Проходите...

Или чаще всего:

— Садитесь в автобус...

В полицейский автобус, фонари которого поблескивают вдоль тротуара!

Ну а Музыкант и Адель, они все еще в мышеловке? Проскользнут ли они сквозь петли расставленной сети? Во всяком случае, они знают об опасности. Даже если они прячутся где-нибудь на чердаке — нашлась, конечно, добрая душа, которая их предупредила.

Без четверти двенадцать. Люка коротает часы, играя в домино с хозяином «Золотого перстня» в пустом зале, где потушены все лампы, кроме одной. Услышав, что подъехало такси, он встает.

— Я всего на полчаса, — говорит он. — Только доеду до Пуасси, а потом еще скажу два слова комиссару...

В кабачке темно; Люка стучит в дверь, и стук гулко раздается в тишине ночи. Прежде всего в окне показывается голова женщины с бигуди в волосах.

— Фернан... Это к тебе...

Зажигается свет, слышны шаги, ворчание, дверь приотворяется.

— А?.. Что вы говорите?.. Я так и думал, что у меня будут из-за этого неприятности... Я же плачу за патент!.. У меня расходы... Я вовсе не собираюсь впутываться в темные дела...

Стоя возле прилавка, в полумраке зала, с подтяжками, болтающимися на бедрах, с растрепанными волосами, он рассматривает оба снимка.

— Понял... Ну? Так что же вы хотите знать?

— Вот об этом Тине говорила Фелиси?

— Ну и что с того?

— Ничего... Этого достаточно... Вы его знали раньше?

— Больше всего он вертелся здесь как раз в тот вечер...

А что он натворил?

Полночь. Люка выходит из машины, а Мегрэ подскакивает в кресле, как задремавший и внезапно разбуженный человек. Он почти безучастно слушает то, что ему рассказывает бригадир.

— Я так и думал...

С этими молодчиками, какими бы «отпетыми» они себя ни считали, все получается очень просто. Их уже знаешь. Можно заранее сказать, что они сейчас выкинут. Не то что этот экземпляр, Фелиси, с которой ему пришлось повозиться гораздо дольше.

— Что мне делать, начальник?
— Вернешься в Оржеваль... Будешь играть в домино, пока тебя не позовут к телефону...
— Кто вам сказал, что я там играю в домино?
— Да ведь в бистро вас только двое, хозяин да ты, а в карты ты играть не умеешь...
— Вы думаете, здесь что-нибудь произойдет?
Мегрэ пожимает плечами. Он не знает. Да это и неважно. Тогда до свидания...

Час ночи. Фелиси что-то говорит во сне. Мегрэ, стоя за дверью, пытается расслышать ее слова, но ему это не удастся. Он машинально повернул ручку, и дверь приотворилась.

Он улыбается. Это мило с ее стороны! Значит, Фелиси все-таки ему доверяет, раз она не заперла дверь на ключ. С минуту он слушает ее дыхание, неясные слова, которые она шепчет, как ребенок, он видит молочно-белое пятно постели, черные волосы на подушке и потихоньку закрывает дверь, на цыпочках спускается с лестницы.

Пронзительный свисток на площади Пигаль. Это сигнал. Все выходы закрыты. Полицейские в форме шагают сплошной шеренгой, хватают на ходу мужчин и женщин, появляющихся отовсюду и стремящихся перейти за линию ограждения. Одного полицейского жестоко укусила за палец рыжая толстуха в черном платье. Машины полны задержанными.

Хозяин «Пеликана», стоя на пороге, нервно потягивает сигарету, пытается протестовать:

— Уверю вас, господа, у меня никого нет. Несколько подвыпивших американцев...

Кто-то потянул за тужурку молодого инспектора Дюнана, того, который принимал Мегрэ в отеле «Уют». А! Это коридорный отеля. Наверно, он пришел сюда из любопытства?

— Скорее... Вон она...

Он показывает на застекленную дверь бара, где уже нет никого, кроме хозяина за стойкой. В глубине кто-то захлопнул дверь, но инспектор все-таки успел заметить женский силуэт.

— Та, что приходила в отель с мужчиной...

Адель... Инспектор подзывает двух полицейских. Они бросаются к двери, бегут через пустые туалеты, спускаются по узкой лестнице, где пахнет сыростью, спиртом и мочой.

— Отворите...

Перед ними подвал. Дверь заперта на ключ. Один из полицейских нажимает на нее плечом.

— Эй, кто там, руки вверх...

Электрический фонарь освещает бочонки, клетки с бутылками, ящики с аперитивом. Тишина. Или, вернее, если стоять неподвижно, как приказал инспектор, можно угадать чье-то учащенное дыхание, можно даже поклясться, что слышен трепет чьего-то загнанного сердца.

— Встаньте, Адель...

Она в бешенстве вскочила из-за груды ящиков, она безнадёжно отбивается, несмотря ни на что, хочет вырваться из рук полицейских, которым едва-едва удастся надеть ей наручники.

— Где твой любовник?

— Не знаю...

— Что ты делала на улице?

— Не знаю...

Она усмехается.

— Легче напасть на беззащитную женщину, чем на Музыканта, а?

У нее из рук вырвали сумку. В баре ее открывают: там только профессиональная карточка, не очень-то почетная, немного мелочи и письма, написанные карандашом, — наверное, письма, которые Музыкант переправлял своей любовнице из тюрьмы, потому что адресованы они в Безье.

Первый полицейский автобус, наполненный до отказа, направляется в участок, где сегодня ночью будет тесно. Много джентльменов в смокингах, много вечерних платьев, забрали даже официантов и швейцаров.

— Ну вот, привели, не его, так хоть его подружку, господин комиссар...

Комиссар Пиолэ допрашивает ее, не очень надеясь на результат:

— Ты уверена, что не хочешь выложить все? Где он?

— Вы его не найдете...

— Забирайте ее... Нет, не в автобус... Пошлите ее к Рондонне...

В меблированных отелях стучат во все двери, проверяют документы, и господам в одних рубашках очень неприятно, что их застали здесь, да еще и не одних.

— Я прошу вас только сделать так, чтобы моя жена...

— Ну, разумеется, разумеется!

— Алло! Это вы, Люка? Скажите, пожалуйста, Мегрэ, что Адель здесь... Да... Она, конечно, молчит... Нет, о Музыканте ничего нового... Ее допрашивают, да... За районом по-прежнему ведется наблюдение...

Теперь, когда самое главное сделано, в окрестностях площади Пигаль все успокоилось, словно наступил мертвый штиль после бури. На улицах тише, чем обычно, и полуночники, приезжающие из центра города, удивляются, что в кабачках так уныло, что даже зазывалы окликают их неуверенно.

Четыре часа утра. Люка уже в третий раз возвращается в «Мыс Горн». Мегрэ снял воротничок, галстук.

— У тебя случайно нет табака? Вот уже полчаса, как я выкурив последнюю трубку...

— Адель забрали...

— А его?

Он боится, что ошибается, и все-таки... У Музыканта нет ни гроша, это можно сказать почти наверняка... За день до того, как он вышел из тюрьмы, Адели пришлось уехать из Безье без копейки... Он приезжает в Пуасси... Воскресенье... Может быть, он побывал и в Жанневиле? Он заходит в кабачок вслед за Фелиси... Если бы ему удалось соблазнить эту служаночку, одетую как какаду, это ведь было бы проще всего?.. Он легко мог бы попасть к ней в дом...

Но она награждает его пощечиной!

А на следующий день, в понедельник, старик Лапи был убит в своей спальне. Музыканту пришлось убежать без пакета с деньгами.

- В котором часу задержали Адель?
- Полчаса тому назад... Они нам сразу же позвонили...
- Поезжай... Возьми такси...
- Вы думаете, он...
- Поторопись... Поезжай, говорят тебе...

Мегрэ тщательно запирает дверь, снова садится в кухне у окна, потушив свет и еще раз взглянув на красный панцирь омара, оставшийся на столе.

Глава восьмая

КОФЕ С МОЛОКОМ ДЛЯ ФЕЛИСИ

Глаза ее широко раскрыты. Она не знает, который час. Накануне вечером она забыла завести будильник, как она это делает обычно. Комната тонет в полумраке, и только по серебристым полоскам между створками ставен можно угадать, что наступает утро.

Фелиси прислушивается. Она ничего не знает. Она еще не совсем очнулась от сна и не может сразу отличить действительность от своих сновидений. Во сне она ссорилась, помнит, что яростно спорила, даже дралась с этим невозмутимым человеком, которого терпеть не может и который поклялся ее погубить. О, как она его ненавидит!

Кто открывал дверь? Ведь ночью кто-то открывал дверь ее комнаты. Она со страхом ждала. Было совершенно темно. И вдруг желтоватый свет проник в комнату с лестничной площадки, потом дверь затворилась, заворчал мотор... Во сне она часто слышала ворчание мотора...

Она не шевелится, боится пошевелиться, ей кажется, что над нею нависла опасность, на желудке у нее какая-то тяжесть... Омар... Она вспомнила, что поела слишком много омара... Проглотила снотворное... Он заставил ее проглотить снотворное...

Она прислушивается. Что это? В кухне кто-то есть. Она узнает знакомый звук кофейной мельницы. Это, конечно, сон. Не может быть, чтобы кто-нибудь молот там кофе...

Она уставилась глазами в потолок, напрягла все свои способности. Кто-то льет кипяток в кофейник. Запах кофе поднимается по лестничной клетке и доносится до нее. Стучит фаянсовая посуда. Раздаются и другие хорошо знакомые ей звуки: кто-то открывает сахарницу, дверцу стеного шкафа...

Кто-то поднимается по лестнице. Она помнит, что накануне не заперла дверь. Почему не повернула ключ? Из гордости! Да! Чтобы не показать этому человеку, что боится. Она хотела потом потихоньку запереть дверь, но сразу же заснула.

Кто-то стучит. Она приподнимается на локте. Со страхом смотрит на дверь; нервы ее натянуты. Снова стук.

— Кто там?

— Несу вам завтрак...

Нахмутив брови, она ищет свой халат, не находит, быстро забирается под простыню в тот момент, когда дверь откры-

вается, и она видит сначала поднос, покрытый салфеткой, чашку в синий горошек...

— Хорошо спали?

Появляется Мегрэ, более безмятежный, чем когда-либо. Ему как будто и в голову не приходит, что вошел в комнату девушки и что она еще в постели.

— Что вам здесь нужно?

Он ставит поднос на столик. Вид у него свежий, отдохнувший. Где он успел умыться? Наверное, внизу, в кухне. Или на краю колодца. Волосы у него еще влажные.

— По утрам вы пьете кофе с молоком, не правда ли? К сожалению, я не мог отлучиться, чтобы сходить к Мелани Шошуа за свежим хлебом. Кушайте, детка... Хотите, я отвернусь, пока вы наденете халат?

Она невольно повинуется, глотает горячий кофе с молоком, но вдруг замирает с чашкой в руке.

— Кто там, внизу?

Кто-то шевелится там, она в этом уверена.

— Кто там, внизу?.. Отвечайте...

— Убийца...

— Что вы говорите?

Она вскочила, отбросив простыни.

— Что вы еще подстраиваете? Вы, видно, решили свести меня с ума... И меня некому защитить, некому...

Он садится на край постели и, глядя, как она волнуется, качает головой, вздыхает:

— Говорят же вам, что внизу убийца... Я был уверен, что он вернется... В его положении только и оставалось, что рискнуть всем... К тому же он, вероятно, думал, что я руковожу операциями в Париже. Он никак не предполагал, что я буду упорно наблюдать за этим домом.

— Он пришел?

Она запнулась, не зная, что думать. Она хватается Мегрэ за руки и кричит:

— Но кто же? Кто это? Разве это возможно, чтобы...

Она так хочет скорее узнать все, увидеть своими глазами, что бросается на лестницу одна, тоненькая, нервная, в своем халате небесно-голубого цвета. Но, охваченная страхом, тут же останавливается.

— Кто это?

— Вы меня все еще ненавидите?

— Да... Не знаю...

— Почему вы мне лгали?

— Потому что потому!

— Послушайте, Фелиси...

— Не желаю больше вас слушать... Сейчас открою окно, позову на помощь...

— Почему вы мне не сказали, что в понедельник утром, вернувшись из лавки, вы видели, как Жак Петийон как раз выходил из сада?.. Ведь вы же его видели... он же прошел за изгородью... Это для него старик Лапи достал из стенного шкафа графин и две рюмки... Он думал, что племянник приехал к нему помириться, может быть, просить у него прощения, кто знает?

Вся похолодев, неподвижная, она слушает его не возражая.
— И вы подумали, что это Жак убил своего дядю. В спальне старика вы нашли револьвер и хранили его у себя на груди три дня, пока не избавились от него, сунув эту машинку в карман какому-то пассажиру в метро... Вы считали себя героиней... Вы хотели любой ценой спасти человека, которого вы любили, а он-то и понятия не имел об этом, бедняга! Так что благодаря вам и вашим выдумкам его чуть не посадили за преступление, которого он не совершал...

— Откуда вам это известно?

— Потому что настоящий-то убийца здесь, внизу...

— Кто он?

— Вы его не знаете...

— Вы опять пытаетесь что-то у меня выведать... Но я больше не буду отвечать, слышите, я больше ничего не скажу... Прежде всего выйдите отсюда и дайте мне одеться... Нет... Оставайтесь... Почему Жак пришел именно в понедельник утром?

— Потому что его заставил Музыкант.

— Какой музыкант?

— Один его приятель... В Париже, знаете, можно познакомиться с разными людьми, и с хорошими и с плохими...

— Значит, Жак невиновен?

— Если невиновен, то вы меня уже не ненавидите. Если виновен, значит, наоборот... Ай да Фелиси! Ну так слушайте: Жак виновен в том, что однажды вечером, немного больше года назад, когда он еще жил в этом доме, под крышей у своего дяди, так вот, повторяю, он виновен в том, что приютил на одну или несколько ночей одного типа, с которым познакомился на Монмартре... Это Альбер Бабо по прозвищу Музыкант, или Маленький Человек...

— Почему Маленький Человек?

— Мне трудно вам это объяснить... Его разыскивала полиция после налета на «Горный козел», и Музыкант вспомнил о своем друге Петийоне, жившем тогда за городом у своего старого дяди... Хорошее убежище для молодчика, которого разыскивает полиция...

— Вспоминаю... — вдруг сказала она.

— Что?

— Единственный раз, когда Жак... единственный раз, когда он был груб со мной... Я вошла в комнату не постучавшись... И я успела услышать шум, как будто что-то прятали...

— Это был кто-то, кого прятали или кто прятался... И этот кто-то, прежде чем сбежать, решил, что надежнее всего будет спрятать свои деньги здесь же, в этой комнате, приподняв доску платяного шкафа... Его забрали... Он отсидел год в тюрьме... Что вы на меня так смотрите?

— Ничего... Продолжайте...

Она покраснела. Она отводит глаза, которые с невольным восхищением смотрели на комиссара.

— Ясно, что, когда он вышел из тюрьмы без гроша в кармане, ему понадобился его клад. Сначала он хотел поухаживать за вами — ведь это было бы удобным способом проникнуть к вам в дом...

— За мной! Вы воображаете, что я...

— Вы дали ему пощечину... Тогда он разыскал Петийона, наговорил ему, что оставил здесь какую-то важную для него вещь, что Петийон должен помочь ему достать ее... Пока Жак беседовал со стариком Лапи в саду...

— Понимаю.

— Наконец-то.

— Спасибо!

— Не за что... Должно быть, Деревянная Нога услышал шум... У него, наверное, тонкий слух...

— Даже слишком!

— Он поднялся к себе в спальню, и Музыкант, захваченный в тот момент, когда он собирался встать на стул, потерял самообладание и всадил в него пулю... Испуганный выстрелом, Петийон убежал, пока убийца удирал в другую сторону... Вы заметили Жака, вашего Жака, имя которого вы пишете одними заглавными буквами, но вы не видели Музыканта, удиравшего по другой дороге... Вот и все... Жак, конечно, ничего не сказал... Когда почувствовал, что его подозревают, он растерялся как мальчишка — он, впрочем, и есть мальчишка...

— Неправда!

— Вы не согласны с тем, что он мальчишка? Тем хуже! Тогда он просто дурак. Вместо того чтобы прийти ко мне и все мне рассказать, он вбил себе в голову, что должен разыскать Музыканта и потребовать от него отчета. Он искал его по всем подозрительным местам, где, как он знал, его можно было встретить, и с отчаяния даже поехал в Руан, чтобы расспросить его любовницу...

— Откуда он знал эту женщину? — быстро спрашивает Фелиси, уязвленная ревностью.

— Об этом я понятия не имею, детка... В Париже, знаете ли... Словом, он нервничает... Он дошел до предела... Вечером он уже больше не может ждать и готов расколоться, но в это время убийца, которого предупредили, пускает в него пулю, чтобы научить его молчать...

— Не говорите так...

— В ту же ночь Музыкант возвращается сюда в надежде достать наконец свои деньги... Вы не можете себе представить, как трудно ускользнуть от полиции, когда у тебя нет ни гроша в кармане... Он ничего не находит над платяным шкафом... Зато оставляет вам небольшой сувенир... Раз денег здесь нет, то возможно, что Петийон обнаружил их, и вот почему Адели поручается обыскать его комнату на улице Лепик... Там тоже ничего не находят... В эту ночь на Монмартре облага... Этого человека травят, как дикого кабана... Адель арестовывают... Музыкант, бог его знает как, прорывается через оцепление полиции и едет на машине в Пуасси. За неимением денег он платит шоферу такси ударом дубинки по затылку...

Фелиси вздрагивает. Она смотрит Мегрэ в лицо, как будто видит, как на нем, словно на экране, пробегают захватывающие дух кадры приключенческого фильма.

— Он пришел?

— Пришел... Потихоньку, без шума... Пересек сад, не сломав ни веточки, прошел мимо открытого окна кухни и...

Она уже смотрит на Мегрэ как на героя. Она восхищается.

— Вы с ним боролись?

— Нет... В тот момент, когда он меньше всего ожидал этого, он почувствовал неприятное прикосновение дула револьвера к своему виску...

— И что он сделал?

— Он ничего не сделал... Он сказал: «Вот дерьмо! Меня зацапали...»

Она разочарована. Нет, невозможно, чтобы все произошло так просто. Ее вновь охватывает недоверие.

— Вы не ранены?

— Да говорю же вам...

Она все же уверена, что он боролся, что он герой, что...

Вдруг она видит поднос на столике.

— И вы еще молили кофе! Вам пришла в голову... мысль приготовить мне кофе с молоком, принести мне наверх завтрак...

Сейчас она заплачет... Она плачет оттого, что растрогана, восхищена...

— Вы это сделали, вы!.. Но почему?.. Скажите, почему?..

— Черт побери! Потому что я вас ненавижу! Я до того ненавижу вас, что, когда Люка придет с машиной, я уеду и увезу с собой свою колбасу... Я забыл вам сказать, что Музыкант перевязан, как колбаса... Мне даже пришлось взять веревку этого бедняги Лапи...

— А как же я?

Он с величайшим трудом удержался от того, чтобы не улыбнуться, услышав это «А как же я?», в которое она, сама того не зная, вложила всю свою душу.

— А как же я? Я останусь совсем одна? И никто больше не будет принимать меня всерьез? И никто не станет расспрашивать меня, дразнить, никто не будет... А как же я?

— Наладьте отношения с Жаком... В магазине, который вы знаете, все так же продаются виноград, апельсины и шампанское... Я забыл, когда в госпитале приемные часы, но вам там скажут...

Вдали появилось такси, и силуэт машины, столь обычный в Париже, кажется немного неожиданным на этой дороге, выходящей среди полей.

— Вы бы теперь оделись...

Не оборачиваясь, он выходит на лестницу и при этом слышит ее шепот:

— Почему вы такой недобрый со мной?

Минуту спустя он подходит к Музыканту, связанному в кресле старика Лапи. Над его головой раздаются шаги, кто-то плещется в воде, из шкафа достают одежду, слышен чей-то голос,— она так волнуется, что не может удержаться и говорит сама с собой.

Ну конечно, Фелиси-то здесь!

Перевод с французского Н. БРАНДИС и А. ТЕТЕРЕВНИКОВОЙ

Вольфганг С. ЛАНГЕ (ГДР)

ПУСТАЯ ГОЛОВА

Рассказ

Того, что я чувствовал, и злейшему врагу не пожелаю. В рот мне напихали ваты, а желудок переворачивался, как если бы я целый час катался на карусели. Но я сам в этом виноват. Не надо было снова начинать пить. Вместо того чтобы лечь в постель, отправился в этот дрянной бар, где трое музыкантов галдели громче сотни шотландских волынок. Под потолком висело густое облако табачного дыма.

Я толкнул свою пустую рюмку по замызганной стойке. Как-то нужно было ведь попытаться избавиться от проклятой ваты. Впрочем, я почти наверняка знал, что и это средство не поможет. Даже оно не поможет. В сущности, меня мучил страх, обыкновенный страх, это он сдавливал мое горло и переворачивал желудок. Никогда прежде не испытывал ничего подобного. Мне было все равно, что станет со мной, или, лучше сказать, я просто не думал, что и со мной может стрястись беда. Здесь-то и была ошибка. Следовало помнить,

что в таком состоянии со мной все может случиться. Но последние дни я был сам не свой, вздрагивал от малейшего шороха.

И потом еще этот покойник. Все или почти все время он был у меня перед глазами. Я не мог отделаться от него даже во сне. Он вползал в мои сновидения, открывал рот, будто желая что-то сказать, но с губ его всякий раз срывался только крик. Пронзительный крик, каленым железом впивавшийся в мои уши.

Блондинка с серьгами величиной с талер* снова двинула ко мне наполненную рюмку.

— Я хорошо знаю, как это бывает, — сказала она. — Когда видишь столько людей, сколько я, сразу все понимаешь. Недавно здесь был один, от которого сбежала жена. Сперва он говорил, что бросится под грузовик, но через пару дней я опять его встретила, и по его виду непохоже было, что ему это удалось.

У меня не было ни малейшего желания вступать с ней в разговор, тем более что свое знание людей она явно преувеличивала. Кроме того, у меня не создалось впечатления, что она способна утешить мужчину. Во всяком случае, словами. Все же я сказал:

— С грузовиком это неплохая идея. Но есть и получше. Когда-нибудь на досуге расскажу.

— Ну, — сказала она, — должно быть, это интересно. Хотите еще выпить?

Я показал на свою рюмку, которая была еще полна, и покачал головой. Но так как бутылка была уже у нее в руках, выпил, потому что не люблю доставлять людям лишней работы. А ей определенно нелегко было иметь дело с такими чудоковатыми клиентами, каким сейчас был я.

Человек на соседнем табурете рыгнул и испуганно прикрыл ладонью рот. Ему, очевидно, стало неловко, хотя никто, кроме меня, его не слышал, потому что двое из трех музыкантов, как ненормальные, тарахтели по какому-то подобию стиральных досок. Я подумал: не лучше ли уйти? Что толку маяться всю ночь, ожидая чего-то, что отвлечет тебя от твоих мыслей? Такое никогда не случается по заказу.

Мой сосед снова рыгнул. На сей раз он не испугался. Кажется, он мало-помалу к этому привыкал. Начал рассказывать блондинке с серьгами величиной с талер про коммивояжера, который чувствует себя таким одиноким. При этом он вытаскил бумажник, позволив разглядеть несколько ассигнаций. Но барменша слышала уже эту историю, что меня не удивило. К тому же у него не хватало переднего зуба и почти не было волос. Я закурил сигарету и опять толкнул по стойке пустую рюмку.

Наискосок от меня на табурет взобралась девушка в темно-зеленом, сильно декольтированном платье и с глазами как у кошки. Мне нравятся такие глаза. Я всегда вижу в них предвестник приключения. Блондинка плеснула в мою рюм-

* Старинная немецкая серебряная монета. (Прим. перев.)

ку коньяку и поставила под носом у девушки-кошки хайбол. Возможно, это вышло случайно, что девушка пригубила свой напиток в тот самый момент, когда я поднял рюмку, но, возможно также, что это было сделано намеренно. Когда мы выпили, она кивнула, и тут я увидел, что кивок адресован не мне, а моему лысому соседу. Хотя я в тот вечер менее всего был расположен к флирту, все же почувствовал себя задетым. Терпеть не могу мужчин, воображающих, что им все доступно просто потому, что у них толстый бумажник. И облокотился о стойку, чтобы загородить лысому перспективу.

— Весьма легкомысленно с вашей стороны, если хотите знать мое мнение, — сказал я. — Здесь, во Франкфурте, полно людей, которые только и ждут, чтобы стащить у кого-нибудь вроде вас бумажник.

Вид у него стал еще глупее. Если он был здешний, меня ждала неудача. Но могло быть, что история о коммивояжере не выдумана.

— Эта напротив — штучка. Она обрабатывает пожилых господ, а на улице уже ждут двое из ее банды. Когда она поведет вас к себе, ониогреют куском резиновой трубы, и завтра вам нечем будет заплатить даже за хлеб.

На лысого подействовало. Прижал руку к груди, словно проверяя, там ли еще сердце. Но думал он не о сердце.

— Вы это серьезно? — спросил он и поспешно отвел глаза, когда девушка-кошка снова ему улыбнулась.

— Разумеется. Я ведь время от времени работаю на полицию, так что мне такие вещи известны.

— Кто же вы?

— Частный сыщик. Ваша жена наняла меня за вами следить.

Лысый тяжело задышал. Хотя он, несомненно, смекнул уже, что я его дурачу, аппетит к кошачьим глазам у него пропал. Никому не понравится, чтобы ему напоминали о жене как раз тогда, когда он собрался поразвлечься на стороне.

Девушка в темно-зеленом платье поняла, что дело не выгорело. Она слезла со своего трона и со стаканом в руке подошла ко мне. У нее был ярко-красный маникюр.

— Если не возражаете, — прощелбетала она, — я бы тоже не отказалась от коньяка.

Таков был результат моих усилий. Я кинул взгляд на лысого, но он уже расслачивался, причем прятал свои денежки так стыдливо, точно я был судебным исполнителем.

— Само собой, — ответил я. — Когда вы не заигрываете с человеком, который годится вам в дедушки, вы мне даже очень нравитесь.

Она закрыла один кошачий глаз и одновременно приоткрыла рот. Это выглядело комично, но на меня подействовало совсем иначе. Все окружающее вдруг скрылось в тумане, только чуть подрагивал полуоткрытый рот. А затем я опять услышал крик, впившийся мне в уши каленым железом.

Я ринулся в туман. Туда, где должна была стоять моя

рюмка. Она звякнула. Коньяк образовал на стойке лужицу, напоминающую вид с самолета на Боденское озеро. Это снова привело меня в чувство. Все стало как раньше. Музыканты по-прежнему старались разрушить стены, подобно иерихонским трубачам. Лысый сполз со своего табурета, зло посмотрел на меня и промаршировал к выходу. Только малютка больше мне не подмигивала. Она, видать, заметила, что мне нехорошо, но, конечно, неверно истолковала это, вообразив, что всему виной шнапс.

— Тут может помочь лишь крепкий кофе, — сказала она и опять принялась играть глазами. — Я сварю вам дома такой, который и мертвеца воскресит.

Это меня доконало. Как часто люди вот так, несколько не задумываясь, говорят о мертвецах!

— Ошибаешься, детка, — сказал я. — Что мне нужно, так это средство против ваты в горле. Но его у тебя наверняка нет, спорим? — Я двинул кредитку в сторону серег величиной с талер. — Зря ты упустила этого старого гнома. Он пальчики облизал бы после твоего кофе... и не только после кофе.

На миг она как будто опечалилась. Я рассердился на себя. Почему веду себя так, чего, собственно, ожидал от этой пивнушки? Что мне здесь спуют колыбельную и утешат, как делала, бывало, моя мать, когда мне не спалось? Смешно! Но я просто не мог быть приветлив ни с кем, сейчас во всяком случае. При всем желании это было невозможно.

На улице стояла пестрая от неоновых светов и холодная ночь. Я поднял воротник пальто. Моросило. Я медленно брел мимо витрин, не глядя на них. Что будет дальше? Мне вспомнилось, что блондинка говорила что-то о человеке, который хотел броситься под машину. Может быть, это и есть решение? Все во мне воспротивилось. Мне было двадцать шесть лет, и я определенно не был трусом. Достаточно часто это доказывал.

На противоположной стороне улицы стояло такси. Я направился к нему, дошел уже до середины мостовой, и тут это случилось. Из пелены сырого тумана вдруг вынырнули две фары, потянулись ко мне и больше не выпустили. Я сделал шаг назад, а может быть, и застыл на месте, как загипнотизированный кролик. Сейчас уже хорошо не помню. Инстинктивно вытянул вперед руки и тут же почувствовал удар. Я пролетел по воздуху, прокатился не меньше двух метров по мокрому асфальту и врезался во что-то. Последним, что видел, был сверкающий шар. Уличный фонарь или, может быть, ракета, которая с громким треском разорвалась в моей голове.

Сбоку от меня тикала адская машина.

Я слышал это совершенно отчетливо. Часовой механизм был соединен с электрическим датчиком импульсов, и при каждом колебании балансира я ощущал покалывание иглы в мозгу. Несколько поодаль негр из Тринидада обрабатывал дубинкой пустую канистру из-под бензина. Он не спешил.

Между двумя ударами каждый раз проходила вечность. Когда наконец открыл глаза, было совсем светло. Я испытывал приятную легкость и боялся пошевелиться, чтобы не сорваться в пропасть.

Покалывания иглы прекратились. Только адская машина еще тикала, и пустая канистра громыхала. Я осторожно повел глазами. Мой взгляд медленно, как муха, прополз по выбеленному потолку, опустился по стене вниз, перебрался через зеркало и остановился на блестящем кране над раковиной. Каждый раз, когда из крана падала капля, негр ударял по канистре. Тук — вечность, тук — вечность, тук...

Я чуть повернул голову. За переплетом окна висело серое небо. Голая ветка колыхалась на ветру. Сбоку, на ночном столике, лежали наручные часы с темным циферблатом. Я проследил за красной секундной стрелкой, равномерно бежавшей по кругу под аккомпанемент монотонного тиканья. И заметил, что слух мой обострился. Может быть, у меня был жар, а может, просто в наполнявшей комнату глубокой тишине тиканье часов казалось таким громким. Приятное чувство легкости сохранялось, и я больше не боялся куда-то свалиться.

Кто-то намотал на мою голову очень много марли. Я осторожно ощущал лицо. Все как будто было на месте. Меня засунули в чересчур широкую полосатую — белую с голубым, жесткую, как парус, ночную рубашку. От нечего делать я еще некоторое время смотрел на красную секундную стрелку на черном циферблате. Затем принялся размышлять, где я и как сюда попал. Но не вспомнил. Попытался представить, что там, снаружи, за окном. Дома, или море, или пустыня? На ночном столике, рядом с часами, стоял радиоприемник. Что, если нажать на одну из белых кнопок? Расскажут ли мне о полосатой ночной рубашке или о голой ветке, плашущей на ветру за окном? Или из приемника послышится музыка? Барабанный бой, усиленный неумолчным тиканьем часов?

Лоб мой покрылся испариной. Кто, черт возьми, заточил меня в эту комнату, за стенами которой нет ничего, кроме серого неба без конца и края? Утомленный, я закрыл глаза. Недавнее приятное чувство сменилось странным беспокойством. Что-то со мной было не в порядке. И не только из-за повязки на голове и покалывания иглы в мозг. Нет, здесь было что-то еще.

Наверно, я уснул, потому что не слышал, как в комнату вошли. Вода из крана больше не капала. У окна сидела женщина и листала журнал. Короткая юбка открывала стройные ноги в маленьких голубых замшевых туфлях без каблуков. Из-под шапочки выбилась прядь каштановых волос, и в них как будто отсвечивало серое небо. Женщина, должно быть, почувствовала мой взгляд, потому что посмотрела на меня и кивнула. Немного жалостливо, но и явно радуясь, что я наконец очнулся.

— Вот и отлично, — сказала она. Это прозвучало старомодно. «Привет» или «давно пора» подошли бы ей больше. Свернула журнал и положила его на подоконник. Затем встала и подошла ко мне. Она была изящна и на ходу не-

много покачивала бедрами, что выглядело весьма грациозно, но как-то не вязалось с белой шапочкой и сестринским халатом.

— Меня зовут сестра Марион, — сказала она, заправляя под матрац мою простыню. — Болит у вас что-нибудь? Доктор Молитор считает, что вы счастливо отделались. Если хотите, можете получить немного сухариков с молоком.

Она бережно поправила мои подушки. От нее пахло хорошим мылом с легкой примесью лизола. Я хотел задать ей какой-то вопрос, но у меня сначала не вышло. Только пошевелил губами, не произнеся ни слова. Ангел милосердия терпеливо ждал. Так бывает в кино, когда пропадает звук. Наконец мне удалось:

— Как я попал в этот замок? — Голос мой был совсем тихим, и я не узнал его, как будто слышал впервые.

— Вы в больнице Марии Магдалины. — И затем еще раз: — Я сестра Марион. — Она достала из кармана халата клочок бумаги и шариковую ручку. — Завтра вы уже будете чувствовать себя лучше. Скажите, пожалуйста, вашу фамилию и адрес. Когда вас доставили к нам, у вас не было при себе никаких документов. Есть у вас близкие, которых надо уведомить?

— Конечно, — ответил я. — У каждого порядочного человека есть близкие. — Звук уже прорезался, но голос оставался чужим.

Сестра Марион придвинула стул к моей кровати и села. Я собрался уже ответить на ее вопросы, когда вдруг обнаружил, что пластинка кончилась. Я не мог произнести ни слова да и не знал, что говорить. Передо мной была только огромная белая стена. До боли стиснув кулаки, я попытался с разбегу пробить эту проклятую стену, как клоун, прыгающий сквозь обтянутый бумагой обруч. Но не смог. Все вокруг меня медленно заколыхалось. Последним, что видел, были каштановые волосы сестры Марион. Потом закрыл глаза. Мне сделалось чертовски тошно.

Дело в том, что я забыл, кто я такой.

— Покорнейше благодарю! Должно быть, это приятное чувство. Совсем нет прошлого, как у младенца?

Человек соорудил недоверчивую мину. Хотя шестнадцать секций батареи центрального отопления (я успел уже не меньше двадцати раз пересчитать их) источали летнюю жару, он не снял своего поношенного шерстяного пальто. Сидел на единственном стуле, широко расставив ноги, упершись локтями в свои мясистые ляжки и не выпуская из рук шляпы.

— Не совсем, — сказал я. — Вот вы, например, напоминаете мне одну картину Франса Гальса, которую где-то видел. В галерее или в музее. По-моему, она висела в большом зале, в углу.

— Все-таки кое-что. — Видно было, что он понятия не имеет о Франсе Гальсе. Но не мне было судить его, я ведь в конце концов знал еще меньше.

— Может быть, вы неспроста вспомнили именно эту кар-

тину, — с важным видом глубокомысленно произнес он. Затем, однако, пожал плечами. — А может, это случайность. Названия музея не помните?

— Абсолютно. Помню только, что у человека на портрете были в точности такие маленькие глазки и оттопыренные уши, как у вас. Красотой портрет не отличался. Это точно. Должно быть, потому его и повесили в углу.

Человек фыркнул. У него пропала охота выяснять дальнейшие подробности о Франсе Гальсе. Но кое-что он все же уловил.

— Итак, вы можете вспомнить детали вашей прошлой жизни, если перекинуть к ним своего рода мост. — Он откинулся на спинку стула. — Это важно. Я хоть и не врач, но некоторый опыт в подобных делах имею.

Это прозвучало не слишком убедительно. С тех пор как сестра Марион спросила у меня мое имя, прошло три дня. Не могу назвать их приятными. Когда нет памяти, особенно радоваться нечему. Доктор Молитор рассказал мне о несчастном случае и показал рентгеновский снимок моего черепа, на котором, внимательно приглядевшись, можно было увидеть симпатичную трещину. Я действительно счастливо отделался. Если бы не проклятый шок! Доктор Молитор проделал со мной множество опытов и повторил наизусть половину латинского словаря. Но все было напрасно. Я по-прежнему не мог вспомнить, кто я такой.

Затем явился человек в поношенном пальто. Его звали Катцер, он был из франкфуртской уголовной полиции. Больница направила туда соответствующее уведомление, так как не годится ведь, чтобы в мало-мальски цивилизованной стране обитал некто, не знающий собственного имени. Может быть, я архиепископ Бамбергский или президент Федеративной Республики и в конце концов бросится в глаза, что меня нет на месте.

Обер-ассистент Катцер попытался пристроить свою шляпу на подоконник, но она все время падала на пол, и он попросту надел ее. Теперь руки у него были свободны, и он достал из кармана истрепанную записную книжку.

— Давайте по порядку, — сказал он. — Что вы можете вспомнить?

— В общем почти все, если дать мне толчок, — ответил я. — Когда первый раз увидел термометр, сразу вспомнил его назначение. Молоко — это напиток, а сухарей я еще в детстве терпеть не мог. Вон там, на стене, висит зеркало, а под кроватью стоит утка. Хотите еще что-нибудь узнать?

Обер-ассистент как будто удовлетворился этой коллекцией. Он решил наугад задать несколько вопросов.

— Несчастный случай произошел на Рейналлее. Это известная торговая улица с множеством витрин. Карштадт, Херти... — Он запнулся; сам он, совершенно очевидно, пользовался другими магазинами. — Высотное здание «Альянс»... В общем вы знаете. Что же вы делали там в интересующий нас вечер?

Посланец полицейского ведомства избрал самый неудачный из всех возможных путей. Единственное, что я знал, —

это что не делал покупок ни у Херти, ни у Карштадта и не заходил также в «Альянс», чтобы застраховаться. Что, кстати, было бы совсем не вредно. Нет, так мы ни к чему не придем. Я сказал, что, может быть, сумел бы ответить на его вопросы, если бы мы прошвырнулись по Рейналлее и все осмотрели. Но не так, на расстоянии и с этим его «в общем вы знаете».

Ему стало ясно. Он поднялся и взял с ночного столика часы.

— Это ваши?

Я моргнул.

— Швейцарского производства, водонепроницаемые, противоударные, автоматические... Если нажму на эту кнопку, я смогу засечь время, как секундомером. — Он так и сделал, послышалось два щелчка. — Это просто для забавы или вам по роду занятий приходится хронометрировать? Вы имеете отношение к спорту? Вам надо зачем-то отмечать секунды или минуты?

Я призадумался. Эти вопросы мне уже больше нравились. Если до цели вообще можно было добраться, то только так.

— Возможно, это связано с моей профессией. Погодите... Кажется, я засекал время и заносил результаты в таблицу.

— Результаты чего? Автомобильных гонок, скачек или время, которое нужно, чтобы выпить десять кружек пива?

Это было, конечно, мстью за оттопыренные уши, которыми Франс Гальс снабдил человека на портрете. Я счел подобный контрудар примитивным, но ведь люди думающие не обязательно идут служить в полицию. Одного обер-ассистент, впрочем, добился. Слабый проблеск света, на миг мелькнувший передо мной, когда он упомянул о секундомере, снова исчез. Я подумал, всерьез ли Катцер вообще стремится помочь мне? Для него я в конце концов просто «случай», один из многих, и, понятно, ему платят не за то, чтобы он освежал мою память. Для этого надо быть врачом, или психологом, или еще кем-то в таком роде. Если мне вообще может еще кто-нибудь помочь.

Все же я решил изменить тактику. Надо было не потешаться над ним, а постараться узнать у него что-нибудь полезное. Итак, я наскреб всю любезность, какую обладал, и начал:

— Попробуем исходить из того, что в принципе никто не может вдруг так, за здорово живешь, бесследно исчезнуть. Где-то его в конце концов хватятся. Имеются родственники, соседи, сослуживцы, и имеются полицейские, разыскивающие заблудших овец. Вы проверили заявления о без вести пропавших?

Обер-ассистент обиженно уставил на меня свои свиные глазки.

— Уж не думаете ли вы, что мне зря платят деньги? — спросил он. — Да я же с этого и начал. Вы попали под машину в воскресенье, а сегодня пятница. Я проверил все заявления, поступившие к нам за последние пять дней. — Он лизнул указательный палец и полистал записную книжку. — Попробуйте сами установить, кто тут вы.

Откровенно признаюсь, я разволновался до крайности. Это было примерно так, как в воскресенье, когда слушаешь по радио номера выигравших в лото билетов, только еще гораздо более интригующе. Ведь он мог прочесть сейчас мою фамилию, и вся чертовщина вмиг рассеялась бы, как после полуночного боя часов. Стоило мне узнать, как меня зовут, и все остальное вспомнилось бы само собой — я это чувствовал.

— Женщина из Бокенхайма, — безучастно произнес Катцер. — Отсутствует с понедельника. Предположительно бросилась в Майн. Муж — пьяница. Трое маленьких детей... Безработный каменщик из Саксенхаузена...

— Стоп! — закричал я. — Почему мне не быть каменщиком?

— Ну да! — откликнулся Катцер. — Посмотрите на свои руки. Они в жизни не держали кирпича.

Я посмотрел на свои пальцы. Они были тонкие и в какой-то мере холеные. Катцер был прав.

— Дальше!

— Еще две женщины, старик и сын миллионера из Оберрада. — Полицейский испытующе взглянул на меня. — Говорит вам что-нибудь фамилия Вигельман?

— Нет, но все же сыночек миллионера мог бы и подойти, как вы считаете?

Обер-ассистент язвительно ухмыльнулся.

— Ага. Только родители уверяют, что ему всего тринадцать лет. Похоже, ему осточертели сливки, и он подался в Гамбург, чтобы немного развлечься.

— И это все, что у вас есть? — сердито спросил я.

Вместо ответа он захлопнул записную книжку и извлек из бокового кармана пальто несколько листов бумаги, после чего прочел мне длинную лекцию о работе полиции в общем и в частности и сказал, что для таких случаев, как мой, разработан специальный вопросник из 104 пунктов. Исходя из этого вопросника, Катцер повел себя так, точно речь шла о жизни и смерти, и принялся препарировать меня по всем правилам искусства: цвет волос, бороды, глаз, вставные зубы, шрам после операции аппендицита, диалект, ошибки произношения, объем груди и так далее. Иногда он прибегал к помощи обтрепанной рулетки, стараясь не задеть моей забинтованной головы.

Процедура длилась уже почти час. Я узнал о себе массу вещей и не могу сказать, что скучал. Время от времени Катцер делал паузу. Он снял уже пальто и повесил его на крюк в ногах моей постели, предназначенный, собственно, для температурного листа. Словно в оправдание некоторых довольно нескромных вопросов, он рассказывал мне о себе и о своей работе. Должно быть, в управлении он был своего рода прислугой, которую все шпыняют и которой приходится делать то, что никто другой делать не хочет. До вчерашнего дня он входил в специальную комиссию по розыску убийцы, державшего в страхе весь город.

Катцер сел на стул у окна и начал играть рулеткой, пы-

таясь свернуть ее спиралью. Но всякий раз, когда это почти уже удавалось, рулетка выскальзывала из его коротких толстых пальцев, и ему приходилось начинать сначала.

Из ста с лишним вопросов мы осилили пока только половину. Причем я уже почти не сомневался, что мы стараемся понапрасну. Неясно было, что эти ответы могут дать. Впрочем, я не отчаивался. У доктора Молитора имелись, конечно, более надежные способы вернуть мне память. Ну а если и они откажут? Тогда пусть кто-нибудь зачитает мне адресную книгу. Когда выкликнут мою фамилию, я подниму руку.

— Мы день и ночь были на ногах, — пробурчал Катцер.

До меня не сразу дошло, что он говорит о своей работе в специальной комиссии. Так как мне до сих пор не приносили газет, я ничего не знал о последних событиях и теперь слушал его подробный, неторопливый рассказ.

— Гнусный тип, — сказал он, — и притом не новичок. Мы ничего не выяснили, хотя допросили всех и каждого и облазили вдоль и поперек все окрестности. Даже с собаками. У меня еще сейчас ноги болят.

Он явно хотел доказать мне, как серьезно полиция относится к своей работе. Что ей и впрямь не помешало бы, поскольку во Франкфурте имелаась целая серия нераскрытых преступлений и стражи закона отнюдь не пользовались авторитетом у населения.

— Что же он натворил, этот ваш убийца? — спросил я.

Прежде чем ответить, Катцер поинтересовался размером моей обуви. Я сказал, что все мои вещи находятся на хранении у сестры Марион и чтобы он осведомился у нее.

Затем он рассказал мне то, что знал:

— Преступник нападает в безлунные ночи на молодых женщин и закалывает их. Иногда кинжалом, иногда ножом. С виду совершенно бессмысленно, однако так ловко, что мы до сих пор не можем напасть на его след. — Катцер встал и взял курс на мою койку.

— Ну и скольких он уже убил?

— Тридцать, — сказал Катцер, занося длину моего локтя до запястья в соответствующую графу. — Убил пока чептырех. Все они красивые. Он весьма разборчив и явно знает толк в женщинах.

— Когда-нибудь он допустит ошибку, — утешил я.

Обер-ассистент вздохнул.

— Будем надеяться. Пока мы не знаем даже, как он выглядит. Практически это может быть любой. Например, я или вы... — Он хитро подмигнул. — Нет, — сказал он затем. — Определенно не я. Это я знаю точно... Не возражаете, если я сниму у вас отпечатки пальцев? Это не больно. А между тем отпечатки — самый надежный способ опознать человека.

Через час Катцер наконец удалился, прислав мне сестру Марион, чтобы она хоть немного отмыла мои испачканные руки.

В больнице час имеет в среднем сто минут. Однако не скажу, чтобы мне оставляли много времени для раздумий. Сестра Марион то и дело заглядывала ко мне и задавала самые немыслимые вопросы. Я скоро понял, в чем тут суть. С одной стороны, для хирургического отделения, куда меня определили из-за моего разбитого черепа, я, как человек без памяти, являлся в некотором роде диковинкой. И так как денег это не стоило, все стремились поглазеть на меня. Я сделался, можно сказать, общим баловнем отделения, в котором обычно ничего, кроме переломанных костей да удаленных червеобразных отростков, не увидишь.

С другой стороны, Марион пыталась пробудить у меня утраченные воспоминания. Несомненно, она делала это из чистой человечности, хотя иногда мне трудно было избавиться от подозрения, что относительно исхода этих экспериментов она поспорила с кем-то на крупную сумму.

Доктор Молитор тоже трудился на совесть. Это был человек лет около сорока, невысокий, очень подвижный и немного охрипший. В больнице он ведал хирургическим отделением. Каждое утро в девять часов доктор Молитор удостоивал меня своим посещением. Являлся всегда в сопровождении свиты ассистентов, которые почтительно кивали, когда он осведомлялся о состоянии моего стула. Перед ужином большей частью заходил снова, чтобы еще немного надо мной поработать.

Он был охвачен честолюбивым стремлением найти ту нить, которая помогла бы мне выкарабкаться из потемок. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять причину его столь самоотверженной обо мне заботы. Совершенно очевидно, он был убежден, что в нем пропадает талант психиатра и что сам бог послал меня ему. Я его понимал. Каждому человеку требуется какое-нибудь хобби, и хирург, вынужденный постоянно возиться с костями, естественно, жаждет хоть разок заняться проблемами души.

Но не только по этим соображениям я приветствовал начинания доктора Молитора. Надо мной дамокловым мечом нависла недееспособность. Если бы в обозримый отрезок времени мне не удалось преодолеть последствий шока, меня неизбежно ожидал перевод в психоневрологическую клинику. А этого я отчаянно боялся. В моем представлении такого рода больница связывалась с грубыми надсмотрщиками, измывающимися за звуконепроницаемыми стенами над своими подопечными, и с анекдотичными врачами, часто более ненормальными, чем их пациенты.

Я потолковал об этом с доктором Молитором. Он сказал, что это преувеличение, однако пообещал не лишать меня своего покровительства, пока не исчерпает всех доступных ему средств.

Итак, мы день за днем пытались соединенными усилиями понемногу оживить мою память. Он, точно гид, перечислял хриплым голосом франкфуртские достопримечательности, которые я всякий раз тут же вспоминал. Отсюда мы заключи-

ли, что я достаточно хорошо знаю город и, вероятно, происхожу из здешних мест. Кроме того, он постоянно приносил с собой несколько справочников или учебников, чтобы с их помощью определить мою профессию. (Так как мне нельзя было еще много читать, мы обычно ограничивались просмотром иллюстраций.) Затем он проигрывал мне магнитофонные записи какой-нибудь приятной музыки и под звуки ее вдруг задавал тот или иной вопрос, опечаливаясь, если я не мог сразу ответить.

По прошествии недели мы уже довольно прочно зашли в тупик. Сегодня я понимаю, что он допустил, в сущности, только одну ошибку. Ему просто не пришло в голову упомянуть ту область, в которой я действительно был специалистом. Она находилась так далеко за пределами круга его интересов, что он ни словом не коснулся ее, и потому не протянул мне спасительной соломинки, за которую я мог бы уцепиться.

Опыты доктора Молитора порядком меня утомляли. Частенько я мучился головными болями и не раз преждевременно вытаскивал термометр, чтобы сестра Марион не подняла тревоги. Однако эти опыты были для меня единственной надеждой на спасение. Из страха, что мне придется в конце концов заплесневеть в психоневрологической клинике, я готов был на все и потому сцепил зубы, как посланец из Марафона на последнем этапе перед Афинами.

Было послеобеденное время. Я знал, что через полчаса сестра Марион принесет мне кофе, то есть кусок позавчерашнего яблочного пирога и бурду из наперстка кофейных зерен и большого количества жареного ячменя. Вкус у этого варева был отвратительный. Мой каштанововолосый ангел-хранитель по мере сил манипулировал с этой смесью, изменяя соотношение не в пользу ячменя, так как, верно, заметил уже, что в прошлом я привык к лучшим вещам.

Это вообще была проблема. Я оказался целиком зависим от милостей ближних. Когда меня доставили в больницу, при мне были 12 марок, расческа, в которой не хватало двух зубьев, связка ключей и пустая коробка из-под сигарет. Я раздумывал, что будет, если я так и не вспомню номер моего банковского счета. Останется, очевидно, только продать потихоньку мою больничную койку. Интересно, что скажет на это сестра Марион.

В соответствии с больничным распорядком мне, собственно, полагалось после обеда дрыхнуть. Но такого не сделаешь по заказу, особенно если и без того спишь каждую ночь десять часов да еще в полном одиночестве.

Я осторожно приподнялся и посмотрел в окно. Впервые за время моего пребывания здесь светило солнце. Мне показалось, что на голой ветке уже появились почки, но этого быть не могло. Верно, я просто вообразил их, потому что стосковался по зелени и цветам.

Медленно высвободив спутанные полосатой рубашкой ноги, я встал босиком на каменный пол. До окна было всего несколько шагов. У меня немного закружилась голова, но после двух-трех глубоких вдохов это прошло. Я прижался

лбом к стеклу, держась за задвижку. Моя комната была расположена на третьем этаже. К больнице примыкал огромный парк с множеством деревьев и кустов. Прямо подо мной была стоянка для машин. Ограда из ржавых железных прутьев, напоминавших по форме пики, обеспечивала нахождение больных внутри, а здоровых снаружи. Возле широких ворот стояла сторожка с белой доской, на которой были указаны дни посещений: вторник, четверг и воскресенье. Меня это не интересовало. Ко мне мог прийти разве что обер-ассистент уголовной полиции Катцер, а за этот визит я не дал бы и пяти пфеннигов.

Позади меня что-то тихо звякнуло. Я обернулся и увидел стоявшую у дверей сестру Марион. Она держала поднос и смотрела на меня полуосуждающе, полунизумленно.

— Нам еще совсем нельзя вставать! — Она сказала не «вам», а «нам», как это принято у медсестер и королев.

Я подождал, не предложит ли она нам быстренько лечь в постель, но этого удовольствия она мне не доставила. Лишь с любопытством оглядела меня с головы до ног и одобрительно заметила:

— Я только теперь вижу, какой вы великан. В постели вы кажетесь меньше. — Она поставила поднос на ночной столик.

Я унюхал дополнительную порцию кофейных зерен.

— Голиаф с пустой головой, — сказал я. — Так чаще всего и бывает. Маленькие люди гораздо смысленнее. Кстати, было бы хорошо, если бы вы при случае принесли мне какие-нибудь шлепанцы. Босиком здесь долго не прстоишь.

Она глянула на мои ноги.

— Разумеется. Может быть, я даже раздобуду для вас пижаму. Однако сейчас марш в постель! — Она взяла меня за рукав и на миг оказалась совсем рядом со мной.

Я опять уловил запах хорошего мыла и трех капель дезинфекционного средства. Затем взгляд мой упал на круглую брошь у ее высокого ворота. Темный крест на серой эмали. Я еще не видел у сестры Марион этой броши.

— Что это? — спросил я, и мне вдруг стало смешно.

— Крест, что же еще? Вы ведь в католической больнице. Разве вы этого не заметили?

— Ну как же. Колокола к вечерней молитве здесь нельзя не услышать. Просто я не придаю молитвам значения. Это, так сказать, опознавательный знак? — Я указал на брошь.

— Она принадлежит моей матери. Модных украшений нам здесь носить не разрешают. Она вам не нравится?

Я сказал, что в жизни своей не видел ничего столь красивого, и даже умудрился при этом не покраснеть.

Ее рука соскользнула по моему рукаву до самых пальцев и там задержалась на несколько секунд. Затем Марион очень бережно повела великана в постель, и он подчинился как ребенок.

Сестра Марион мне нравилась. Ей было не больше двадцати лет, и у нее был такой вид, словно она совершенно точно знает, чего хочет. Я не больно ценю женщин, которые, как флюгер, приноравливаются к каждому настроению муж-

чины. Мне больше по душе равноправные партнерши, имеющие собственную волю. Сестра Марион, я чувствовал, может быть такой партнершей. Возможно, это было связано с ее профессией.

В остальном она тоже отвечала моему вкусу. Знатки называли бы ее серной. Бедра у нее были уже плеч, а ее талию — могу поспорить! — можно было охватить десятью пальцами.

Я залез под одеяло. Марион оправила мою постель и вскинула на меня свои карие глаза. Я мысленно спросил себя, не потому ли Марион мне нравится, что она единственная женщина, которую близко вижу, и пришел к выводу, что дело не только в этом.

Когда мой ангел-хранитель вышел, я занялся яблочным пирогом, который действительно оказался позавчерашним. Зато у кофе был праздничный вкус. Потом отыскал по радио музыку. Надвигающейся грозой ворвались в комнату прелюды Листа. Грянули победные раскаты труб и тут же стихли, поглощенные громким стаккато струнных инструментов. Чувствуя, как сильно волнует меня эта музыка, я снова выключил приемник. Меня вдруг охватила тяга к одиночеству и покою.

Что со мной случилось? Уставился в одну точку на потолке и стал раздумывать над причиной внезапной перемены настроения. Не потому ли это, что сестра Марион случайно коснулась моей руки? Но ведь я не так уж чувствителен. Нет, здесь было что-то еще, и я даже знал что. Просто не хотел признаваться себе в этом. Мне было страшно представить, что разыграется на сцене, когда занавес поднимется. И, однако, не имело смысла оттягивать начало. Публика уже собралась. Теперь, хочу я этого или нет, все пойдет своим чередом.

Дни напролет я концентрировал свою убогую память на одном вопросе: кто я, черт возьми, такой? Теперь почти наверняка знал, что заветное «сезам, отворись» найдено. Им оказалась проклятая брошь сестры Марион!

Голова моя опять разболелась. Комната стала наполняться глухим, монотонным гудением. Стены сомкнулись, оставив мне жалкое пространство, в котором я чувствовал себя тигром в картонке из-под ботинок. Перед моими глазами черный крест выписывал на сером фоне головокружительный краковяк. Внезапно клетка, в которой я был заточен, стала раскаляться. Пудовая тяжесть навалилась мне на грудь, сдавливая дыхание, грозя задушить. Я с силой рванул свою рубашку, чтобы дать доступ воздуху. Но облегчения не почувствовал. Сомкнувшиеся вокруг меня стены пылали, как бумага. Пламя подбиралось к лицу. Я прижал к глазам ладони, но они были прозрачны. Огонь опалил мне ресницы и веки. Я выпрямился из последних сил, протянул вперед руки, и внезапно все вокруг разлетелось на тысячу осколков. Я падал и падал в бездонную пропасть, которая наконец милосердно меня поглотила.

Не знаю, сколько времени прошло, пока снова хотя бы

наполовину смог собраться с мыслями. Пытался уверить себя, что видел сон. Но мне это, понятно, не удалось. Все было на самом деле. Здесь не приходилось и сомневаться. Я был тигром и моя клетка действительно горела.

Около половины пятого пришел доктор Молитор. С одной стороны под мышкой у него были книги, с другой — магнитофон. Если он захватил еще и прелюды Листа, значит, мне конец.

— Может быть, сегодня выйдет, — сказал он хрипло и дал двери такого пинка, что замок с шумом захлопнулся.

Я не сказал ему, что уже вышло, а стал судорожно соображать, как бы побыстрее от него отделаться. Стоило ему сейчас завести речь о франкфуртском зоопарке, или пивоварне, или об изготовлении елочных игрушек, и можно было гарантировать, что я снова сбился бы с курса. Все, что едва начало обретать четкие контуры, опять потонуло бы в тумане.

— Доктор, — сказал я, — ваши эксперименты, возможно, превосходны и, конечно, чрезвычайно любопытны. Только я вот сегодня не в форме. У меня болит голова.

Но от него было не так-то легко отвязаться. Научное рвение часто убивает всякое чувство такта.

— Ничего удивительного при такой жаре, — только и сказал он и, швырнув книги ко мне на постель, отворил окно. Марговский ветер рванул занавески и растрепал его редкие волосы.

— Закройте окно, ради бога! — вскричал я. — Мне совсем не хочется схватить воспаление легких. — Я заметил, что под халатом у него есть еще теплая вязаная кофта.

Он заворчал, как кот, у которого отняли молоко, но окно закрыл. Наше дальнейшее времяпрепровождение довольно быстро довело его до грани отчаяния. Сперва он проигрывал мне струнный квартет Гайдна, пока я не сказал, что не выношу этой кошмарной маршевой музыки. Тогда он открыл фотоальбом Шварцвальда. Через три минуты я ткнул в снимок лесопилки и заметил:

— Здесь моя школа. Вот тут, наверху, у нас был гимнастический зал...

В комнате стояла невыносимая жара. Но я крепился, с удовлетворением наблюдая, как лоб его покрывается потом. Он подробно объяснил мне, что такое лесопилка. Я величаво поддакивал. Затем пожелал узнать, есть ли и в других книгах такие красивые иллюстрации. У него был с собой еще греческий словарь, с которым я, слава богу, действительно не знал, что делать, и книга по телевизионной технике. Я прикинулся заинтересованным и начал детально разбирать, как работает телекамера. Большую часть этого он явно слышал впервые. Когда я сказал, что в общем мне понятно все, кроме одного, где тут пусковая ручка, — он пообещал выяснить этот вопрос.

— Как вы только выдерживаете такую жару, — простонал он и опять хотел открыть окно.

Я удержал его за полу халата и сказал, что меня почему-

то весь день познабливает. Только тут он наконец пообещал прислать сестру Марион с таблетками и собрал свое барахло. Видимо, понял уже, что я правда не в форме.

Перед уходом он записал еще что-то на обороте старого рецепта. Несомненно, он вел учет успехов и неудач своих научных попыток.

Я снова остался один. Возможно, допустил глупость, но тревога, от которой я не мог отделаться, зажимала мне рот.

Предчувствовал, что раскопки моего прошлого извлекут на свет разные неприятности, и мне представлялось целесообразным сначала самому во всем этом разобраться.

Полчаса спустя сестра Марион принесла таблетки. Она участливо спросила, действительно ли так плохо, как говорит доктор Молитор, и мне пришлось немножко ее успокоить. Но правды я и ей не сказал, хотя она, наверно, была единственным человеком, который меня понял бы. Впрочем, броши, с которой все началось, на ней сейчас уже не было.

Вскоре прозвонил колокол к вечерней молитве. По коридору прошлепали шаги, откуда-то донеслось тихое пение. Я быстро встал и открыл окно. Повеяло приятной прохладой. В парке какая-то птица выводила первые такты весенней песни.

К ужину я не прикоснулся. Сестра Марион еще раз заглянула ко мне пожелать спокойной ночи. Она легонько провела по моему плечу и затем по шее, почти до уха. Я заметил, что у нее нет большого опыта в подобных делах. Но как раз это особенно мне понравилось.

Наконец в больнице Марии Магдалины все стихло. Я погасил свет и вытянулся на кровати. На этот раз ничуть не волновался. Приблизительно знал уже, что будет. Расслабив мышцы, лежал и смотрел на светлое пятно, падавшее на стену от фонарей на автомобильной стоянке. Затем заставил свои мысли вернуться к броши, один миг задержался на огне, едва не спалившем меня, и двинулся дальше. Теперь мне не требовалось уже больших усилий, чтобы вспомнить подробности. Одна картина влекла за собой другую. Я видел лица, которые знал, дома, в которых жил, улицы, по которым ходил.

А потом увидел и мертвеца. Он лежал на сжатом поле, неестественно скрючившись. Глаза его глядели на меня с укоризной, словно это я был во всем виноват. Полуоткрытый рот больше не кричал. Пронзительный, почти животный крик я слышал раньше. Теперь от угла рта тянулась к горлу засохшая темно-красная полоса.

Толстая куртка на «молнии» изодралась в клочья, одна рука была обнажена до самого локтя. На запястье можно было увидеть часы с разбитым стеклом, черным циферблатом и кнопкой, которой засекают время.

Я отмахнулся от этой картины. Глядел на нее безучастно, будто сквозь плексиглас. Смерть так же была близка моему ремеслу, как и треск выстрелов, звучавший в ушах.

Был январский день. На деревьях лежал иней, и люди, стоявшие здесь с равнодушными лицами, выдыхали пар, как

только открывали рот. И оружие дымилось, когда из ствола вылетали пули. У меня стучали зубы от холода. Когда все кончилось, я выпил, чтобы согреться. И еще потому, что меня вдруг охватил страх. Я думал, сколько времени еще осталось до того, как и у меня изо рта потечет кровь. Может быть, три дня, может быть, три недели, может быть, год. А может быть, это вообще не случится. Везет же некоторым. Но именно неизвестность и была хуже всего. Я стал искать выход. Но ничего сколько-нибудь пригодного не нашел. А потом наступил этот вечер в баре. Я вспомнил серьги величиной с талер и рассказ о человеке, который хотел броситься под машину. Сразу вслед за тем и произошел несчастный случай.

С тех пор прошло четырнадцать дней. Я лежал на не слишком мягкой постели в больнице Марии Магдалины и старательно внушал себе, что должен, собственно, радоваться выздоровлению. Но мне это не удавалось. Все опять начинается сначала. Игра со смертью, страх, поиски выхода, которого не существует.

Или все-таки?..

Я повернулся на бок и перед тем, как уснуть, громко сказал себе:

— Спокойной ночи, Франк Зееланд! — И тут же: — Заткнись, старый идиот!.. Это лучшее, что ты можешь в данный момент сделать.

— Это не мое дело, — сказал обер-ассистент Катцер, который уже второй раз за эту неделю навещал меня, — но одно мне хотелось бы понять. С вами можно беседовать обо всем на свете, но кто вы такой, вы все никак не вспомните. Разве это не удивительно?

Катцер был совсем не так глуп, как казался. Его здравый смысл или его профессиональная подозрительность помогали ему видеть вещи яснее, чем, скажем, доктору Молитору. Последнему научный пыл так затуманил глаза, что я без труда мог дурачить его.

— Вы бы лучше беспокоились о том, почему меня до сих пор никто не хватился, — сердито буркнул я. — Может быть, заявление давно поступило, но его сунули не в тот ящик или вообще затеряли. — Мне ни в коем случае нельзя было отступать, и я решил перейти в атаку. — Это ведь не исключено. Даже в лучших домах что-нибудь иной раз теряется.

Катцер опять сидел на стуле у окна, широко расставив ноги и вертя свою измятую шляпу.

— Возможно, однако, и то, что никто о вашем исчезновении не заявит и что вы это отлично знаете, а потому думаете: пусть, мол, себе ищут.

Тут он попал в самую точку. Я пробыл в больнице почти три недели, и в моем распоряжении оставалось еще несколько дней. Это время я хотел использовать с толком и выучить свою роль так хорошо, чтобы потом еще какой-то срок можно было играть ее дальше.

После того как я снова вспомнил свое имя и все остальное, я незаметно изменил тактику. Если раньше я с готовностью подтверждаю, что мне достаточно малейшего толчка, чтобы восстановить забытое, то теперь продвигался вперед черепашным шагом. На докторе Молиторе я уже с успехом испытал этот метод. Вспоминаю каждую деталь, едва услышав о ней. Но решительно не мог связать частности в единое целое.

Когда Катцер ушел, я встал и принялся за бритье, внимательно разглядывая себя в зеркале над маленькой раковиной. Вид у меня опять стал вполне благопристойный. Тюрбан из марли исчез с моей головы, и только маленький пластырь прикрывал пострадавшее при травме место.

Конечно, чисто случайно именно в эту минуту появилась сестра Марион с моим аккуратно сложенным костюмом, верхней рубашкой, галстуком и начищенными до блеска ботинками.

— Я думаю, вы не часто бывали в больницах, — сказала она, чуть склонив набок голову и окидывая меня критическим взглядом. — Порой создается впечатление, будто вы меня стесняетесь. Верно я говорю? Вот ваш костюм! Я только что взяла его из чистки, он был весь в крови.

Должен признать, на какой-то миг я смутился. Она видела меня насквозь.

— Давайте сюда скорей, — пробормотал я. — Еще Готфрид Келлер заметил, что одежда делает людей. — Я снял пижамную куртку и натянул через голову верхнюю белую рубашку.

Сестра Марион отошла к окну, как будто заинтересовавшись видом на парк, ограду и сторожку. Теперь уже она немного стеснялась. Когда снова обернулась, я как раз повязывал галстук. Некоторое время она смотрела на меня, затем подошла и поправила узел.

— Ваш Готфрид Келлер был умный человек, — сказала она, — хотя я нахожу, что вы и в пижаме выглядите вполне сносно.

Галстук давно уже сидел прямо (как я убедился, кинув быстрый взгляд в зеркало), а она все еще суетилась вокруг меня. Тогда я просто обнял ее. От смущения и еще чтобы немножко выразить ей свою благодарность. Она сначала положила руки мне на плечи, а затем позволила им продвигнуться вверх. Так уж несведуща в этих делах, как мне несколько дней назад показалось, она не была. Это я понял по поцелую, на который она ответила ровно в той мере, в какой положено для первого раза. Несколько сдержанно, но все же не так, чтобы ее можно было принять за конфирмующуюся. Я заметил, впрочем, что она покраснела.

Потом опять остался один.

Около половины пятого я присел на постель, с интересом ожидая, как отнесется доктор Молитор к моему нарядному виду. Он и впрямь сделал такое лицо, как начинающий огородник, который обнаружил, что горох на его земле дал всходы.

Однако свежевыглаженный костюм имел, как я очень скоро убедился, и свои отрицательные стороны. Врач вдруг заметил, что я больше не беспомощный пациент, но мужчина, стоящий на собственных ногах, с которым надо наконец что-то делать.

— Снаружи ваша голова, безусловно, в порядке, вот только внутри не все еще так, как нам хотелось бы, — посетовал он. — Может быть, вы все-таки переоценили свои силы, решив самостоятельно восстановить память. Не кажется ли вам, что лучше перевести вас теперь в нервную клинику?

Ишь ты какой, подумал я. Сначала милейший доктор Молитор делал из меня подопытного кролика, а теперь он испугался собственной храбрости и бросает меня в беде. При этом я знал, конечно, что в таком деле без психиатра не обойтись и что я несправедлив к доктору Молитору. Его эксперименты немало способствовали тому, что я вновь почувствовал себя нормальным человеком. Но он был последним, кому я в этом сознался бы. Кроме того, мне нужно было еще два-три дня, чтобы подготовиться к встрече с психиатром, которому втереть очки будет далеко не так легко, как моему славному лечащему врачу. Мне понадобятся более решительные средства, и испытывать их я хотел сначала на докторе Молиторе.

— Доктор, — смиренно, как только мог, сказал я, — не надо терять терпение. Убежден, что мы недалеко от цели. Вы мне уже очень помогли. Если вы боитесь, что вам нагорит от больничной администрации за то, что задержали у себя наполовину выздоровевшего человека, я немедленно улягусь в постель и начну отчаянно стонать. Еще только пару дней, ну пожалуйста, доктор!

Он кивнул. Он был польщен, а я обещал ему хорошо использовать это время. Впрочем, иначе, чем он себе это представлял.

Я вынашивал план, который должен был избавить меня от всех забот. По крайней мере, на ближайшие недели и месяцы. О дальнейшем не задумывался. Теперь понимаю, как дилетантски рассуждал. Начать с того, что довольно скоро заметил, как трудно хранить тайну. С детских лет я привык делиться всем, что меня волновало. Нередко делал это даже слишком поспешно и необдуманно, из-за чего у меня бывали уже неприятности. Сейчас убедил себя, что неплохо бы поделиться своими намерениями с добрым другом и получить дельный совет.

Я считал, что обрел такого доброго друга в сестре Марион. Еще в тот же вечер я попросил ее зайти ко мне, как только ей удастся освободиться. Около десяти сидел у окна, одна створка которого была открыта, а Марион, поджав ноги, пристроилась на моей кровати. Свет я выключил. Вечер был словно бы бархатный, таинственный, волнующий и полный грез, отчего мне невольно вспоминались Гейне и его Лорелея.

Марион, вероятно, чувствовала, что я хочу открыть ей душу и что не надо задавать мне вопросов. Начну сам, через несколько минут или через час, когда вытряхну за окно всю

свою сдержанность. Я курил, и аромат табака смешивался с испарениями, поднимавшимися от влажной земли.

Рассказал о моем детстве и о моем отце, который пять дней в неделю копал уголь в Рурском бассейне. О своей профессии сказал только то, что было необходимо, чтобы понять, почему я вынужден скрывать ото всех, что ко мне снова вернулась память. О мертвом не упомянул. Потом попросил ее помочь в осуществлении моего плана, решительно при этом не представляя, что она, собственно, может сделать.

Но я ее недооценил. Она разбиралась в медицине куда лучше, чем я полагал, и сразу смогла дать мне полдюжины ценных советов, пообещав еще просмотреть специальную литературу в библиотеке больницы. А затем поцеловала меня. Не очень страстно, но как бы давая понять, что могу на нее положиться. Потом мы некоторое время вместе смотрели в окно, и тут мне пришла еще одна мысль: я вдруг ощутил, как тесна и чужда эта комната. Захотелось один-единственный часок пошататься по парку. Но, как человек, потерявший память, я не имел, конечно, права выхода.

Марион и тут пришла на помощь. Сначала она немного поломалась: ей, дескать, положено присматривать за мной, а не учить, как нарушать установленный порядок. Но затем она все же сказала: четверг у нее свободный день, а в котельной есть дверь, которая легко открывается. Попасть туда можно, минуя грозного швейцара, охраняющего главный вход.

Мы были в этот момент почти счастливы, хоть я и испытывал некоторые угрызения совести оттого, что злоупотреблял добротой Марион.

Следующий день прошел как обычно. Но в среду доктор Молитор на утреннем обходе не заглянул ко мне и не нанес также обычного визита перед ужином. Как видно, он еще не знал, что делать со мной, и ему требовалось время, чтобы поразмыслить над этим. Когда прозвонил колокол к вечерней молитве, я не выдержал. Оделся и решил предпринять набег на котельную, чтобы подготовиться к завтрашней вылазке.

Коридор словно вымер, с верхнего этажа опять слышалось тихое пение. До лестницы было метров тридцать. Рядом находилась комната сестер, дверь в которую была открыта, так что я старался ступать как можно тише.

Услышав вдруг глухой мужской голос, показавшийся мне знакомым, я застыл на месте и прислушался.

— Вы ему нравитесь. — сказал голос. — В этом нет никакого сомнения. И я вовсе не хочу вмешиваться в ваши личные дела. Но, поверьте мне, что-то с ним не так. Вы легко можете влипнуть в историю. Лучше, если скажете мне все, что знаете о нем. Он ведь рассказал вам о себе, не так ли?

Голос принадлежал обер-ассистенту уголовной полиции Катцеру, который как раз в эту минуту стремился оказать давление на сестру Марион. Я сжал кулаки. Какого черта он так настырно сует свой нос в дело, которое вовсе его не

касается? Безусловно, не из одного лишь служебного рвения. Он отлично знает, что я не числюсь в полицейских списках разыскиваемых лиц и не являюсь также тем франкфуртским убийцей женщин.

Марион, разумеется, не попалась на его удочку. Но мне все же стало не по себе. Долго ли она сможет выдержать эти расспросы?

— Наверно, вам неприятно, что я захожу сюда, — сказал Катцер. — Нигде так много не судачат, как в больнице. Если вас не затруднит, приходите ко мне в управление. Там нам никто не помешает.

Я понял, что он хочет вытащить Марион из привычной обстановки, надеясь, что в управлении сумеет ее уломать. Внезапно мне стало ясно и то, почему он так немилосердно меня преследует. Я обидел его, высмеял чиновника, то есть совершил едва ли не самый тяжкий грех.

— Приходите в пятницу утром, — бурчал он. — Ваше дежурство начинается только в четырнадцать часов. Я справляюсь. Вот здесь номер моей комнаты.

В этот момент я ногой распахнул дверь, потому что не хотел вынимать руки из карманов.

— Хватит! — сказал я. — Оставьте сестру Марион в покое. Если вам что-нибудь от меня нужно, вы знаете где меня найти.

Катцер потянулся за своей измятой шляпой, лежавшей на стопке историй болезни.

— Смотрите-ка, наш недужный. Привет! И не надо волноваться. Я ведь хочу только помочь вам.

Не зная, что именно я слышал, он счел за лучшее ретироваться. Дружески кивнул Марион, бросил на меня вызывающий взгляд и важно прошествовал к двери.

Визит Катцера полностью выбил меня из колеи. Его идея подобраться ко мне через сестру Марион была совсем неплоха. Я решил отложить налет на котельную до завтра. Сейчас я должен был подумать, как помешать Катцеру.

В четверг вечером по моему окну барабанил дождь. Около десяти я выглянул в коридор. Он был пуст. Марион уже с полчасца ждала меня в парке. Но я никак не мог выйти раньше, потому что ночная дежурная сестра долго шастала по отделению.

Марион подробно описала мне дорогу. С третьего этажа надо было спуститься по каменной лестнице. Я ступал со всей осторожностью, стараясь не производить ни малейшего шума. У входа в подвал была навешена открывающаяся в обе стороны дверь, которая чуть скрипнула, когда я немного приотворил ее, чтобы протиснуться. Вдоль стен были проложены толстые трубы, три или четыре 15-ваттные лампочки тускло освещали лабиринт из коридоров и закутков. Я прошел множество поворотов, миновал большую кухню, ярко освещенную, но безлюдную. На электрических плитах стояли огромные котлы, на столах высились груды тарелок, рядом лежали приборы и большой нож, которым поварихи, должно быть, шинковали капусту или разделявали мясо для гуляша.

Наконец нашел дверь, о которой говорила Марион. Ключ торчал в замке. Я повернул его и очутился под выходящей на улицу аркой. Дождь прекратился. Однако вечер был несравним с тем, который три дня назад пробудил у меня желание пригласить Марион на прогулку. По небу тянулись темные гряды туч, ветер шумел в ветвях деревьев. Вдоль парка вела улица, но свет немногих фонарей поглощали кусты и деревья. Я пошел по гравиевой дорожке, прорезавшей обширную площадь зеленых насаждений. Марион должна была ждать меня на круговой аллее, где стояла метеобеседка с соломенной крышей и парой скамеек. Гравий шуршал под моими ногами. У развилки я на миг в нерешительности остановился, не зная, куда идти, но затем двинулся все же по узкой песчаной тропинке вдоль маленького пруда. Свернув налево, скоро увидел метеобеседку. Дважды громко окликнул Марион по имени. Секунды текли.

А потом у меня перехватило дыхание...

Вспоминая сегодня, по прошествии многих месяцев, этот кошмар, я чувствую, что не в состоянии описать его во всех деталях. Знаю лишь, что пришел в себя, только очутившись на улице, за пределами парка, но не с той стороны, где находилась больница, а с противоположной. Потеряв голову, я заплутался и теперь стоял перед низеньким забором, за которым виднелись виллы с остроконечными крышами и ухоженными палисадниками. Я нажал кнопку у первой же попавшейся калитки и услышал, как в доме заверещал резкий электрический звонок. Ничто не шевельнулось. Я помчался дальше, проскочил мимо одной калитки, не нашел на следующей звонка и, потеряв несколько драгоценных минут, был наконец впущен человеком в крахмальной рубашке с черным галстуком-бабочкой и в вечернем костюме. Он подозрительно оглядел меня, когда я, задыхаясь от быстрого бега, попросил разрешения воспользоваться телефоном, а затем все время держался в двух шагах позади меня, пока я шел по черным и белым каменным плитам к вилле. На оштукатуренной стене между двух окон висел выделанный под старину фонарь, от которого падал желтый свет.

— Сначала, пожалуйста, вытрите ноги, — сказал человек в вечернем костюме, показывая на половик перед дверью.

Я послушно ткнул пару раз правой, а затем левой ногой, как курица, отыскивающая дождевых червей. Ботинки мои были в грязи, и я увидел, что пальто мое сбоку разорвано. Кроме того, на нем недоставало двух пуговиц. Я бежал по парку не разбирая дороги. Мокрые ветки хлестали меня по лицу, я застревал в кустах, падал, бежал снова... Пропитанные потом волосы прилипли к моему лбу.

Телефон стоял в комнате, именуемой кабинетом (если допустить, что хозяин этого дома вообще работал и ему нужен был кабинет), с модернистскими картинами на стенах, точными коврами на полу и письменным столом. На окнах висели тяжелые темно-синие гардины.

Человек в вечернем костюме прислонился к двери, по-прежнему подозрительно разглядывая меня. За стеной зву-

чала музыка. Слышен был женский смех. Снимая трубку, я увидел у себя на руке кровь. И спереди на моем пальто тоже было темно-красное пятно. Я трижды повернул указательным пальцем диск и подождал, пока мне ответят.

Затем я собрал все силы, чтобы то, что должно было быть сказано, сказать спокойно и четко. Рука, которой прижимал к уху трубку, дрожала.

— Пошлите ваших людей в Гюнтерсбургский парк, к метеобеседке на круговой аллее возле пруда... Да, с северной стороны. Поторопитесь. Убита женщина. Сестра из больницы Марии Магдалины. Заколота ножом... Конечно, я вас подожду.

Человек в вечернем костюме протянул мне рюмку коньяку, но у меня не было охоты пить. По-моему, я даже не поблагодарил, а прямоком протопал грязными ботинками по дорогим восточным коврам к выходу.

Проходя через палисадник, совершенно автоматически пересчитал черные и белые плиты. Их было шестнадцать.

На дорогу от метеобеседки до виллы я потратил около десяти минут. Теперь шел уже почти полчаса, а деревянных столбов под грибовидной соломенной крышей все не было видно. Впрочем, я ведь не бежал теперь напрямик, а плелся по дорожкам парка, как полагается. В голове у меня все перепуталось, и я даже не пытался привести свои мысли в порядок.

Наконец сквозь кусты забрезжил свет с круговой аллеи. Два полицейских автомобиля и санитарная машина были расставлены так, что их мощные фары ярко освещали беседку. Несколько мужчин деловито шныряли туда-сюда, тянули рулетку, раздвигали штатив фотоаппарата и освещали окрестности портативными прожекторами. Я прошел прямо к беседке, где лежала Марион, полуобернувшись, раскинув руки. От ее каштановых волос исходило, казалось, лучезарное сияние.

Никто меня не остановил. Я сел на скамью и принялся рассматривать покойную. Немного спустя кто-то хлопнул меня по плечу. Оглянувшись, я увидел перед собой гнома в темно-зеленом дождевике и коричневых кожаных перчатках.

— Это не кино, куда может заглянуть каждый, — сказал он. — Или вы знаете эту женщину?

— Ее зовут Марион Венделин, и она сестра в больнице Марии Магдалины, а я тот человек, который вызвал полицию.

— Отлично. — Он кивнул. — Я комиссар Келлерман. А теперь расскажите, что вам известно.

Я сказал ему, что должен был встретиться с Марион в половине десятого и что я опоздал.

Он снова кивнул.

— Я шел по дороге вдоль пруда. Было темно. Я заметил беседку, только оказавшись рядом с ней. Я пару раз окликнул Марион и вдруг увидел, что кто-то убегает отсюда. По-моему, мужчина. Но разглядеть не мог.

— Вы пытались догнать его? — Комиссар Келлерман

присел возле меня на скамью и прищурился, потому что беседка, стоявшая на шести столбах и не имевшая стен, была залита светом.

Я постарался вспомнить, что делал после бегства того человека.

— Было слишком темно. Не могу даже сказать, в какую сторону он побежал. Несколькими секундами слышал только, как шуршал под его ногами гравий. Затем вошел сюда и почти споткнулся об... это. — Я указал на убитую.

— Трогали вы труп и вообще меняли здесь что-нибудь?

— Помнится, я опустился на колени, чтобы посмотреть, что с девушкой. Думал, что она в обмороке или просто упала. Но потом почувствовал под руками теплую кровь и наткнулся на нож. Тут я бросился за помощью.

Комиссар поднялся и указал на одну из полицейских машин.

— Посидите пока там. Когда мы все закончим, мы поедем в управление. Ваши показания должны быть запротоколированы.

Только тут я вспомнил, что без разрешения покинул больницу и, собственно, намеревался через час вернуться тем же путем, каким вышел.

— Я нахожусь на лечении, — осторожно возразил я. — Не могли бы мы здесь все уладить? Доктор Молитор поднимет адский шум, если узнает, что я в такой час не в постели.

— Кто такой доктор Молитор? — спросил Келлерман и сунул в нос палец.

— Врач больницы Марии Магдалины. Мне, собственно, не разрешено выходить. Но сестра Марион... В общем, вы понимаете.

— Я ничего не понимаю. — Келлерман вытащил из кармана дождевика сигареты и закурил. — Решительно ничего. Почему вы вообще находитесь в больнице?

— Со мной произошел несчастный случай, я попал под машину, и сейчас моя память не совсем в порядке, хотя... ну...

С ума можно было сойти. Ну как я мог ему это объяснить?

Но он и не хотел никаких объяснений.

— Значит, ваша память не в порядке. И вы порой не знаете, что делаете. Но разгуливать по парку — это вы можете. Ну, милейший... — Гном покачал головой и свистнул сквозь зубы.

— Боже мой, да ведь это давно прошло. Я опять совершенно нормален, или вы думаете... Да ведь этот ваш убийца расправился уже с четырьмя женщинами, и все ножом. Это пятая.

— Конечно, — сказал он. — Все ясно. Так что не волнуйтесь. В вашем состоянии всякое волнение вредно. Сейчас мы отправим вас домой. Вы уснете и будете спокойно спать, просто спать, ничего больше.

Он отбуксировал меня к полицейской машине и пошеп-

тался с шофером. Затем справа и слева от меня уселись два быка. От левого несло чесноком.

Полчаса спустя я сидел на шатком стуле в кабинете Келлермана. Полицейские со скучающим видом присели на корточки у дверей, не спуская с меня глаз. Они беспрестанно чадили, закуривая одну сигарету за другой. Но меня они так и не угостили.

Часа в два ночи (Келлерман все еще не показывался) я довольно энергично потребовал, чтобы меня либо вернули назад в больницу, либо отвели спать в камеру. Но протест мой был гласом вопиющего в пустыне, и пришлось остаться на этом шатком стуле, хотя у меня уже ныли все кости. В три часа один из полицейских принес чай и тарелку с бутербродами. Раньше чем я опомнился, быки уже сожрали девять десятых снеди. А вскоре после четырех в кабинет вошел тот, кого я меньше всего ожидал: обер-ассистент уголовной полиции Катцер.

Вид у него был обычный. Оттопыренные уши пылали. Он повесил на крюк свое потрепанное пальто и измятую шляпу, сел за письменный стол Келлермана и подперся локтями.

— Ну, мой милый, — сказал он по прошествии вечности, — вчера со щитом, а сегодня на щите. Но могу вас утешить. Мне тоже не лучше. Новая специальная комиссия. Комиссар Келлерман, кажется, не может жить без меня. Впрочем, я все равно сегодня навестил бы вас.

Обстоятельства все больше запутывались. Теперь на шею мне сел еще этот кровопийца.

— Я собирался утром побеседовать с сестрой Марион, вы ведь знаете. Ну теперь это не выйдет. А жаль. Славная была девушка. — Пауза. — Вы не находите, господин фельдфебель?

Вот он, этот удар грома, которого я все время опасался. Отсрочка кончилась. Только произошло это в непредвиденной ситуации.

Катцер подал знак быкам у дверей. Громко зевнув, они улетучились. Катцер достал из келлермановского стола магнитофон, открыл его и нажал кнопку. Кассеты начали крутиться.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против. Это только для порядка, — сказал он. — А теперь поговорим откровенно. Вы ведь знаете, что вас зовут Франц Зееланд и что вы фельдфебель военно-воздушных сил?

Я счел за лучшее для начала промолчать.

— На Таунусштрассе у вас хорошенькая двухкомнатная квартирка, не так ли? Холостяцкое жилье. Но бываете вы там, только когда имеете увольнительную или отпуск. Обычно же вы ночуете в казарме. Там, смею сказать, тоже весьма неплохо. Наше государство делает все для своих граждан в мундире. Удобные матрацы и утренний кофе в постели.

Я все еще молчал.

— Сейчас у вас трехнедельный отпуск. В эскадрилье вы, как положено, подали рапорт, и никто вас не разыскивал. И на Таунусштрассе ваше отсутствие тоже никого не обеспокоило, так как, во-первых, ваши соседи привыкли, что вы по неделям не показываетесь, а во-вторых, не знали, что вы в отпуске. Итак, мы вовсе не засунули заявление о вашем исчезновении не в тот ящик, мы просто не могли его получить. И вы это, конечно, прекрасно знали.

Теперь я должен был заговорить. Иначе Катцер вообразил бы, что я безропотно проглочу все, что он скажет.

— Ничего я не знал! Три недели назад я попал на Рейн-аллее под машину и потерял память. И вообще я не понимаю, почему вы допрашиваете меня, точно великий инквизитор. Я пациент доктора Молитора и беседовать буду только в его присутствии.

— Доктор Молитор больше не ваш врач. Он вчера распорядился перевести вас в университетскую клинику нервных болезней. Разве вы этого не знали?

Так вот почему доктор вчера не заглянул ко мне. Он нарушил свое обещание; ему стало трудно со мной, но сказать это в лицо он не отважился.

Катцер выпрямился. Сейчас он действительно восседал за столом, как Торквемада.

— На случай, если вы еще не поняли, о чем речь, господин Зееланд, я вам скажу: комиссар считает, что вы убили сестру Марион. В состоянии умопомешательства, если вы позволите так выразиться. Вы для него человек без мозга, человек, так сказать, с пустой головой. Ему не терпится сообщить прессе, что убийство в Гюнтерсбургском парке совершено сумасшедшим. Но мне, откровенно говоря, такое решение представляется упрощенным. Я убежден, что к вам уже давно вернулась память. Вы просто симулируете, и я, наконец, хотел бы понять зачем. Если вы мне это скажете, версия Келлермана лопнет. Мы должны доказать, что вы не умалишенный, понятно? Это ваш единственный шанс, потому что тогда будет отсутствовать мотив убийства. А мотив важнее всего. Важнее разорванного пальто и запятнанных кровью рук. В конце концов, вы же сами признались, что трогали труп, а потом как безумный прорывались через кусты. Тут вполне можно было потерять пару пуговиц.

Я смотрел на медленно крутящиеся кассеты. Если я заговорю, каждое мое слово будет безвозвратно поглощено узкой коричневой лентой. Но у меня не было другого выхода. Из двух зол пришлось выбрать меньшее.

— Дайте мне сигарету, — сказал я, — и велите, чтобы нам принесли кофе. Тогда вы все узнаете. Вы правы. Это действительно единственная возможность не оказаться запутанным в ваше проклятое убийство. — В тот момент я был твердо уверен, что Катцер ведет со мной честную игру.

Он выудил из стола Келлермана пачку «Астор» и заказал по телефону кофе. Потом на время выключил магнитофон, и мы молча курили. Когда принесли кофе, он снова нажал кнопку.

Я погрел над чашкой руки и отпил пару глотков, прежде чем заговорить:

— Все, собственно, началось с того, что погиб один мой друг. Он был пилот, как и я, и на фюзеляже наших машин был такой же крест, как на броши сестры Марион. В тот день, когда произошло несчастье, мы летели рядом, со сверхзвуковой скоростью. Вдруг я увидел, как его машина закачалась. А затем в моих наушниках раздался крик. Так кричит не человек, но охваченное смертельным страхом животное. Сразу вслед за этим его колымага скрылась с моих глаз. Позднее мы подъехали к месту катастрофы на «джипе». От машины мало что осталось. Его при ударе выбросило из кабины. Тогда меня это все почти не тронуло. Но потом, на похоронах, когда пастор толок воду в ступе и гремел салют под все эти команды «Приготовиться!» и «Огоны!» — вот тогда меня проняло по-настоящему. Я подумал: кто будет следующим, которого они опустят в могилу?

— Это мне понятно, — сказал Катцер. — В таких похоронах всегда есть что-то ужасное. Но когда лес рубят — щепки летят. Я тоже был солдатом. Три года России, доложу я вам... Вы ведь завербовались добровольно?

— Мне тогда было восемнадцать. Нам сулили славу и почести. Говорили о защите западной культуры и все такое. Что наши «старфайтеры» — летающие гробы, никто и не заикнулся.

— Аварии возможны всюду. Даже в гражданской авиации. Это профессиональный риск пилота.

— Одна-две аварии — да, но подряд семьдесят семь?! Нет, почтеннейший, это куча лома. Американцы прозвали его «сладкой смертью» и уже в девяносто шестидесятом сняли с вооружения. Но нам ведь непременно нужен самолет, к которому можно прицепить и атомную бомбу. «Старфайтер» первоначально был рассчитан только на ясную погоду, он без радара, без приборов для полетов ночью или в густом тумане. Но министерство обороны решило просто вмонтировать 17 центнеров* оснащения, полагая, что до Гёрлица, или Франкфурта-на-Одере, или Грейфсвальда этого хватит. Дальше все равно не долетит. 850 килограммов! Вы знаете, что это значит? Это все равно как если бы вы положили в байдарку мельничный жернов или заставили женщину на сносях участвовать в соревнованиях по прыжкам.

— Сколько вы уже служите в военно-воздушных силах? — лицемерно поинтересовался обер-ассистент.

— Восемь лет.

— Порядочный срок для беременной прыгуньи. — Он громко расхохотался, довольный собственным остроумием.

— Минутку! Вы, видно, считаете меня размазней? Вы думаете, я делаю из мухи слона. — Понемногу я стал распа-

* Немецкий центнер — 50 килограммов. (Прим. перев.)

латься. — Полгода назад разбилась моя машина, судары! На высоте четырех тысяч метров она вдруг загорелась. Все длилось несколько секунд. Если бы катапультирующее устройство случайно не сработало, — а в шестидесяти случаях из ста оно не срабатывает — вы не имели бы сейчас удовольствия видеть меня... Я уже тогда сломался, но меня снова запрягли, потому что подготовка пилота обходится в миллион марок. Они должны себя окупить. Военщина не знает пощадь даже по отношению к своим.

Теперь мне было все равно. Мне так или иначе была гарантирована зеленая жизнь за то, что я пытался надуть их. Дисциплинарные наказания, наряды, лишение увольнительных, да мало ли еще какие способы есть у них доконать человека. За все это я хотел заставить их разок послушаться, что о них думаю. Я закурил еще одну из келлермановских сигарет и особенно громко, чтобы магнитофон сожрал каждое мое слово, произнес:

— Только потому, что агент фирмы, выпустившей эти дерьмовые машины, закадычный друг Франца Йозефа Штрауса и заграбастал на этом деле почти два миллиона долларов, я должен подыхать? Благодарю покорно! Я хочу жить, понятно? Вот потому я не сказал ни вам, ни доктору Молитору, что ко мне снова вернулась память. Это была своего рода самозащита. А теперь можете делать со мной что вам угодно.

Катцер своего достиг. Довольный, он откинулся на спинку стула и излил на меня весь сарказм, на какой был способен:

— Господин фельдфебель хочет жить и потому валяет дурака. Ему страшно, и он укладывается в постель, как школьник, который не выучил уроков. Хорошенький защитник отечества! Но дело не выгорело, мой милый. Мы оказались проворнее.

Да, дело не выгорело. Я должен был это признать.

Однако Катцер еще не кончил:

— Сестра Марион знала, что вы симулируете, — ядовито сказал он. — Вы не смогли даже сохранить свой прекрасный план в тайне. Господин фельдфебель не только трус, но еще болтун. И поскольку Марион Венделин собиралась сегодня прийти ко мне в управление, вы вчера вечером убили ее. Вы боялись, что она проговорится. И чтобы не подвергать риску свой блестящий план, вы не остановились даже перед убийством. Разве не так это было, господин Зееланд?

За окном занималось утро. Если бы я ударом кулака разбил сейчас магнитофон, кассеты перестали бы крутиться. Но лента осталась бы. Даже разорви я ее на тысячу кусков, все можно было бы склеить. Комиссар Келлерман хотел сделать из меня идиота, сумасшедшего, совершившего убийство женщины. Это было бы неплохое объяснение. Но обер-ассистент перещеголял своего начальника. За каких-нибудь девяносто минут. Мастерский результат! И самым худшим было то, что любой суд этому поверил бы.

— Вы свинья, Катцер, — сказал я. — Самая большая

свинья, какую я когда-либо встречал. Одно время надеялся вас одурачить. Сознаюсь, это была ошибка. Но чтобы за это навесить на меня убийство... Я привязался к Марион, и мне больно, что повинен в ее смерти. Но не мог предвидеть того, что случилось. И не я ее убил.

В эту секунду дверь отворилась. Комиссар Келлерман вошел в комнату, направился к столу и выключил магнитофон. Раньше из-за слепящего света прожекторов я не смог как следует разглядеть маленького криминалиста. Сейчас увидел, что, несмотря на свою миниатюрность, он обладал спортивной фигурой, мускулист, широкоплеч. Лицо его свидетельствовало об уме, костюм — о хорошем портном. Некоторое время мы оценивающе рассматривали друг друга. Затем он щелчком выбил из пачки «Астор» две сигареты и предложил одну из них мне.

— Вот так-то, господин Зееланд, — сказал он. — Сделаешь глупость и, гляди, увяз по уши. — Он в раздумье покачал головой, потом всем своим корпусом гнома повернулся к Катцеру. — Кончайте, коллега. Идея была хорошая и при других обстоятельствах себя оправдала бы. Но мы тем временем поймали человека, убившего Марион Венделин. Есть все основания полагать, что четыре других убийства тоже на его совести. Сделайте одолжение: подготовьте информацию для печати и, если вас не затруднит, распорядитесь, чтобы нам дали еще по чашке кофе.

Я оторопел. Сперва я думал, что Келлерман затевает новый финт, но потом увидел, что он говорит серьезно. Казалось, я все-таки выпутался.

Тут комиссар снова повернулся ко мне.

— А теперь что касается вас, господин Зееланд. Вы ведь знаете господина полковника фон Тольксдорффа.

— Еще бы, — сказал я. — Мы прозвали его жестянщиком, потому что он и в постели не снимает своего рыцарского креста.

Келлерман ухмыльнулся.

— Он передает вам привет и радуется предстоящей встрече с вами. Я только что разговаривал с ним по телефону. Ваши рассуждения были очень интересны. К сожалению, я застал лишь конец. Магнитофон ведь можно подсоединить к динамику в соседней комнате. Я говорю это, чтобы вы не приняли меня за кудесника. Да, я слышал ваше высказывание насчет огромных нервных перегрузок, испытываемых пилотами на «старфайтерах». Ну, господин полковник фон Тольксдорфф разберется.

Я в этом не сомневался. Мы никогда не были друзьями с жестянщиком.

Катцер принес кофе, который на сей раз был едва теплый и как будто перестоявший. Когда мы выпили, Келлерман протянул мне руку.

— Не сердитесь. Ночь затянулась дольше, чем я полагал. Сейчас за вами придут. Господин фон Тольксдорфф пришлет машину. Вы можете пока подождать в соседней комнате. Если вы нам еще понадобится, мы знаем, где вас найти.

С этим меня отпустили. Я хотел взять свое пальто, но, увидев дыру и пятно крови, раздумал. Солнце ярко светило. День обещал быть по-весеннему теплым.

Комната, в которой я ждал, пока придет машина, была почти пустой и пахла пылью. Я сел на потертую скамью. Посреди стола стоял динамик величиной с сигарную коробку, через который комиссар подслушивал наш разговор. В качестве единственного украшения на стене под грязным стеклом висел снимок памятника Битвы народов в Лейпциге.

Я снова попытался собраться с мыслями. Началось с того, что меня охватил страх, и я стал искать выход. Потом произошел несчастный случай на Рейналлее. У меня возник план, который в случае удачи на год, а то и больше избавил бы меня от полетов. Но этот план не сработал, он не сработал бы, даже если бы с Марион не случилось несчастья. Я недооценил их всех: Катцера, Келлермана и жестянщика. Теперь мне предстояло расплачиваться. Дело не выгорело, просто не выгорело.

Через два часа появился полицейский и пальцем поманил меня. Я вышел в коридор.

Там стоял в полной форме и с торжественным видом Шорш Шмитхен, наш старший фельдфебель.

— Ах ты, мой милый! — заорал он так громко, что весь коридор задрожал. — Что ты вытворяешь! Мы думали уже, ты где-то приземлился, а ты, оказывается, убиваешь девочек.

Вот оно все и вернулось: грубый солдатский юмор, запах пота и кожи.

Шорш был как заведенный. Он без умолку говорил, хлопывая меня при этом по плечу.

— Старик рассказал мне о твоих похождениях. Он, скажу я тебе, рвет и мечет. Не хотел бы я быть в твоей шкуре. Но бог не оставит пилота в беде, а? Переживешь, не бойся! Через четыре недели все забудется.

Шорш Шмитхен никогда еще не сидел в самолете, тем более в таком, который взорвался. Он не мог понять, что такое не забывается.

— Ну пошли, — сказал он. — Не будем устраивать здешним шпикам представление. Наш «Мерседес-300» ждет.

Мы спустились по лестнице. У караульной Шорш милостиво приложил два пальца к козырьку. Я сунул руки в карманы.

«Мерседес-300» оказался нашим вагоном-мастерской, большим защитного цвета сундуком с зарешеченными окнами с обеих сторон. Шмитхен ключом отпер заднюю дверцу.

— Устраивайся поудобнее, — игриво рявкнул он. — Есть у тебя курево? На возьми! Подумай, что ты будешь заливать жестянщику.

Я забрался в сундук, и Шмитхен запер дверь. Он дважды повернул ключ в замке. Затем хлопнула и дверца ка-

бины водителя, слышался шум мотора. Шмитхен сам вел машину, не слишком, впрочем, умело. На повороте он даже задел край тротуара. Машина грохотала. Я попался. Не выгорело...

Тут взгляд мой упал на ключ, как маятник раскачивавшийся на крюке. В бундесвере царит порядок. По уставу военно-воздушных сил в машине всегда должен находиться запасной ключ. Я медленно поднялся с ящика для инструментов, на котором сидел. К черту «не выгорело»! Пусть жестянщик поищет себе другую жертву. Я оказался ему не по зубам!

Когда Шмитхен затормозил перед светофором, я открыл дверь. Он не мог видеть меня, так как в стене, отделявшей кузов от кабины водителя, окна не было. Я спрыгнул почти на радиатор стоявшего позади нас «опеля». Человек за рулем постучал себя пальцем по лбу. Я только-только успел снова запереть дверцу, чтобы она не хлопала, когда Шмитхен дал газ. В два прыжка я очутился на тротуаре. Ну и выпучит же глаза старший фельдфебель Шмитхен...

В своей квартире я задержался ровно столько, сколько было необходимо, чтобы переодеться и уложить чемоданчик. Я взял паспорт и солдатскую книжку, разбил молоточком копилку и вынул из рамки фотографию моего отца. Все остальное я бросил. Затем схватил такси и поехал в аэропорт. Сорок минут спустя я уже поднимался в рейсовый самолет на Берлин.

Над городом на Шпрее медленно спускались сумерки. Чем ближе подходил я к границе, тем безлюднее становились улицы. Время от времени меня обгоняла какая-нибудь машина, реже попадались встречные. Второй раз за эти дни мне вспомнился Гейне. Что ожидает за шлагбаумом? Из меня словно выпустили воздух. Чемоданчик оттягивал руку, как если бы был набит камнями. Я шел все медленнее. У магазина канцелярских принадлежностей остановился и оглядел витрину. Потом дернул дверной колокольчик и на прощанье купил за 40 пфеннигов большую зеленую тетрадь в линейку.

Со следующего угла я уже увидел прожекторы, освещающие бело-красные столбы. Один миг я чуть было не повернул назад. Затем сцепил зубы и двинулся на ту сторону.

Солдат стоял в конусе света под дуговым фонарем. У него были серебряные петлицы и круглая эмблема на фуражке.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Я хотел бы поговорить с офицером.

Он подошел к задвижному окошку будки. Прошло еще немного времени, прежде чем появился другой солдат и предложил мне следовать за ним. Мы пошли рядом, он — размашистым шагом, я — устало, как после долгого пути. Он указал на зеленую тетрадь, которая торчала из моего кармана.

— Учитель, да? — спросил он явно только для того, чтобы немного уменьшить скованность первых минут.

— Нет. Я знал раньше одну девушку, которая наверняка пришла бы сюда со мной. Позже, когда у меня будет время, я хотел бы описать ее историю.

— Ага, — сказал солдат, — пишите. Но вам незачем было тащить с собой бумагу. У нас она тоже есть.

Потом он открыл какую-то дверь.

— Вот мы и на месте, — сказал он.

— Да, — сказал я, — это точно...

Перевела с немецкого Татьяна ГИНЗБУРГ

На I—IV стр. обложки рисунок Н. ГРИШИНА

На II стр. обложки рисунок Ю. МАКАРОВА к повести Глеба Голубева «Пасть дьявола»

На III стр. обложки рисунок В. КОЛТУНОВА к повести Жоржа Сименона «А Фелиси-то здесь!»

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Н. КОРОТЕЕВ

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, К-30, Суцьевская, 21. Тел. 251-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 20/I 1977 г. Подп. к печ. 10/III 1977 г. А00594.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 141.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21.

Владимир РЫБИН — „Голубой цветок“
Глеб ГОЛУБЕВ — „Пасть дьявола“
Жорж СИМЕНОН — А Фелиси-то здесь!
Вольфганг С. ЛАНГЕ — Пустая голова

Цена 40 коп.

